ВѢСТНИКЪ
ЕВРОПЫ,

издаваемый

Николаемъ Карамзинымъ.

ЧАСТЬ VI.

МОСКВА, 1802.

Въ Университетской Типографіи

у Любы, Гарія и Попова.

Книгу, подъ заглавіемъ: *Вѣстникъ Европы, издаваемый Николаемъ Карамзинымъ, Часть VI.* разсматривалъ и не нашелъ въ ней противнаго къ напечатанію. Университетской Ценсоръ

Антонъ Прокоповичъ - Антонской.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ

НОЯБРЬ 1802.

№ 21.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Женщина - Авторъ.

(Окончаніе.)

Поспѣшный отъѣздъ Эмиліи удивилъ всѣхъ. Графъ Нанжисъ приписывалъ его разрыву ея съ Жермёлемъ, происшедшему, какъ онъ думалъ, отъ безразсудной ревности къ Меланидѣ. Въ обществахъ говорили только объ Эмиліи, цѣлую недѣлю; а тамъ забыли ее. Жермёль сперва душевно огорчился. Въ большомъ свѣтѣ все воспламяетъ любовь: учтивость и желаніе нравиться, которыя часто бываютъ образомъ ея — спектакли, которые безпрестанно изображаютъ ея прелесть и силу — общества и праздники, соединяющіе людей. Но отсутствіе скоро истребляетъ память милаго въ людяхъ, ведущихъ разсѣянную жизнь. Страсти родятся и

возраста отъ въ свѣтѣ легче, нежели въ уединенiи; но онѣ питаются въ безмолвной тишинѣ сего послѣдняго: тамъ опасно заключиться съ любовiю; тамъ она неизлечима. Жермёль грустилъ во все то время, пока свѣжiя воспоминанiя живо представляли ему Эмилiю; но проѣхавъ разъ шесть мимо ея дома, услышавъ въ разныхъ концертахъ другихъ женщинъ, играющихъ на арфѣ и поющихъ, — привыкнувъ не встрѣчать ее ни во дворцѣ, ни на балахъ, онъ пересталъ объ ней думать, и внутренно хвалился своею *твердостiю*. Такимъ образомъ не рѣдко *забывчивость*, которая происходитъ отъ слабости, дѣйствiемъ самолюбiя обращается въ похвальное мужество разсудка! Между тѣмъ, какъ Жермёль нечувствительно забывалъ Эмилiю, не оживляя прежнихъ чувствъ своихъ къ Графинѣ Нанжисъ, Эмилiя думала объ немъ ежеминутно, имѣя болѣе силы и постоянства въ характерѣ. Сверхъ того, живучи уединенно, не могла имѣть никакого разсѣянiя. Едва выѣхавъ изъ Парижа, она вообразила Жермёля въ трогательномъ видѣ отчаянiя; перестала осуждать его; жалѣла объ немъ сердечно и твердила въ мысляхъ безпрестанно, что, не смотря на страсть къ ней, онъ никогда не ду-

малъ пожертвовать ей Графинею; никогда даже не хотѣлъ ясно говорить о невольной любви своей. Эмилія забыла, что торжественное объявленіе не нужно, когда два человѣка разумѣютъ другъ друга; что взоры, перемѣны голоса и слова, которыя вырываются изъ сердца, и которыхъ смыслъ тѣмъ яснѣе, что испуганный разумъ хочетъ затмить его, бывали всегда истиннымъ языкомъ любви.

Эмилія въ первый разъ узнала, какъ можно жить безъ людей и не скучать. Сердца дѣятельныя и чувствительныя находятъ болѣе удовольствія въ уединеніи, нежели холодныя и лѣнивыя, которыя имѣютъ нужду въ потрясеніяхъ внѣшности. Можно ли скучать съ живымъ воображеніемъ, съ талантами, съ чистою совѣстію и съ нѣжнымъ воспоминаніемъ? Эмилія огорчалась разлукою съ Жермёлемъ, но утѣшалась мыслію, что твердость ея заслужитъ его удивленіе. Сверхъ того *взаимная* любовь ни въ какомъ положеніи не бываетъ безъ надежды. Графиня Нанжисъ сожалѣла о потерянной добродѣтели и была недовольна своимъ любовникомъ: не могла ли она добровольно разорвать цѣпь, которая уже тяготила ее? Эмилія воображала Жермёлеву къ ней любовь самою романическою и страстною;

и кто въ 22 года не имѣетъ права ожидать всего отъ времени, любви и постоянства? Эмилія съ новымъ удовольствіемъ принялась за сочиненіе, и написала романъ. Когда Авторъ пишетъ истину, и въ сердцѣ своемъ находитъ описываемыя имъ трогательныя чувства, тогда сіе упражненіе бываетъ столь мило, что можетъ замѣнить самое щастіе. Гораздо пріятнѣе для ума и души писать романъ, нежели свою исторію, которая никогда не дозволитъ быть чистосердечнымъ (ибо совершенная искренность или безразсудна, или смѣшна); а это принужденіе всегда охлаждаетъ воображеніе. Сверхъ того весьма трудно говорить о себѣ съ пріятностію, свободою и съ чувствомъ внутренняго достоинства; ужасно думать, что все истинно-хорошее покажется сомнительнымъ, и что воображаемое пристрастіе *Историка* заставляетъ не вѣрить *Исторіи*. Но въ романѣ безъ всякаго хвастовства Авторъ можетъ описать и даже украсить себя въ тысячи портретахъ, ни мало не обманывая читателя, которому обѣщана выдумка. Еще пріятнѣе описывать милыхъ намъ людей, въ то щастливое время жизни, когда слѣпая довѣренность и нѣжная чувствительность окружаютъ своими мечтами все любезное

сердцу!.. Ахъ! сколь живы и совершенны должны быть сіи картины, написанныя въ молодости съ увѣреніемъ въ ихъ истинѣ!... Время и печальная опытность снимаютъ магическую, блестящую завѣсу, которая украшаетъ дружбу и всѣ чувства; но и тогда еще мы любимъ изображать, что нѣкогда насъ прельщало; не выдумываемъ, а только воспоминаемъ!

Мѣсяцевъ черезъ восемь увѣдомили Эмилію, что Графиня Нанжисъ въ чахоткѣ и при смерти; что, зная опасность свою, она уже не видится съ Жермёлемъ и думаетъ только объ одной Религіи. Сія нещастная, терзаясь вмѣстѣ и своимъ преступленіемъ и холодностію любовника, была жертвою угрызеній совѣсти и любви. Жермёль не переставалъ изъявлять ей нѣжности и попечительной дружбы; но онъ не былъ уже влюбленъ. Польза самолюбія и тайные виды любочестія дѣлаютъ иногда мущинъ искусными лицемѣрами любви; но благодарность и жалость не заставляютъ ихъ притворяться страстными. Графиня Нанжисъ умерла въ началѣ весны, черезъ 13 мѣсяцевъ послѣ Эмиліина отъѣзда. Жермёль чувствовалъ истинную горесть и даже раскаяніе; чувствовалъ, сколь ужасно прельстить молодую, нѣжную и добро-

дѣтельную женщину, которая уступаетъ сердцу единственно для того, что вѣритъ непреодолимой страсти и вѣчному постоянству любовника; а кто изъ мущинъ можетъ быть искренно увѣренъ въ своемъ постоянствѣ? Жермёль занемогъ, не выходилъ изъ комнаты, тронулъ всѣхъ такою живою горестїю, и думая, что осьмидневная лихорадка загладила вину его, успокоился! Эмилїя узнала о Жермёлевой болѣзни, и пользуясь всякимъ случаемъ выдумывать трагическїе романы, вообразила его при смерти, героемъ благодарности и мученикомъ дружбы. Съ слезами горести и сожалѣнїя она спѣшила въ Парижъ, прїѣхала туда черезъ двѣ недѣли послѣ смерти Графини Нанжисъ, и нетерпѣливо хотѣла узнать о здоровьи Жермёля. Его не нашли дома; онъ былъ въ Версалїи: ибо самые тѣ, которые носили одежду горести, лишась отца, супруги, и не смѣя показаться въ спектакляхъ, ѣздили въ глубокомъ траурѣ ко Двору; обыкновенїе запрещаетъ горестнымъ искать разсѣянїя въ театрѣ, но дозволяетъ имъ утѣшаться честолюбїемъ. Жермёль увидѣлъ Эмилїю, и почувствовалъ къ ней возобновленїе прежней своей страсти. Любовь, съ которою человѣкъ всегда сражался, никогда не старѣется;

отсутствіе можетъ усыпить ее, но свиданіе пробуждаетъ. Жермёль былъ столько нѣженъ, что не хотѣлъ говорить Эмиліи о любви во все время траура Графа Нанжиса; должно было плакать, пока видимые предметы не дозволяли забывать горести. Благопристойность имѣетъ строгіе законы въ свѣтѣ и такъ нѣжна, что иногда походитъ на чувство; не чудрено: ибо она выдумана для его замѣны.

Эмилія была уже дней восемь въ Парижѣ, когда въ одинъ вечеръ сказали ей, что священникъ Сен-Рокской желаетъ съ нею видѣться. Она приняла его. Сей почтенный старецъ вручилъ ей запечатанный пакетъ отъ имени Графини Нанжисъ, которая за нѣсколько часовъ до смерти велѣла ему отдать его Эмиліи. Съ какимъ трепетомъ, оставшись наединѣ, она распечатала таинственную бумагу! Въ ней были медальйонъ съ портретомъ и волосами Жерміёля, и слѣдующая записка, написанная слабою, дрожащею рукою:

„Оставляю вамъ то, о чемъ не дозволено мнѣ жалѣть, но что могу безъ горести уступить одной великодушной Эмиліи. Не плачьте о судьбѣ моей: я такъ страдала, что смерть есть для меня успокоеніе. Дай Богъ, чтобы закон-

„ная любовь сдѣлала постояннымъ того „человѣка, котораго я обожала, но котора„раго сердце не могла сохранить, по край„ней мѣрѣ *безъ раздѣла!*... Дай Богъ, „чтобы вы были щастливы!.. Вотъ по„слѣднее желаніе нѣжнѣйшей благодарно„сти; оно конечно исполнится!“

Эмилія оросила слезами сію записку, и съ горестію смотрѣла на портретъ съ волосами, вокругъ которыхъ были изображены слова: *любовь и постоянство.* Боже мой! думала она: такъ онъ говорилъ, клялся, и черезъ нѣсколько мѣсяцевъ не любилъ уже этой прекрасной и милой женщины!... Сія ужасная мысль сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Эмиліи; но страсть уже такъ вкоренилась въ ея сердце, что она не могла умѣрить ее: могла только предвидѣть опасности и страшиться ихъ. Эмилія не сказала о томъ Жермёлю, видя, что онъ никогда не хотѣлъ говорить о Графинѣ Нанжисъ, и боясь возобновить его горесть съ угрызеніемъ совѣсти. Она повѣсила медальйонъ на золотую цѣпочку и надѣла его себѣ на шею.

Наконецъ, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ, страстно влюбленный и любимый Жермёль открылъ свои чувства съ живѣйшимъ восторгомъ. Эмилія слушала его

съ удовольствїемъ и съ безпокойствомъ. Клятва любить вѣчно и слово *постоянство* въ устахъ Жермёля приводили ее въ трепетъ; но сїе дѣйствїе отъ частаго повторенїя ослабѣло, и скоро Эмилїя вздумала, что естьли бы Жермёль любилъ Графиню такъ, какъ любитъ ее, то онъ никогда бы не перемѣнился.

Жермёль не могъ говорить Эмилїи о любви, не требуя руки ея; но она думала, что изъ уваженїя къ памяти Графини Нанжисъ, для оправданїя нѣжности ея и для славы собственнаго характера его, ему не надлежало такъ скоро жениться. Съ общаго согласїя отложили свадьбу на семь или восемь мѣсяцевъ, и дали другъ другу слово не говорить о томъ. Жермёль, желая привести въ порядокъ экономическїя дѣла свои, поѣхалъ во Фландрїю, съ тѣмъ, чтобы возвратиться черезъ два мѣсяца.

Черезъ нѣсколько дней послѣ Жермёлева отъѣзда Эмилїя узнала о нещастныхъ обстоятельствахъ одного добраго семейства и съ сердечнымъ безпокойствомъ говорила о томъ со стариннымъ другомъ своего дому, человѣкомъ добродѣтельнымъ и просвѣщеннымъ, къ которому она имѣла такую довѣренность, что показывала ему иногда и сочиненїя свои. Бре-

валъ (имя сего друга) спросилъ у нее, рѣшится ли она сдѣлать все возможное для спасенія нещастныхъ отъ темницы? Можете ли въ томъ сомнѣваться? отвѣчала Эмилія: но имъ надобно 40 тысячь ливровъ; а у меня нѣтъ денегъ. — „Естьли хотите, то черезъ нѣсколько дней у васъ будетъ столько.“ — Какимъ же образомъ? говорите скорѣе! — „Отдайте въ печать вашъ романъ.“ — Боже мой! какое предложеніе! что скажетъ Дорошея? что подумаетъ Жермёль? — „Вы спасете добрыхъ людей отъ ужасовъ бѣдствія.“ — Да и можетъ ли эта книга принести столько прибыли? — „Сочинительница молода и любезна; романъ занимателенъ и хорошо писанъ; онъ будетъ въ славѣ; отвѣчаю за два изданія въ первый мѣсяцъ, и за 40 тысячь ливровъ.“ — Но сколько шуму! а я дала сестрѣ вѣрное слово ничего не печатать. — „Доброе сердце ваше еще прежде того обѣщало Небу облегчать судьбу бѣдныхъ; одно святѣе другаго.“ — По крайней мѣрѣ я буду писать къ сестрѣ, которая теперь въ деревнѣ; естьли она одобритъ такое намѣреніе, я согласна. — „А естьли не одобритъ, то вы предадите нещастныхъ въ жертву безжалостнымъ заимодавцамъ; можете спасти ихъ, и не захотите!

Будетъ ли спокойна ваша совѣсть, когда они умрутъ въ темницѣ? Нужны ли совѣты для великодушія?" — Но естьли дружба скрываетъ отъ васъ недостатки моего сочиненія? — „Я увѣренъ, что оно полюбится." — А естьли нѣтъ? — „Тогда доброе намѣреніе утѣшитъ васъ."

Эмилія никогда не умѣла оспоривать великодушнаго предложенія, никогда не предвидѣла въ такомъ случаѣ опасностей и слѣдовала сердцу, а не разсудку. Естьли вы согласны, сказалъ Бреваль, то напишите нѣсколько строкъ къ бѣдному отцу семейства; дайте ему надежду. — Не могу противиться, отвѣчала Эмилія: и поѣдемъ къ нимъ сами! . . . Эмилія звонитъ, велитъ закладывать карету и думаетъ только о радости нещастныхъ; обѣщаніе, страхъ, свѣтъ, самая любовь — все забыто въ сію минуту восторга. Она видитъ только слезы благодарности! . . Такимъ образомъ дѣло сдѣлалось. Она дала слово, и признательное семейство бросилось къ ногамъ ея. Никакой Авторъ не выходилъ на сцену такъ *благодѣтельно* и *щастливо*! . . . Въ тотъ же вечеръ рукопись была уже въ Типографіи, и черезъ три недѣли книга вышла. Предсказаніе Бревалево исполнилось; всѣ Журналы наперерывъ осыпали похвалами

Автора; изданіе разошлось въ 10 дней. Благодѣтельные люди, узнавъ, для чего напечатана книга, платили за нее болѣе назначенной цѣны; на примѣръ, одинъ Руской за два экземпляра прислалъ 200 луидоровъ. Деньги были отданы Господину Д*, Адвокату, который взялся платить долги нещастнаго семейства. Скоро набралась вся сумма, и Эмилія торжествовала съ восторгомъ начало своего авторства, похвальнаго причиною, блестящаго успѣхомъ. Зависть безмолвствовала; все сдѣлалось такъ скоро, что она не имѣла времени ни подумать, ни изготовить своего яда. „Любезная Эмилія! говорила сестрѣ своей Доротея: какъ умно, какъ хорошо будетъ остановиться и нейти далѣе! Пиши, когда имѣешь охоту и талантъ, но не издавай ничего болѣе!“ . . . Прекрасный совѣтъ, которому Эмилія не послѣдовала! Ты боишься химеры, отвѣчала она: видишь, какъ публика снисходительна къ женщинѣ, какъ Журналисты учтивы! Первый шагъ сдѣланъ; онъ самый трудный; судьба рѣшена, и я на всю жизнь дѣлаюсь Авторомъ. — Доротея вздохнула, угадывая будущее.

Эмилія ожидала Жермёля съ величайшимъ нетерпѣніемъ, думая, что ея

слава умножитъ любовь его — но обманулась. Талантъ любовницы польстилъ Жермёлеву самолюбїю, и заставилъ его еще болѣе уважать ее; но она сдѣлалась для него другою женщиною, и потеряла свою цѣну въ глазахъ любви. Уже Эмилїя не была для Жермёля образомъ милой, откровенной нѣжности, соединенной съ любезною простотою и веселостїю, которая столько забавляла его! Она не перемѣнилась, но онъ смотрѣлъ на нее иными глазами, и боялся гордости, которой въ ней никогда не было. Кротость и простота ея казались ему снисхожденїемъ. Онъ остался на своемъ мѣстѣ, а она возвысилась: слѣдственно, по его мнѣнїю, удалилась отъ него. Воображенїе любовника не могло уже представлять ее въ томъ миломъ видѣ, который питаетъ нѣжность. Кто захочетъ вообразить Грацїй съ перомъ въ рукѣ, закапанныхъ чернилами и погруженныхъ ночью въ авторское глубокомыслїе? Розовая гирланда украшаетъ женщину; лавровый вѣнокъ дѣлаетъ ее старѣе. „Такъ, я радуюсь твоею славою, говорилъ Жермёль Эмилїи: но развѣ не жаль тебѣ продавать въ книжныхъ лавкахъ таланты свои, которыми прежде одна любовь наслаждалась? Теперь всѣ знаютъ тебя равно со мною. Любов-

никъ не имѣетъ ли права жаловаться на измѣну? Нѣжныя, милыя чувства, которыми я плѣнялся въ твоихъ письмахъ, напечатаны въ твоей книгѣ; трогательныя выраженія, вдохновеніе любви, помѣщены тобою въ романъ; ты отняла ихъ у меня, чтобы обратить въ выдумку!"

Эмилія считала такія укоризны остроумною шуткою, ни мало не тревожилась и спокойно наслаждалась блескомъ своего новаго положенія. Для всякаго молодаго Автора, который начинаетъ съ успѣхомъ, первые два или три мѣсяца бываютъ временемъ очарованія. Удовольствіе видѣть *мысли свои въ печати* — Журналы, въ которыхъ насъ хвалятъ — переводъ книги на иностранные языки — лестныя письма и стихи — похвалы, которыми осыпаютъ сочинителя въ свѣтѣ знакомые и незнакомые: все это пріятно не только самолюбію, но и сердцу; кажется, что мы имѣемъ новое право быть любимыми; кажется, что можемъ почтить дружбу, оправдать любовь; а естьли изданная книга нравоучительна, то надѣемся на сердечное благоволеніе всѣхъ добродушныхъ людей и на самую признательность читателей. Вотъ прелесть и мечта новой славы! Но едва ли не всегда платимъ за нихъ спокойствіемъ

сердца. Скоро Эмилія увидѣла, что имя Авпора имѣетъ свои неудобности. Ей показалось наконецъ скучно, что всякой встрѣчаясь съ нею, считалъ за долгъ говорить объ ея книгѣ. Она замѣтила на нѣкоторыхъ лицахъ какое-то непріятное выраженіе; замѣтила, что къ ней не имѣютъ уже вообще прежней любви, и сама не находила въ обществахъ прежняго удовольствія. Умные люди хотѣли всегда заводить ее въ такіе разговоры, которые ей не нравились: въ ученые или въ романическіе. Робкіе невѣжды боялись ее, а надменные глупцы были съ нею еще во сто разъ глупѣе и несноснѣе, потому что желали хвастаться передъ ней умомъ своимъ. Но всего чувствительнѣе для Эмиліи была перемѣна въ Жермёлѣ. До того времени она, можно сказать, повелѣвала его образомъ мыслей: вдругъ онъ началъ во всемъ противорѣчить ей, уступавъ прежде разуму ея, но не желая тогда ничего уступить ея славѣ. Жермёль боялся Эмилїина самолюбія, боялся унизить себя передъ нею въ глазахъ другихъ людей; и тотъ, кто славился быть плѣнникомъ ея красоты и любезности, стыдился отдать справедливость превосходному уму ея. Жермёль всегдашнимъ противорѣчіемъ хотѣлъ возстановить

между имѣ и ею бывшее равенство; при всякомѣ случаѣ говорилѣ ей непріятности, иногда шуткою, иногда сѣ насмѣшкою, иногда же и сѣ внутреннею досадою. Такимѣ образомѣ онѣ спѣшилѣ извѣстить ее, что женщины вообще не хорошо расположены кѣ ней сѣ того времени, какѣ она сдѣлалась Авторомѣ. Кажется, отвѣчала Эмилія, что это не безчеститѣ моего пола. Напротивѣ, сказалѣ Жермёль, дѣлаетѣ ему честь; но женщины не имѣютѣ *общаго духа*. Образованныя своею нѣжностію для жизни тихой и милой, онѣ должны полагать славу свою вѣ дѣлахѣ отца, сына, супруга; то есть, *принимаютѣ*, а *не даютѣ* ее. Законы вѣ этомѣ случаѣ согласны сѣ Природою: слава есть истинная собственность того, кто сообщаетѣ имя свое и можетѣ оставить его вѣ наслѣдство дѣтямѣ."

Эмилія слушала его сѣ изумленіемѣ, и не узнавала того Жермёля, который еще недавно былѣ столь кротокѣ, угождалѣ и льстилѣ ей во всемѣ; ибо лесть, самая грубая, есть истинный языкѣ любви: языкѣ прелестный тѣмѣ, что, не смотря на свои излишности, онѣ всегда искренненѣ! Любовникѣ, который наединѣ сѣ любовницею начинаетѣ гово-

рить разсудительно, скоро будетъ только другомъ. Однакожъ Жериёль любилъ еще Эмилїю, и обходился съ нею такъ, какъ мы обходимся съ дѣтьми, которыхъ боимся избаловать и въ-глаза судимъ строго, а за-глаза хвалимъ съ удовольствїемъ. Онъ радовался, когда при немъ хвалили ее, и оскорблялся всякою критикою; не могъ терпѣть женщинъ, которыя завидовали Эмилїи (Меланида была въ числѣ ихъ), и находилъ тайное удовольствїе въ томъ, чтобы обнаруживать ихъ душу, ссыпая Эмилїю похвалами. Вотъ самое вѣрное средство срывать личину съ завистниковъ! Они еще не знаютъ искусства скрывать въ такомъ случаѣ своей досады. Естьли рѣчь идетъ о книгѣ, занимающей публику, то одни говорятъ, что они не читали ее; другїе принуждаютъ себя хвалить нѣкоторыя мѣста, но коротко и холодно; или сравниваютъ съ другою книгою, которая имъ лучше нравится; или начинаютъ превозносить до небесъ какого нибудь умершаго Автора, чтобы унизить живаго, любимаго публикою: и наконецъ всѣ вообще стараются перемѣнить разговоръ.

Жермёль, ставъ холоднѣе въ любви своей, болѣе прежняго занимался честолюбїемъ. Онъ искалъ гажнаго мѣста при

Дворѣ, и въ самое то время братъ Меланидинъ былъ сдѣланъ Министромъ. Давно уже замѣтивъ ея расположенїе къ нему, Жермёль вздумалъ тѣмъ воспользоваться, и началъ къ ней часто ѣздить. Слѣдствїемъ сего было вѣрное обѣщанїе Министра дать ему желаемое мѣсто. Эмилїя оскорбилась, и не скрыла, что ей очень непрїятна новая связь его съ женщиною, которую онъ внутренно презираетъ, и которая есть явная непрїятельница невѣсты его. Жермёль отвѣчалъ сухо, что Эмилїя имѣетъ также непрїятныя для него связи, и что онъ не требуетъ отъ нее разрыва ихъ. Потребуй же, сказала она: я все сдѣлаю. — „Тебѣ вѣрно не захочется выгнать изъ дому Маркиза К*.“ — Развѣ онъ тебѣ не нравится? — „Я нахожу его скучнымъ педантомъ.“ — Ты не любишь Академиковъ? — „Ни Авторовъ.“ — Это слово не есть ли маленькая грубость? — „Можетъ показаться грубостїю; но божусь, что я не думалъ о тебѣ.“ — Тѣмъ хуже! Лучше сердиться, нежели забывать. И такъ хочешь ли, чтобы я затворила двери для Маркиза К*? — „Сохрани Богъ!“ — По чему же? — „Онъ влюбленъ въ тебя, и напишетъ сатиру. Господа остроумцы самые опасные любовники; начинаютъ похваль-

ными стихами, а лишась надежды, мстятъ пасквилями." — Всякой Авторъ, нещастливый въ любви, сочиняетъ пасквили! вотъ прекрасное и справедливое заключеніе! Ты безпрестанно нападаешь на Сочинителей; я не люблю браниться, а умѣю примѣчать, и замѣтила, что свѣтскіе невѣжды не могутъ терпѣть Литтераторовъ, и въ насмѣшку называютъ ихъ *остроумцами*. Авторы гораздо справедливѣе и снисходительнѣе; они соглашаются, что можно быть умнымъ человѣкомъ и не Писателемъ, а смѣются только надъ дерзкимъ и завистливымъ невѣжествомъ. — — Сей отвѣтъ живо тронулъ Жермёлево самолюбіе, которое скорѣе прощаетъ въ дружбѣ, нежели въ любви. Уже недѣль пять разговоры ихъ почти всегда кончились неудовольствіемъ и насмѣшками: вѣрное предзнаменованіе разрыва между любовниками!

Однакожь они, не смотря на частыя досады и холодность, все еще столько любили другъ друга, что не думали разстаться, и близость дня, назначеннаго для ихъ соединенія, оживила нѣсколько ихъ первыя чувства. Какъ скоро исполнился годъ послѣ смерти Графини Нанжисъ, Эмилія и Жермёль объявили родственникамъ свое намѣреніе соединиться бракомъ

черезъ двѣ недѣли, и поѣхали въ загородный домъ къ Доротеѣ, гдѣ надлежало быть свадьбѣ. Меланида, узнавъ о томъ, разсердилась до крайности; она думала, что Жермёль уже разлюбилъ Эмилїю, потому что онъ, бывая у нее, для пользы своего честолюбїя всячески старался ей нравиться: всегдашнїй способъ обманывать женщинъ надменныхъ и легковѣрныхъ! Меланида считала Жермёля измѣнникомъ, для того, что обманулась въ своей надеждѣ; спѣшила въ Версалїю къ брату — и на другой же день обѣщанное мѣсто было отдано другому. Жермёль огорчился, и еще вздумалъ, что Эмилїя будетъ въ семъ случаѣ торжествовать надъ нимъ. Эта мысль сдѣлала его чрезмѣрно холоднымъ и сердитымъ, въ то самое время, когда все готовилось къ свадьбѣ, и когда Эмилїя была къ нему нѣжнѣе обыкновеннаго.

Она любила танцовать, и всякой вечеръ передъ ужиномъ былъ у Доротеи маленькой балъ. Случилось, что Эмилїя въ контръ-дансѣ порвала цѣпочку медальйона съ Жермёлевымъ портретомъ, даннымъ ей умирающею Графинею Нанжисъ. Медальйонъ упалъ на землю, и кавалеръ ея спѣшилъ поднять его. Эмилїя, въ первомъ движенїи, сказала громко:

„ахъ! этотъ медальйонъ мнѣ очень дорогъ!“ . . . Жермёль услышалъ, и пришелъ въ изумленіе. Онъ подарилъ Эмиліи только браслетъ съ волосами своими: что же значилъ сей *дригоцѣнной* медальйонъ? Жермёль спросилъ о томъ у Эмиліи, и такъ сухо, что она огорчилась, но отвѣчала ему просто, что это залогъ дружбы, для нее милой. *Дружбы*! сказалъ Жермёль: на что же носить его тайно? — „Тебѣ нѣтъ причины безпокоиться.“ — Это портретъ? — „Да, портретъ.“ — Доротеинъ? — „Нѣтъ.“ — По крайней мѣрѣ женской? — „Нѣтъ.“ — Какой же? — — Эмилія задумалась, не отвѣчая ни слова. Что же вы не говорите? спросилъ Жермёль. Дозволь мнѣ не сказать тебѣ, отвѣчала Эмилія. — „Можно ли?“ — Можно: потому что это одно любопытство; ты безъ сомнѣнія не можешь ревновать. — „И такъ вы не хотите имѣть ко мнѣ довѣренности?....“ Эмилія опять задумалась, и взглянувъ быстро на Жермёля, отвѣчала: „Теперь хочу узнать, имѣешь ли ты самъ ко мнѣ довѣренность! Соглашаюсь сказать правду: это твой портретъ; но не хочу показать его; вѣрь моему слову.“ — Мой портретъ? сказалъ Жермёль съ насмѣшкою: признайтесь, что эта *правда* уди-

вительна! — „Признайтесь и вы, что малѣйшее сомнѣніе должно быть для меня оскорбительно!“ — Для чего же скрывать *мой портретъ?* Вы никогда не были упрямы; а это будетъ самымъ непонятнымъ упрямствомъ. — „Можете ли подозрѣвать меня въ обманѣ?“ — О! это совсѣмъ не подозрѣніе! — „Что же? Естьли портретъ не твой, то я обманываю и хочу закрыть связь съ другимъ любовникомъ наканунѣ нашей свадьбы: вотъ твои мысли!“ — Нѣтъ; однакожь я увѣренъ, что тутъ есть какая нибудь тайна. — „Есть конечно; но я безъ всякаго обмана сказала тебѣ правду.“ — Таить что нибудь отъ любимаго человѣка есть преступленіе. — „Ложное правило! и теперешній случай опровергаетъ его.“ — Прекратимъ этотъ разговоръ, которой для меня огорчителенъ и страненъ Я скажу прямо и безъ всякихъ загадокъ: естьли вы не покажете мнѣ медальйона, то буду увѣренъ, что хотите разсердить меня и разорвать нашу связь. — „Естьли бы я уже не любила васъ, то не стала бы искать предлога: рука моя еще свободна.“ — Хотите ли исполнить мое требованіе? — „А вы хотите ли вѣрить моему слову?“ — Любовь не должна быть легковѣрною. — „Уваженіе требуетъ

довѣренности.“ — Естьли вы еще меня любите, то я увижу портретъ. — „Жермёль! три мѣсяца замѣчаю въ тебѣ безпрестанныя неудовольствія и холодность, которыя доказываютъ, что сердце твое перемѣнилось. Въ супружествѣ пламенная любовь не есть необходимость, но оно не можетъ быть щастливо безъ совершенной довѣренности. Докажи ее мнѣ; повѣрь нынѣ, а завтра изъясню тебѣ загадку.“ — Будетъ поздно; завтра я уже не повѣрю вамъ. Мнѣ должно видѣть портретъ сію минуту. — „Это послѣднее слово ваше?“ — Такъ, признаюсь искренно. — „Хорошо: теперь скажу вамъ и свое рѣшеніе. Естьли будете непремѣнно требовать, то я покажу вамъ медальйонъ, но . . . разстанусь съ вами навѣки.“ — Такая угроза подтверждаетъ всѣ мои сомнѣнія. — „Подумайте хорошенько; эта минута рѣшительна.“ — Нѣтъ, нѣтъ! вы дали мнѣ слово показать медальйонъ, и должны сдержать его теперь же. — „И такъ вы хотите разорвать со мною?“ — Хочу видѣть портретъ. — — Эмилія поблѣднѣла. Жермёль приступалъ къ ней, чтобы она исполнила свое обѣщаніе. „Исполню, отвѣчала Эмилія. Смотрите, Государь мой: вотъ портретъ! онъ долженъ терзать

вашу совѣсть съ двухъ сторонъ. Я хотѣла избавить васъ отъ мучительнаго воспоминанія и увѣриться въ вашей довѣренности, которую вамъ надлежало имѣть къ характеру, поведенію и чувствамъ моимъ. Вы забылись, оскорбили меня, и разорвали навѣки союзъ нашъ!“... Тутъ Эмилія не могла удержаться отъ слезъ. Жермёль могъ бы въ эту минуту помириться съ нею; но онъ оказалъ болѣе замѣшательства, нежели чувствительности; самолюбіе его страдало болѣе сердца; онъ говорилъ все, кромѣ того, что говорить надлежало! Эмилія перестала плакать; они разстались навсегда. Хотя Жермёль въ слѣдующіе дни всячески старался представить Эмилію въ глазахъ другихъ людей упрямою и *непреклонною*, но въ самомъ дѣлѣ не изъявилъ ничѣмъ истиннаго и трогательнаго раскаянія, которое одно могло бы примирить нѣжное, оскорбленное сердце. Равнодушные зрители бываютъ всегда дурными судьями въ ссорахъ любви, оправдывая тѣхъ, которые соблюдаютъ *наружную пристойность*; а соблюдаетъ ее тотъ, кто болѣе владѣетъ собою и менѣе любитъ — слѣдственно виноватый. Жермёль всѣхъ трогалъ своимъ несчастіемъ; Эмилію обвиняли упрямствомъ и нечувствительностію,

хотя она была гораздо нещастливѣе, потому что любила, и любила долго. Непостоянный Жермёль предался честолюбію, единственной страсти, которая можетъ навсегда овладѣть вѣтренымъ и холоднымъ сердцемъ.

Черезъ шесть недѣль послѣ того началась Революція. Жермёль уѣхалъ изъ Франціи, а Эмилія оставила отечество не прежде, какъ черезъ два года. Тогда-то узнала она всю непріятность славы. Когда человѣкъ живетъ въ кругу семейства и богатъ, ему не трудно презирать злословіе и пасквили; но когда онъ всего лишился, ищетъ пристанища и долженъ жить одними трудами своими, которые всего болѣе требуютъ душевнаго спокойствія, тогда нужно имѣть отмѣнную твердость, чтобы не впасть въ уныніе отъ злобы людей и не сдѣлаться мизантропомъ. Эмилія имѣла эту твердость. Посвятивъ себя совершенно Литтературѣ, нашла она въ Изящныхъ Искусствахъ богатый источникъ утѣшеній. Доротея, выѣхавъ изъ Франціи вмѣстѣ съ нею, не встрѣчала нигдѣ непріятелей, жила покойнѣе, и скорѣе возвратилась въ отечество. Эмилія наконецъ также возвратилась, но отъ безпечности своей лишилась всего имѣнія. Въ Парижѣ нашла она нѣ-

сколько вѣрныхъ друзей, множество неблагодарныхъ и злодѣевъ; однакожь не думала жаловаться и говорила: „я сама виновата, не хотѣвъ слѣдовать примѣру и совѣту моей сестры!“ Жермёль стараніемъ Меланиды былъ выключенъ изъ списка Эмигрантовъ, и женился на ней изъ благодарности, а еще болѣе для поправленія своихъ обстоятельствъ.

Доротея была всегда щастливѣе Эмиліи, отъ своего совершеннаго благоразумія и разсудительности. Съ нею не случилось ничего романическаго; она не имѣла славы, не вселяла чрезвычайной страсти, но ее любили нѣжно и постоянно. Имя ея, неизвѣстное въ чужихъ земляхъ, произносилось въ отечествѣ съ любовію и почтеніемъ. Она была утѣшеніемъ друзей своихъ и щастіемъ семейства. Это стоитъ романа и авторской славы для женщины.

II.

Нѣкоторыя примѣчанія Гражданина Мишо для Историковъ Французской Революціи.

Сочинитель дурнаго романа, изданнаго подъ именемъ *Магдалинина кладбища*, говоритъ, что Лудовикъ XVI за нѣ-

сколько времени до 10 Августа хотѣлъ сложить съ себя санъ Королевскій; что онъ разсуждалъ о семъ намѣреніи съ послѣднимъ духовникомъ своимъ, Ирландцемъ Эджевортомъ, и въ письмѣ къ нему, отданномъ сему Аббату 11 Августа Господиномъ Обье, изъявлялъ великое сожалѣніе о томъ, что не исполнилъ во-время своего намѣренія. Ни Г. Обье, ни Эджевортъ не имѣютъ идеи о такомъ письмѣ Лудовика, и оба напротивъ того увѣрены, что онъ считалъ за долгъ свой умереть Королемъ. Можетъ быть Авторъ романа слышалъ только слѣдующій анекдотъ:

Въ тотъ день, какъ Національное Собраніе опредѣлило узнать мнѣніе народа о свержении Короля и о новой Конституціи, Г. Обье пришелъ сказать о томъ Лудовику. Королева, читая сіе опредѣленіе и видя ясное намѣреніе учредить во Франціи Республику, спросила: „можно ли положиться на такихъ людей, которые вчера клялись умереть за Монархію, а нынѣ хотятъ Демократіи?“ Начался разговоръ между ею и Принцессою Елисаветою, которая заключила его словами: „одинъ Богъ можетъ быть нашимъ наставникомъ!“ Тутъ Король, молчавъ нѣсколько минутъ, всталъ и, выходя изъ

комнаты, произнесъ съ чувствомъ два стиха изъ Альзиры:

Не стоятъ смертные того,
Чтобъ власти пожелать надъ ними.

Петїонъ былъ избранъ въ Меры большинствомъ шести тысячь, семи сотъ голосовъ: вотъ число тогдашнихъ Якобинцевъ въ Парижѣ! Но, къ стыду добрыхъ гражданъ, сїи изверги дѣйствовали согласнѣе ихъ, нашли способъ порабощить Францїю и тиранствовать нѣсколько лѣтъ. —

Фабръ д' Эглантинъ, другъ Дантоновъ и страшный Якобинецъ, въ началѣ Августа нѣсколько разъ писалъ къ Королю и требовалъ тайнаго свиданїя съ Г. Дюбушажемъ, тогдашнимъ Министромъ морскихъ силъ. Король спросилъ у сего Министра, знаетъ ли онъ Фабра д' Эглантина? — „Знаю какъ Автора Комедїй и великаго Якобинца; впрочемъ никогда не видалъ его.“ — Онъ желаетъ открыть вамъ полезныя для меня тайны, сказалъ Лудовикъ. — „Естьли угодно Вашему Величеству, то я пошлю за нимъ.“ — Въ самомъ дѣлѣ Г. Дюбушажъ пригласилъ къ себѣ Фабра, который явился въ назначенный часъ; началъ съ великимъ жаромъ хвалить Короля и Роялистовъ; разсказы-

валъ все, что замышляютъ Якобинцы, и предложилъ свой планъ, котораго дѣйствіе, по его увѣренію, могло возвратить Лудовику всю прежнюю власть. Сей планъ состоялъ въ томъ, чтобы закупить канонировъ и главныхъ, такъ называемыхъ друзей народа, окружить войскомъ Якобинской Клубъ, Національное Собраніе, однихъ взять подъ стражу, другихъ убить, и проч. Фабръ д' Эглантинъ требовалъ для того 3,000,000 ливровъ. Г. Дюбушажъ донесъ о семъ Лудовику, который испугался такихъ жестокихъ средствъ, и не могъ впрочемъ положиться на человѣка, столь извѣстнаго своею ненавистію ко Двору. — Многіе Якобинцы дѣлали подобныя предложенія; но Король не хотѣлъ слышать о жестокихъ способахъ.

За два мѣсяца передъ казнію Лудовика никто не думалъ, чтобы его осудили. Самые ревностные Демократы говорили, что одни свирѣпые безумцы могутъ имѣть такое намѣреніе. Но Марсельской легіонъ, вступившій въ Парижъ, навелъ на всѣхъ ужасъ и перемѣнилъ образъ мыслей Конвента, объявивъ, черезъ печатные листы, что всякой Патріотъ долженъ требовать Лудовиковой казни. Однакожь и тогда еще всѣ думали, что его осудятъ не на смерть, а на изгнаніе. Г. Мальзербъ былъ въ семъ

такъ увѣренъ, что Аббатъ Саломонъ, пришедши къ нему 15 Января, нашелъ его сидящаго на полу среди множества ландкартъ: онъ искалъ для Короля надежнаго убѣжища въ изгнаніи.

Г. Мальзербъ описалъ процессъ Лудовика XVI и разговоры свои съ нимъ; но сего манускрипта не нашли по смерти Автора. У меня остался только отрывокъ его, который здѣсь сообщаю. Г. Мальзербъ разсказываетъ:

„Я спѣшилъ воспользоваться дозволеніемъ видѣть Короля въ темницѣ. Онъ сидѣлъ за маленькимъ столикомъ и читалъ Тацита; всталъ, обнялъ меня, и глаза его наполнились слезами. Я плакалъ. *Жертва ваша тѣмъ великодушнѣе*, сказалъ онъ, *что вы подвергаете опасности жизнь свою, а моей не спасете.* Я старался увѣрить его, что для меня нѣтъ ни малой опасности, и что ему весьма легко опровергнуть всѣ ложныя обвиненія. *Нѣтъ*, отвѣчалъ Король: *они хотятъ и могутъ умертвить меня. Впрочемъ я спокоенъ, и буду работать съ вами такъ усердно, какъ бы могъ выиграть свой процессъ; мы его и въ самомъ дѣлѣ выиграемъ, когда память моя останется безъ всякаго пятна.*

„Онъ каждый день работалъ съ нами, дѣлалъ выписки изъ актовъ, возражалъ

на обвиненія, писалъ свое оправданіе, и доказывалъ такое присутствіе духа, такое спокойствіе, которое насъ удивляло. Мы записывали разныя мысли его. Тронше, столь холодный по своему характеру и правиламъ, не могъ безъ чувства видѣть геройства невинности, и кончилъ съ усердіемъ такое дѣло, которое началъ съ суровымъ равнодушіемъ.

„Дезезъ, написавъ апологію Короля, прочиталъ ее намъ. Заключеніе въ ней было торжествомъ краснорѣчія. Я и Тронше плакали. Король сказалъ: *это надобно вымарать; я не хочу ихъ тронуть.*

„Однажды, когда мы были одни, Лудовикъ сказалъ: *У меня лежитъ на сердцѣ то, что Дезезъ и Тронше, не будучи мнѣ ни чѣмъ обязаны, жертвуютъ своими трудами, временемъ, а можетъ быть и жизнію: какъ могу заплатить имъ? Я ничего не имѣю; а естьли что нибудь и откажу имъ, то меня вѣрно не послушаются.* — „Ваше Величество! совѣсть, Европа и потомство наградятъ ихъ. Вы можете дать имъ драгоцѣнной залогъ этой награды.“ — *Какой же?* — „Обнимите ихъ!“ — — На другой день онъ прижалъ ихъ къ своему сердцу; они оба рыдали.

„Время рѣшенія наступало. Онъ сказалъ мнѣ: *Сестра моя знаетъ одного священника, который не давалъ новой присяги, и который своею неизвѣстностію можетъ спастись отъ гоненія. Вотъ записка объ немъ. Прошу васъ найти и приготовить его къ свиданію со мною, когда мнѣ дадутъ на то позволеніе. Такое предложеніе безъ сомнѣнія странно для Философа: я знаю вашъ образъ мыслей; но естьли бы вы должны были страдать и умереть подобно мнѣ, то я смѣло пожелалъ бы вамъ моей вѣры, которая гораздо утѣшительнѣе Философіи.*

Когда, возвратясь изъ Собранія, гдѣ мы предлагали Конвенту отнестись въ семъ дѣлѣ къ народу Французскому, и говорили всѣ трое, я сказалъ Королю, что многіе люди при выходѣ окружили меня, увѣряя, что онъ не будетъ казненъ, или по крайней мѣрѣ не умретъ прежде ихъ: тогда Лудовикъ, поблѣднѣвъ, отвѣчалъ мнѣ: *Знаете ли ихъ? Ради Бога возвратитесь въ Собраніе, и скажите имъ, что такое намѣреніе терзаетъ мою душу. Я не хотѣлъ пролить ни одной капли крови и тогда, когда могъ спасти тѣмъ жизнь свою вмѣстѣ съ трономъ: въ семъ и теперь ни мало не раскаиваюсь.* — Я первый объявилъ ему осужденіе его.

Онъ сидѣлъ въ темнотѣ, оборотясь спиною къ лампадѣ (которая горѣла на каминѣ) — облокотившись на столъ и закрывъ обѣими руками лицо свое. Приходъ мой вывелъ его изъ задумчивости; онъ взглянулъ на меня, всталъ и сказалъ: *Два часа ищу въ мысляхъ хотя малѣйшей вины своей передъ Французами, и теперь клянусь вамъ, Господинъ Мальзербъ, съ душевнымъ увѣренїемъ такого человѣка, которому скоро надобно явиться передъ Богомъ, что щастїе народа было всегдашнимъ и единственнымъ желанїемъ моего сердца.*

Барреръ, славный Робеспьеровъ Ораторъ и Членъ ужаснаго Комитета Народнаго Блага, назывался прежде Революцїи Барономъ Вьёзакъ: чѣмъ иногда Якобинцы упрекали его. „Въ 1790 году, говоритъ Гж. Жанлисъ, представили мнѣ молодаго человѣка, который нравился своимъ благороднымъ видомъ, легкимъ, прїятнымъ разговоромъ — и сей молодой человѣкъ былъ чудовище Барреръ!“ Я думаю, что Натура не произвела его жестокимъ; въ первомъ Народномъ Собранїи онъ говорилъ всегда благоразумно и съ умѣренностїю; но Барреръ служитъ примѣромъ нещастнаго влїянїя боязни на слабыя, робкїя

души. Сколько людей, рожденныхъ совсѣмъ не кровожадными, сдѣлались извергами, когда Революція привела ихъ въ необходимость погибнуть или губить другихъ! Не говорю, чтобы Баррерь спасалъ тѣмъ жизнь свою: онъ боялся лишиться первенства между главами Революціи, и для того присталъ къ жестокимъ Якобинцамъ; кричалъ и безумствовалъ не по внутреннему увѣренію, а единственно желая привести въ забвеніе то, что онъ былъ нѣкогда другой партіи. Баррерь пожертвовалъ всѣмъ, друзьями, правилами и добрымъ именемъ Робеспьеру; а наконецъ и Робеспьеромъ пожертвовалъ боязни имѣть одну судьбу съ нимъ. Робеспьеръ, слушая рѣчь его при осужденіи Короля, сказалъ: „вотъ человѣкъ, какихъ намъ надобно!“ Завистливый и подозрительный характеръ заставилъ его окружить себя одними слабыми, неспособными или такими людьми, которые были измѣнниками другихъ партій; онъ не страшился совмѣстничества первыхъ, и могъ жертвовать послѣдними, когда хотѣлъ, не оскорбляя тѣмъ своихъ Якобинцевъ. Сія дурная система погубила тирана и спасла Францію. Въ обстоятельствахъ трудныхъ Робеспьеръ остался съ одними глупцами, которыхъ

ревность была для него безполезна; а другїе слуги его тиранства немедленно передались къ непрїятелямъ, какъ скоро зашумѣла буря. Такъ поступилъ и Барреръ. Въ первые дни Конвента имѣлъ онъ славу человѣка съ великими талантами; но тогда пышныя фразы считались краснорѣчїемъ, и въ семъ родѣ Барреръ могъ назваться образцомъ крикуновъ народныхъ; онъ лучше всѣхъ другихъ умѣлъ играть мыслями и словами, говорить моднымъ революцїоннымъ языкомъ и дѣйствовать на воображенїе ужасомъ, увѣряя, что *гильйотина есть постеля, только не очень мягкая*, и что *мѣсто казни есть монетный дворъ Республики.* Члены Комитета презирали низость Барреровой души, но пользовались гибкостїю ума его, и бросая письма Генераловъ на столъ, говорили: *ступай, великой ораторъ; доноси Конвенту!* Никто лучше его не умѣлъ обманывать публики, вмѣшивать въ рѣчи свои красивыхъ выраженїй, или остроумныхъ замысловъ, которые плѣняли слушателей; и говоря о Вандейскихъ ужасахъ или кровопролитномъ сраженїи, онъ всегда находилъ способъ смѣшить своихъ добрыхъ прїятелей. Однимъ словомъ, Барреръ, не имѣя ни вкуса, ни Генїя, но съ воображенїемъ безпорядочнымъ и разумомъ гибкимъ

могъ быть главою Клубныхъ Ораторовъ. Демагогическое краснорѣчіе обязано ему своими великими успѣхами; и естьли когда нибудь захотятъ имѣть Революціонную Реторику, то надобно требовать ее отъ Баррера. Все писанное имъ послѣ 9 Термидора несносно. Тѣ люди, которые читаютъ книги, не разумѣютъ красотъ Баррерова слога. Революція, которая включила его наконецъ въ число жертвъ своихъ, не дала ему времени обогатиться. Тогда, какъ все цѣнится золотомъ, онъ не имѣетъ печальнаго утѣшенія вкуснымъ столомъ заманивать къ себѣ снисходительныхъ пріятелей, чтобы въ шумномъ кругѣ ихъ забывать гнусную ролю, имъ игранную. Что жь дѣлаетъ Барреръ? читаетъ за сальною свѣчею Парижскіе Журналы: онъ теперь Ценсоръ!

III.

Кости неизвѣстнаго звѣря, найденныя въ Ярославской Губерніи.

Письмо Графа Алексѣя Ивановича Мусина-Пушкина къ его пріятелю, Г. К. отъ 10 Августа.

Увѣдомляю васъ о чудной находкѣ, достойной любопытства какъ ученыхъ, такъ и неученыхъ людей.

Въ Ярославской Губерніи, въ Мологскомъ Уѣздѣ, въ дачахъ моихъ противъ села Борисоглѣбскаго, на берегу рѣки Мологи, въ 45 верстахъ отъ города, издавна видѣнъ былъ, какъ думали, пень, къ которому привязывались лодки, когда вода упадала; а какъ въ нынѣшній годъ вода здѣсь была необыкновенно низка, то онъ гораздо болѣе открылся — и тогда узнали, что это не дерево, а рогъ необыкновенной величины. Въ прошедшемъ Іюлѣ мѣсяцѣ сосѣдъ мой, Господинъ Родіоновъ, ѣхавшій на лодкѣ по рѣкѣ Мологѣ, увидѣлъ его, взялъ и привезъ ко мнѣ, зная охоту мою до рѣдкостей. Я чрезмѣрно удивился, и послалъ людей рыть въ землѣ близь того мѣста — гдѣ и нашли еще другой такой же рогъ, цѣлую голову, ногу и нѣкоторыя кости. Опишу вамъ ихъ мѣру. Голова длиною 1 аршинъ, 12 вершковъ; толщиною во лбу аршинъ; лобъ шириною въ 11 вершковъ. Хрящъ ноздрей окаменѣлъ; одна вся цѣла, а другая изломана; длина ихъ $15\frac{1}{2}$ вершковъ, а внутри 4 вершка. Зубы въ длину по челюсти 6 вершковъ, а въ ширину 2 вершка. Нижняя часть головы вся цѣла, и въ челюсти по одному только зубу на сторонѣ, которые занимаютъ все ея пространство и не похожи на зубы плото-

ядныхъ звѣрей. Нижняя часть ноги, т. е. бирюля, длиною 1 аршинъ, 5 вершковъ, толщиною вокругъ по обмѣру ниткою 1 аршинъ, $3\frac{1}{2}$ вершка; а верхняя безъ чашки 15 вершковъ. Рогъ въ 3 аршина, 8 вершковъ, а толщиною вокругъ 11 вершковъ, и похожъ изгибомъ на бычачей. Ежели приложить къ головѣ рога, коихъ мѣста видны, то одна голова съ рогами будетъ выше 3 аршинъ; а ежели бы поставить на ноги и вообразить туловище, то конечно должно быть животному съ головою около 7 аршинъ (*). Вотъ задача ученымъ, не только нашимъ, но и всей Европы! Какого звѣря кости? какимъ образомъ нашлись на сѣверѣ, гдѣ нѣтъ большихъ звѣрей? Я думаю, не отъ всеобщаго ли потопа остались онѣ? . . . . . .

. . . . . .

. . . . . .

Примѣчаніе Издателя.

Читателямъ безъ сомнѣнія извѣстно, что въ разныхъ мѣстахъ, особливо въ Сибири, давно уже находятъ звѣриныя, необыкновенной величины кости, называемыя

(*) Слѣдственно выше слона: ибо самые большіе Индѣйскіе и Африканскіе слоны бываютъ ростомъ только въ двѣ сажени; а другіе гораздо ниже.

мамонтовыми. Натуралисты подъ симъ именемъ разумѣли большаго звѣря, котораго родъ, какъ они думали, перевелся на землѣ. Но Г. Добантонъ утверждаетъ, что мамонтъ есть басня, и что мнимыя кости его суть въ самомъ дѣлѣ слоновыя. Бюффонъ и другіе соглашаются съ нимъ. Между прочими и Гмелинъ такого же мнѣнія; однакожь прибавляетъ, что въ Сибири кромѣ мамонтовыхъ или слоновыхъ костей находятъ еще большія головы съ *рогами*, похожія на бычачьи, но только гораздо болѣе; одну изъ нихъ самъ онъ отправилъ въ Петербургъ. Естьли она хранится тамъ въ Императорскомъ Кабинетѣ (какъ надобно думать), то весьма любопытно сравнять ее съ сею вновь-найденною въ Ярославской Губерніи. Можетъ быть онѣ сходны или одинакія; но и иногда все еще не узнаемъ сего животнаго: ибо извѣстные намъ *рогатые* звѣри не имѣютъ такой удивительной величины. Должно обратиться къ старому заключенію Натуралистовъ, что нѣкоторые роды животныхъ въ самомъ дѣлѣ исчезли на земномъ шарѣ. —

На вопросъ: какъ такіе кости зашли на сѣверъ, гдѣ не могутъ жить большіе звѣри, слоны и другіе, любящіе обыкновенно жаркіе климаты? можно отвѣчать

двоякимъ образомъ: или утверждая съ Бюффономъ, что нѣкогда и сѣверный климатъ былъ гораздо теплѣе, или полагая, что остатки сего огромнаго звѣря занесены къ намъ водою (такъ какъ и находимыя въ Сибири слоновыя кости). Память страшной революціи, произведенной въ нашемъ мірѣ симъ элементомъ, сохраняется не только въ преданіяхъ народовъ, не только въ священныхъ книгахъ, но и въ самомъ образованіи земной поверхности, въ составѣ первоклассныхъ горъ, и проч.

IV.

О нѣжности.

Въ душѣ нашей нѣтъ ничего божественнѣе и святѣе нѣжности; но сколь трудно описать существо ея! Можно ли живописцу изобразить въ ландшафтѣ переливъ свѣта, прозрачность воздуха, свѣжесть зефира, благоуханіе розы, журчаніе водъ? такъ и въ языкѣ не найдемъ мы красокъ для представленія нѣжности; развѣ изобразимъ только грубыя черты ея. Иногда состоитъ она въ томъ, чтобы жертвовать собою, довольствоваться тай-

нымъ одобренїемъ совѣсти, убѣгать благодарности, умножать ласки къ нещастному, мстить за обиду благодѣянїемъ; иногда есть она вѣрность слова, которая не соображается съ пользою и переживаетъ, такъ сказать, любовь, дружбу и самую смерть; иногда, не смотря на разрывъ и вражду, оказываетъ услуги, изъявляетъ самую довѣренность; щадитъ самолюбїе непрїятеля; отказывается отъ удовольствїя сдѣлать добро, чтобы не обременить человѣка благодарностїю; хвалитъ отсутствующаго съ намѣренїемъ похвалить того, кто передъ нею; бываетъ утонченїемъ сладострастїя, скромностїю, забвенїемъ себя и безкорыстїемъ въ наслажденїи, которое любитъ болѣе дѣлать удовольствїе, нежели принимать его.

Кротость, любовь и добродѣтель даютъ *цвѣтъ чувства* и тонкую внимательность, которой нѣтъ ни въ какомъ свѣтскомъ навыкѣ. Скажемъ въ честь женщинъ, что онѣ иногда равняются съ нами въ великодушїи, и всегда превосходятъ насъ въ нѣжности. Ихъ постоянная заботливость и примѣчанїя въ малыхъ вещахъ совсѣмъ намъ несродны.

Самый великодушный человѣкъ есть тотъ, который, имѣя сильныя причины жаловаться на людей, ревностно хочетъ

служить имъ. Мизантропъ можетъ быть героическимъ ихъ благодѣтелемъ. Добрая душа торжествуетъ иногда надъ презрѣніемъ и самою ненавистію.

Нѣжность чувства бываетъ похожа на гордость, и дѣла ея не могутъ быть судимы обыкновенными людьми. Самый разительный примѣръ такой гордости видимъ мы въ Сципіонѣ: будучи обвиняемъ въ похищеніи народной казны, онъ раздираетъ бумагу, которая доказывала его невинность, ибо думаетъ, что ему низко оправдываться.

Нѣжность украшаетъ самые поступки, и Граціи принадлежатъ къ ея свитѣ. Снявъ покровъ хитрости, которымъ одѣла ихъ свѣтская развратность, найдемъ, что пріятности не суть дѣло условія, а внѣшность любезныхъ свойствъ, или, естьли смѣю сказать, *благоуханіе чувства*. Сей видъ младенческой, образъ милаго простосердечія, и нѣжная улыбка, которые бываютъ обыкновенною хитростію кокетства, представляютъ невинность; искусственная тонность показываетъ чрезмѣрную чувствительность, а веселость внутреннее спокойствіе; *свободный* и *легкій тонъ* изображаетъ надежность добродѣтельнаго сердца, которое не боится обнаружить себя; а нѣжный

взоръ долженъ быть зеркаломъ нѣжныхъ склонностей — и такъ далѣе. Сей быстрый взглядъ проницаетъ въ душу отъ того, что онъ даетъ идею о лестномъ чувствѣ. Удивляясь благородной поступи, величественному стану, или маленькой ножкѣ, которая *трелещетъ* въ танцахъ какъ струна арфы, мы дѣлаемъ заключенія о характерѣ, и не совсѣмъ ложныя, хотя предметъ ихъ теменъ.

Женщины *не думая* признаются, что красота душевная имѣетъ вліяніе на ихъ черты. Тайна уборовъ есть . . . возвысить душу свою. Утонченіе искусства грубо въ сравненіи съ прелестями Натуры.

Пріятности различны по лѣтамъ; что въ двадцать лѣтъ нравится, то безобразно въ сорокъ; и нѣжность, которая украшаетъ женщину, дѣлаетъ смѣшнымъ мущину: его наружность должна быть мужественна и проста; должна изображать силу, важность, добродушіе и разсудительность.

Вотъ нѣкоторыя черты *сильной нѣжности чувства*, изъ которыхъ первая можетъ быть сомнительна, но слѣдующія истинны и вѣрны:

Одинъ мужъ зналъ тайную склонность жены своей къ человѣку хорошему, но страстно въ нее влюбленному; зналъ,

что послѣднее доказательство любви могло зависѣть только отъ перваго случая — а ему надлежало ѣхать въ другой городъ. Что дѣлать? онъ идетъ къ любовнику, увѣдомляетъ его о своемъ отъѣздѣ и говоритъ: „Я знаю слабость женщинъ и сердце свое; невѣрность сразитъ меня. Мнѣ должно для моего спокойствія поручить жену мою вѣрному, „благоразумному другу, который могъ „бы смотрѣть за нею и быть ея совѣпникомъ. Не смотря на нѣкоторыя обстоятельства, я избираю васъ, государь мой! Будьте не только ея, но и „моимъ другомъ, и сохраните честь мужа, который имѣетъ къ вамъ полную „довѣренность!“ Любовникъ сохранилъ ее . . . Многіе ли повѣрятъ тому? но сей любовникъ имѣлъ душу.

Одинъ человѣкъ убилъ на поединкѣ другова, и спрятался въ сосѣдственномъ домѣ. Хозяинъ обѣщалъ укрыть его. Приносятъ убитаго, который былъ единственный сынъ хозяина; но онъ сдержалъ слово свое!

Бѣглецъ Французской арміи пойманъ двумя гранадерами, которые съ нехотѣніемъ исполняли должность свою, и спеpегли его въ хижинѣ. Ему спало дурно: онъ проситъ, чтобы гранадеры вышли

съ нимъ на крыльцо. „Поди одинъ, сказали ему: мы вѣримъ твоей чести.“ . . . Вы можете вѣрить, отвѣчалъ онъ, и вышелъ . . . Ночь темная; густой лѣсъ въ трехъ шагахъ; бѣглецъ черезъ два дни будетъ разстрѣленъ . . . онъ возвратился въ хижину!

(*Изъ Фран. Журн.*)

V.

Китайская мудрость.

Переводъ изъ Gazette de France.

Народъ Китайскій считается старшимъ братомъ всѣхъ другихъ, и по тому не худо справляться иногда съ его моральною исторіею, чтобы знать будущую судьбу нашу. На примѣръ: естьли мы теперь похожи на Китайцевъ, жившихъ за двѣ тысячи лѣтъ передъ симъ: то не вѣроятно ли, что потомки наши должны походить на нынѣшнихъ Китайцевъ? И такъ любопытные, которые желали бы воскреснуть черезъ 20 вѣковъ, чтобы видѣть перемѣны, случившіяся во время ихъ отсутствія на земномъ шарѣ, могутъ вмѣсто того заглянуть въ Китайскія лѣтописи, самыя полныя и древнѣй-

шія изъ всѣхъ намъ извѣстныхъ. А что древніе Китайцы были въ Морали (слѣдственно въ главномъ) не глупѣе насъ, то можно заключить изъ ихъ нравоучительныхъ книгъ, написанныхъ прежде Рождества Христова. Вотъ нѣкоторыя мѣста изъ сихъ мудрыхъ твореній, въ которыхъ читатель безъ сомнѣнія найдетъ тонкость наблюденія, достойную Философіи нашего времени:

„Чѣмъ болѣе отецъ любитъ сына, „тѣмъ болѣе учитъ его; чѣмъ болѣе „мать любитъ дочь, тѣмъ болѣе рядитъ „ее. Отецъ даетъ совѣты сыну, и требуетъ ихъ отъ дочери; мать говоритъ „сыну, что она хотѣла сдѣлать, а дочери, что она сдѣлала; отецъ бываетъ „къ сыну слишкомъ ласковымъ, а къ дочери недовольно ласковымъ; мать при „людяхъ ласкаетъ сына, а безъ людей „на него сердится; ласкаетъ дочь свою „тихонько, а при людяхъ бранитъ. Отецъ „выдаетъ дочь за-мужъ, чтобы отъ нее „избавиться, а сына женитъ для того, „чтобы съ нимъ не разставаться; мать „выдаетъ дочь съ тѣмъ намѣреніемъ, „чтобы она уже не имѣла въ ней нужды, „а сына женитъ съ тѣмъ, чтобы онъ не „могъ обойтись безъ нее. Отецъ любитъ „зятя и сноху; мать любитъ зятя,

„а не любитъ снохи. Отецъ вступается „на словахъ за своего зятя и работаетъ „за сына; мать тихонько беретъ деньги „у мужа для сына, а у сына для дочери. „Отецъ желаетъ, чтобы дочь была щаст„лива, а сынъ добрымъ человѣкомъ; мать „желаетъ, чтобы дочь была здорова, а „сынъ богатъ. Послѣднїе взоры отца „устремляются на сына; послѣднїе вздохи „матери бываютъ о дочери. Сынъ ту„житъ болѣе объ отцѣ, плачетъ болѣе о „матери; дочь болѣе тоскуетъ о матери, „и долѣе жалѣетъ объ отцѣ." (Извлеченїе изъ книги *У-те-гоа.*)

Естьли по сему параграфу можно сравнять родителей древняго Китая съ родителями нынѣшней Францїи, то по слѣдующимъ строкамъ, извлеченнымъ изъ *Уанг-Чи*, можно сравнять тогдашнихъ женщинъ Китая съ нынѣшними Француженками: „Кто вѣритъ женѣ, тотъ обманывается; „кто не вѣритъ ей, тотъ обманутъ. Время „раздираетъ покровъ истины и одѣвается „имъ; женщины также — онѣ открыва„ютъ тайны другихъ, чтобы скрыть „собственныя. Языкъ есть мечь женщины: „онъ никогда не ржавѣетъ. Чѣмъ болѣе „жена любитъ мужа, тѣмъ болѣе исправ„ляетъ его отъ пороковъ; чѣмъ болѣе

„мужъ любитъ жену, тѣмъ болѣе умно-„жаетъ ея прихоти.“

Китай мѣсто дальнее: когда мы очутились въ немъ, то надобно пользоваться случаемъ — и для того еще приведемъ здѣсь Китайскую старинную пословицу, достойную вниманія всѣхъ народовъ земли:

„Когда мечи заржавѣли, а сошники „свѣтлы; темницы пусты, а житницы „полны; крыльцы храмовъ покрыты „грязью, а дворы судилищъ заросли тра-„вою; лекари ходятъ пѣшкомъ, а мясники „ѣздятъ верхомъ: тогда бываетъ много „стариковъ и дѣтей; тогда государство „щастливо.“

Теперь судите, умнѣе ли мы древнихъ Китайцевъ въ Морали и Политикѣ! Съ того времени, какъ сіи книги написаны и сія пословица извѣстна въ Китаѣ, царствовало тамъ множество добрыхъ, мудрыхъ Государей, было множество ученыхъ, Физиковъ, Философовъ; однакожъ нынѣшніе Китайцы ни мало не лучше своихъ предковъ. Жаль! ибо мы должны заключить изъ сего, что и наши потомки будутъ не лучше насъ.

VI.

Левъ и его любимецъ.

Басня.

Собачку левъ любилъ —
И всѣ тогда ее ласкали,
Лисицы въ гости звали,
Медвѣди кланялись и тигры уважали;
Спесивый даже слонъ собачкѣ другомъ былъ,
И хоботомъ своимъ огромнымъ
То на спину сажалъ, то гладилъ онъ ее.
Надѣяться не льзя на щастіе свое!
Судьбамъ угодно было злобнымъ,
Чтобъ царь звѣрей сослалъ любимца своего;
Любимецъ изгнанный не стоитъ ничего.
Всѣ стали клеветать на счетъ собачки бѣдной,
Что умъ она имѣетъ вредной;
Лисица голосъ подала,
Что будто такъ собака зла,
Что гнусную на льва сатиру сочинила;
Медвѣдь всѣхъ увѣрялъ,
Что двѣ сатиры онъ читалъ,
И что всю истину лисица говорила.
А заяцъ побѣжалъ
(Въ томъ зайцевъ вся и сила)
Не выслушавъ конца, разсказывать вездѣ,
Что было, какъ, и гдѣ? —
И мы какъ звѣри поступаемъ:
Не рѣдко зло ко злу нарочно прилагаемъ.

В. Пушкин

ПОЛИТИКА.

I.

Нѣсколько словъ о новой Французской Конституціи.

(Изъ Нѣмецкаго Журнала.)

И такъ наконецъ явилось сіе великое произведеніе ума, которое такъ долго занимало Геній Консула, и къ которому уже давно готовили публику слухами, нарочно распускаемыми!

Это не есть новая Конституція, говорятъ, а только ея дополненіе! . . . То есть, Бонапарте такъ *дополнилъ*, какъ *хранительный* Сенатъ *сохранилъ* ее!

Законъ, данный въ противность закону, не разсмотрѣнный Трибунатомъ, не одобренный Законодательнымъ Корпусомъ, и перемѣняющій всѣ главныя отношенія правленія, есть ничто иное, какъ дѣйствіе самовластія и новый феноменъ Революціи.

„Но дѣло великаго человѣка въ безпримѣрныхъ обстоятельствахъ не должно быть судимо по обыкновеннымъ правиламъ!“ скажутъ мнѣ: „Франція обязана

благодарностїю Консулу, естьли онъ даже и похититель. Диктатура его спасла насъ отъ ужасовъ Анархїи. Для чего не дать ему права взять дальнѣйшїя мѣры, чтобы утвердить законную свободу и предохранить насъ отъ возвращенїя тиранства?"

Хорошо; мы оставимъ формы, а только разсмотримъ свойство новаго закона.

Первая статья его покажется щастливою перемѣною, безмолвно уничтожая такъ называемые *выборные списки*. Можетъ быть избранные граждане не совсѣмъ нравились Консулу; но главное то, что сїя выдумка не отвѣтствовала цѣли своей. Предписанїе Государственнаго или Консульскаго Совѣта, какъ сочинять списки, было такъ неясно и затруднительно, что оно вездѣ дурно исполнялось; многїе изъ лучшихъ гражданъ не попали въ нихъ, и Правительство со всѣхъ сторонъ получало жалобы на несправедливость. Сверхъ того народъ едва могъ чувствовать сїе отдаленное, слабое дѣйствїе гражданскихъ правъ своихъ, и долженъ былъ утратить наконецъ патрїотическую ревность. И такъ мысль возобновить народныя собранїя и возвратить гражданамъ, на нѣкоторыхъ мудрыхъ условїяхъ, избира-

тельное право, сообразна съ выгодами и съ правилами республиканской Конституціи.

Но Бонапарте, возобновивъ избирательныя собранія, уничтожаетъ свободу ихъ дѣйствій. Онъ самъ даетъ имъ Президентовъ, которые, управляя ихъ внутреннею полиціею, найдутъ средство управлять и выборами, съ помощію десяти или двадцати легіонныхъ господъ, сажаемыхъ Консуломъ во всякое собраніе. Естьли какой нибудь гражданинъ, отличный умомъ и дарованіями, присвоитъ себѣ вліяніе на другихъ, несогласное съ видами Правительства, то по силѣ двадцать первой статьи Консулъ можетъ выгнать его, предложивъ собранію, что сей гражданинъ *дозволяетъ себѣ поступки, несообразные съ честію Французовъ.* Но естьли, не смотря на всѣ осторожности, какое нибудь избирательное собраніе захочетъ дѣйствовать въ противность намѣреніямъ Консула, то онъ въ силу 36 статьи уничтожитъ его. — Слѣдственно право избранія, данное народу, есть пустое и мечтательное.

Всѣ другія главныя статьи новой Конституціи произошли отъ особенныхъ случаевъ, которые сдѣлали неудовольствіе Правителю Франціи. Характеръ

его есть непоколебимая воля: находивъ иногда законное сопротивленіе въ дѣйствіяхъ власти своей, онъ взялъ мѣры уничтожить закономъ всякую возможность такого роду.

На примѣръ: жаловались, что Министръ Полиціи, Фуше, сажалъ гражданъ въ темницу, не представляя ихъ черезъ 10 дней къ суду, чего требовала Конституція: теперь 54 статья обращаетъ сіе злоупотребленіе въ законъ.

Многіе не довольны были вліяніемъ, которое присвоило себѣ Правительство на вышнія судилища: теперь оно избираетъ вышняго судью.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ присяжные не хотѣли рѣшить дѣла такъ, какъ желало Правительство: теперь Консулъ можетъ ихъ смѣнить посредствомъ Сената.

Нѣкоторыя судилища оправдали людей, ненавистныхъ Правительству, и отнимали земли или домы, которыми несправедливо владѣли нынѣшніе случайные люди: теперь Сенатъ можетъ уничтожать всякое рѣшеніе въ уголовныхъ и гражданскихъ дѣлахъ, находя его *противнымъ общей безопасности*. Нужно ли замѣтить, что такое самовластіе считалось донынѣ величайшимъ злоупо-

требленіемъ въ самыхъ неограниченныхъ Монархіяхъ?

Трибунатъ по случаю ратификаціи трактата съ Россіею дозволилъ себѣ замѣтить одно неприличное для Французовъ выраженіе: теперь ратификація трактатовъ зависитъ отъ Перваго Консула.

Трибунатъ и Законодательный Корпусъ представляли вмѣстѣ съ Консуломъ кандидатовъ для убылыхъ мѣстъ въ Сенатѣ, который не всегда выбиралъ назначенныхъ послѣднимъ: теперь одинъ Бонапарте представляетъ ихъ.

По Конституціи надлежало имѣть Членамъ Сената сорокъ лѣтъ отъ роду, и никто изъ Сенаторовъ не могъ занимать другихъ мѣстъ; но Консулъ, желая ввести въ Сенатъ своихъ братьевъ (изъ которыхъ младшему еще нѣтъ сорока лѣтъ, а другому не хотѣлось отказаться отъ возможности быть употребляемымъ въ важныхъ Министерскихъ дѣлахъ), уничтожилъ сей мудрый законъ.

Упрямство Членовъ Трибуната въ спорахъ о гражданскомъ уложеніи раздражило Консула; Законодательный Корпусъ также осмѣливался не принимать нѣкоторыхъ законовъ. Хотя нынѣ и не льзя ожидать такого сопротивленія, однакожь Бонапарте хотѣлъ взять свои мѣры —

убавилъ половину Членовъ въ первомъ, и далъ Сенату право уничтожать какъ Трибунатъ, такъ и Законодательный Корпусъ, чтобы держать ихъ въ страхѣ. Мудрено понять, для чего оставлены сіи двѣ тѣни законодательной власти; развѣ для того, чтобы въ продолженіи времени еще болѣе увѣрить народъ въ ихъ безполезности.

Сенатъ также въ разныхъ случаяхъ оказывалъ непослушаніе. Когда по закону надлежало вытти нѣкоторымъ Членамъ изъ Трибуната, тогда Бонапарте, желая удалить ненавистныхъ, подъ рукою далъ знать Сенаторамъ, чтобы они не по жеребью, а по именамъ назначили, кому выходить и кому оставаться; но сіе предложеніе имъ не полюбилось, и только черезъ 15 мѣсяцевъ удалось наконецъ Консулу согласить ихъ на то, отчасти словесными убѣжденіями, отчасти и другими, не совсѣмъ моральными средствами.

Когда начали разсуждать въ Сенатѣ о непремѣнномъ Бонапартіевомъ Консульствѣ, тогда искусные Ораторы, Гара и другіе, убѣдили своихъ товарищей выбрать его только на 10 лѣтъ. Бонапарте долженствовалъ прибѣгнуть къ народу, и въ слѣдствіе Сенатскаго опредѣленія

предложить ему вопросъ, котораго совсѣмъ не было въ семъ опредѣленіи. Для избѣжанія такихъ непріятностей, Сенатъ обращенъ теперь въ Консульской Совѣтъ, и не можетъ ничего сдѣлать безъ Консульскаго предложенія; самъ Бонапарте въ немъ Президентъ и сажаетъ въ него, кого хочетъ. Конституція называла Сенатъ хранителемъ; а теперь онъ есть орудіе разрушенія, и долженъ всякое дѣйствіе Правленія объявлять закономъ. Что же теперь Конституція? Минутная форма, которая можетъ сто разъ перемѣниться, слѣдуя влеченію обстоятельствъ и волѣ Правленія. Однимъ словомъ, Франція, послѣ долговременнаго странствованія, возвратилась опять на то мѣсто, гдѣ была прежде, съ тою розницею, что Королевское Tel eſt notre bon plaiſir (*такъ намъ угодно*) ограничивалось Парламентами и собраніями Провинціяльныхъ Чиновъ, а волѣ Консульской должно все покаряться въ безмолвіи.

Но купила ли по крайней мѣрѣ Франція жертвою свободы своей увѣренность въ будущемъ спокойствіи? — Не думаю.

Деспотическое Правленіе, вышедшее изъ революціи, которою хотѣли ограничить менѣе безпредѣльную Королевскую власть, не можетъ быть любимо граж-

данами. Когда перестанутъ бояться возвращенія Анархіи, имъ уничтоженной, тогда и благодѣянія его забудутся. Увидятъ только гордое самовластіе, столь противное всѣмъ обѣщаніямъ Консула, и въ словахъ: *равенство* и *свобода*, которыми играетъ Бонапарте, найдутъ жестокую насмѣшку надъ здравымъ смысломъ людей.

Можетъ быть истинная Политика требовала того, чтобы оставить въ Трибунатѣ слабую сторону противниковъ. Почти всѣ они были ненавистны народу; и сія ненависть тѣмъ болѣе привязывала его къ Бонапарте. Многіе не одобряли вообще системы Консула, однакожъ не смѣли явно осуждать ее, чтобы не показаться согласными съ людьми, имѣвшими дурную славу. Законное дозволеніе противорѣчить удовлетворяло желанію друзей свободы, и всѣ охотнѣе повиновались. Правленіе могло пользоваться замѣчаніями Критиковъ, не раздѣляя съ ними славы благотвореній и признательности народа. Чиновники были осторожнѣе; ихъ беззаконія доходили еще черезъ Трибунатъ до ушей Консула и подвергались изслѣдованію. Правленіе имѣло видъ живости и свободы.

Съ того времени, какъ всѣ противники замолчали, слышимъ мы на каѳедрахъ и читаемъ въ Журналахъ однѣ скучныя похвалы Консулу; но должно замѣтить, что Французы уже смѣются надъ сею грубою лестїю, такъ, какъ они прежде смѣялись надъ Якобинскимъ краснорѣчїемъ. Люди, благородные душею и непорочные именемъ, жалуются на корыстолюбїе чиновниковъ, на угнетенїе свободнаго книгопечатанїя, на ежедневное преступленїе законовъ личной безопасности, на тиранское заключенїе гражданъ въ темницы безъ всякаго суда, на ссылки или депортацїи, и проч. Они вступаются за смѣлыхъ Писателей, которые еще дерзаютъ осуждать такїя злоупотребленїя. Сочиненїе подъ титуломъ: Veritable esprit du voeu national sur le consulat à vie, въ которомъ требуется царства законовъ и благоразумной свободы книгопечатанїя, разошлось въ нѣсколько дней, и всѣ жалѣли о судьбѣ Автора (Камиля Жордана), думая, что онъ взятъ подъ стражу. Такимъ образомъ составляется новая партїя недовольныхъ, безъ имени партїи; возставая единственно противъ явныхъ злоупотребленїй, она должна присоединить къ себѣ остатки всѣхъ партїй

и часъ отъ часу имѣть болѣе влїянїя на общее мнѣнїе.

Но вѣроятно, что всѣ такїя неудовольствїя не возмогутъ поколебать государства, пока живъ великой человѣкъ, имъ управляющїй. Только наслѣднику его мудрено пользоваться сею безпредѣльною властїю, естьли бы и удалось ему, послѣ долговременнаго боренїя, присвоить ее себѣ; ибо спокойный переходъ въ такихъ обстоятельствахъ кажется невозможностїю, и статьи новой Конституцїи ни мало не исполняютъ своего намѣренїя. Когда бы Бонапарте оставилъ Сенатъ въ независимости, окружилъ его блескомъ и величїемъ, уважалъ его свободныя опредѣленїя и черезъ то прїучилъ народъ чтить въ немъ верховную власть опытности и благоразумїя: тогда бы Сенатъ могъ мирно и безъ противорѣчїя избрать новаго Консула. Но чего теперь ожидать? Естьли наслѣдникъ будетъ представленъ Консуломъ при жизни его, то сей выборъ безъ сомнѣнїя падетъ на человѣка неопаснаго, то есть неважнаго (чтобы онъ не сдѣлался его совмѣстникомъ); такое незаслуженное предпочтенїе отвратитъ отъ избраннаго сердца Французовъ, и благоразумїе не дозволитъ ему прибѣгнуть

къ хитростямъ для снисканія любви народной. Всемогущая воля одного будетъ держать его на сей высокой степени; но устоитъ ли онъ на ней, когда смерть разрушитъ очарованіе? Естьли же наслѣдникъ будетъ выбранъ по завѣщанію или предложенію другихъ Консуловъ, то уступятъ ли ему многочисленные совмѣстники, имѣющіе такія же права на сіе достоинство? И естьли тогда смѣлой Генералъ, на примѣръ въ Трибунатѣ, съ помощію друзей своихъ возстанетъ противъ самой Конституціи, или Бурбонъ объявитъ древнія права Дому своего? . . . Но кто исчислитъ всѣ возможности! Въ общемъ замѣшательствѣ представится честолюбивому множество непредвидимыхъ средствъ; онъ конечно всѣми воспользуется, ибо награда лестна и велика.

И такъ что же произвелъ сей новый законъ, который безъ памяти хвалятъ Журналисты и льстецы Наполеона Бонапарте?

При его жизни — болѣе неудовольствія и менѣе гражданской свободы, менѣе личной безопасности, нежели въ какомъ нибудь другомъ просвѣщенномъ государствѣ Европы; а послѣ его смерти — необходимость войны междоусобной!

II.

С. Маринская Республика.

Письмо одного Нѣмецкаго путешественника въ 1801 году.

Желаніе видѣть одну изъ малѣйшихъ и древнѣйшихъ Республикъ въ мірѣ, привело меня въ С. Марино въ Августѣ 1801 году. Сія маленькая область не плѣнительна видомъ своимъ; напротивъ того видишь вездѣ крутыя скалы и ужасныя бездны, между которыми промышленность свободныхъ людей напечатлѣла знаки щастливаго трудолюбія. Сіи люди работаютъ съ удовольствіемъ, ибо собираютъ съ надежностію и безъ страха. Вершина горы, почти всегда закрытая облаками, есть въ семъ дикомъ мѣстѣ Италіи отечество того, что древніе Греки назвали бы *націею.*

Весьма трудная, узкая дорога ведетъ въ С. Марино. Путешественники обыкновенно останавливаются у кого нибудь изъ гражданъ или въ монастыряхъ: ибо во всей Республикѣ одинъ трактиръ, и то за городомъ. Начальникъ Капуциновъ, почтенный старецъ, древнѣйшей С. Маринской фамиліи, принялъ меня съ искреннимъ дружелюбіемъ и ввелъ въ лучшіе домы. Въ самый первый день

я познакомился съ знаменитѣйшими людьми сей области, и могъ разными вопросами объ Исторіи и теперешнемъ состояніи Республики удовлетворить моему любопытству. Я прочиталъ то, что Аддисонъ говоритъ о С. Марино въ своемъ любопытномъ описаніи, и что всѣ другіе путешественники за нимъ повторяютъ; но скоро увѣрился, что сей великой Писатель во многомъ ошибся, судя по наружности и первому взгляду.

Учредитель и законодатель С. Маринской былъ Архитекторъ изъ Далмаціи, именемъ Марино, который въ пятомъ вѣкѣ, возстановивъ городъ Римини изъ развалинъ его, удалился на сію гору, жилъ въ обществѣ нѣкоторыхъ друзей со всею строгостію отшельника, построилъ церковь, а наконецъ основалъ и городъ, въ которой слава святости его привлекла жителей. Никакая область не имѣла почтеннѣйшаго происхожденія.

Республика, имѣя въ окружности 25 Италіянскихъ миль, образуетъ неправильную овальную фигуру, шириною миль въ пять. Хотя гористая земля ея не плодоносна, однакожь питаетъ 7 или 8 тысячь людей; она покрыта виноградными садами, шелковичными и оливковыми деревами, которыхъ произ-

веденіями, особливо шелкомъ, торгуютъ жители съ Римомъ, Флоренціею и другими городами Италіи.

Кто знаетъ хорошо Исторію древней Греціи, тотъ никогда не презритъ Республики за ея малость. Должно замѣтить, что многія Греческія Республики были еще менѣе С. Маринской: на примѣръ, Платеа, Эгина и Мегара, которыя, не смотря на то, сдѣлали великія дѣла и пріобрѣли безсмертное имя.

Правленіе въ С. Марино есть демократическое. Верховная власть заключается въ Аренго, народномъ собраніи, въ которое изъ каждаго семейства входитъ одинъ человѣкъ. Однакожъ Аренго собирается только при особенныхъ случаяхъ; обыкновенно же правленіе ввѣряется *Совѣту шестидесяти*, который, не смотря на имя свое, въ Аддисоново время состоялъ только изъ 40 Членовъ. Въ семъ Совѣтѣ никогда не бываетъ двухъ человѣкъ изъ одного семейства, и каждый долженъ быть выбранъ. Два предсѣдателя его называются Капитанами или Консулами; и смѣняются всякіе 6 мѣсяцевъ. Уголовный и гражданскій судъ порученъ иностранному Юрисконсульту и двумъ Консуламъ; сей Юрисконсультъ назы-

вается Коммиссаромъ и только три года отправляетъ свою должность.

Аддисонъ говоритъ, что лекарь и школьный мастеръ считаются знатнѣйшими людьми въ Республикѣ. Я спрашивалъ о томъ у Членовъ Совѣта, которые отвѣчали мнѣ, „что сіи люди не имѣ„ютъ никакого преимущества, но, подоб„но какъ и во многихъ другихъ городахъ „Италіи, содержатся на счетъ казны.“ Въ разсужденіи состоянія ихъ можно замѣтить единственно то, что школьному мастеру гораздо болѣе дѣла, нежели лекарю: ибо въ С. Маринской Республикѣ много дѣтей, а мало больныхъ.

Тамъ считается около тридцати благородныхъ фамилій, изъ которыхъ выбираютъ всегда половину Совѣтниковъ. Говорятъ, что сіи фамиліи умѣрили духъ демократическій; однакожь онѣ были единственною причиною тѣхъ немногихъ революцій, которыя волновали Республику; онѣ мало по малу ввели Олигархію, и только одну тѣнь вольности оставили въ отечествѣ. С. Маринскіе Республиканцы, желая избавиться отъ ихъ тиранства, обратились къ Папѣ, покровителю Республики, и хотѣли быть его подданными. Римскій Дворъ велѣлъ Кардиналу Альберони, тогдашнему Легату

въ Романьѣ, изслѣдовать неудовольствія С. Маринскихъ жителей и узнать ихъ точное желаніе. Но Кардиналъ вздумалъ играть ролю завоевателя; собравъ цѣлую армію *Збирровъ* (*), вступилъ съ нею въ С. Марино, и силою заставилъ жителей присягать Папѣ. Сей тиранскій поступокъ соединилъ всѣ партіи. Республиканцы явились съ новыми жалобами въ Римѣ. Папа имѣлъ великодушіе уничтожить все сдѣланное Кардиналомъ Альберони, и возвратилъ жителямъ древнія права ихъ. Они воспользовались симъ случаемъ, и вольность свою утвердили на мудрыхъ законахъ, отвратившихъ новыя революціи.

Хотя благородныя фамиліи гордятся какимъ-то преимуществомъ, но С. Маринская Конституція признаетъ только два класса жителей: гражданъ и наемщиковъ. Изъ уваженія къ Папѣ, подъ защитою котораго Республика была столь долго щастлива и покойна, она дала нѣкоторымъ изъ его подданныхъ, особливо жителямъ Болоньи и Римини, титулъ С. Маринскихъ гражданъ. Самые Венеціянскіе *Нобили*, которые столько гордились древнимъ благородствомъ и своимъ

(*) Сыщики.

участіемъ въ верховной власти отечества ихъ, не отвергали чести быть гражданами сей маленькой Республики. Такая связь съ именитыми иностранцами не только не опасна для свободы, но еще и полезна для безопасности малочисленнаго народа.

Въ С. Марино видно везѣ вліяніе свободы. Въ городскихъ зданіяхъ нѣтъ ничего великолѣпнаго; одинакіе домы изъявляютъ щастливую посредственность. Нравы жителей просты и неиспорчены; сіи люди отъ природы имѣютъ здравый умъ и просвѣщены. Рѣдко найдешь между ими человѣка безъ свѣдѣнія въ Исторіи. С. Маринскіе Республиканцы всегда съ великимъ любопытствомъ наблюдали политическія революціи въ Европѣ; надежда и страхъ въ разсужденіи ихъ безопасности питали сіе любопытство и заставляли ихъ вникать въ причины дѣйствій. Французская Революція, особливо со времени Италіянской войны, еще болѣе расположила умы къ политическимъ наблюденіямъ. Но С. Маринскіе граждане теперь спокойны, считая себя единственными Демократами въ Италіи и вѣрными союзниками Французовъ.

Впрочемъ сія Республика, существуя столько вѣковъ въ странѣ наиболѣе под-

верженной революцїямъ, есть политическїй феноменъ, достойный вниманїя Философа. Главными причинами сей долговременности кажутся мнѣ ея положенїе на горѣ неприступной, бѣдность жителей и всегдашнее удаленїе ихъ отъ плановъ честолюбїя. С. Маринская область не могла ни чѣмъ прельстить сильныхъ завоевателей, но могла отражать нападенїя слабыхъ тирановъ, ея сосѣдовъ.

III.

Извѣстія и Замѣчанія.

Москва.

14 Октября, въ исходѣ втораго часа по полудни, мы чувствовали легкое землетрясенїе, которое продолжалось секундъ двадцать и состояло въ двухъ ударахъ или движенїяхъ. Оно шло отъ востока къ западу, и въ нѣкоторыхъ частяхъ города было сильнѣе, нежели въ другихъ: на примѣръ (сколько можно судить по разсказамъ) на Трубѣ, Рожественкѣ и за Яузою. Въ иныхъ мѣстахъ его совсѣмъ не примѣтили. Оно не сдѣлало ни малѣйшаго вреда и не оставило никакихъ слѣдовъ, кромѣ того, что въ стѣнѣ одного погреба

(въ Городской Части) оказались трещины, а въ другомъ отверстіе въ землѣ, на аршинъ въ окружности. Такія землетрясенія называются въ Физикѣ *колебательными* (*) (tremblement de terre d'oscillation). Удары были чувствительнѣе въ высокихъ домахъ; почти во всѣхъ качались люстры, въ иныхъ столы и стулья. Многіе люди, не вѣря глазамъ, вообразили, что у нихъ кружится голова. Работники, бывшіе на Спаской башнѣ, увѣряютъ, что стѣны ея тряслися. Тѣ, которые шли по улицѣ или ѣхали, ничего не чувствовали, и большая часть жителей только на другой день узнала, что въ Москвѣ было землетрясеніе. Оно не есть новое и чрезвычайное явленіе въ нашемъ климатѣ, какъ нѣкоторые думаютъ; земли, лежащія еще гораздо ближе къ сѣверу, бываютъ ему подвержены. Лѣтописи наши говорятъ о землетрясеніи, которое случилось въ Москвѣ при Князѣ Васильѣ Васильевичѣ Темномъ (въ самый тотъ день, какъ Ханъ Татарскій отпустилъ его изъ плѣна), и которое ужаснуло народъ: ибо онъ, по невѣжеству и суевѣрію, вообразилъ, что сей естественный

(*) Ихъ раздѣляютъ на три рода: одно колеблетъ землю, другое разрываетъ ее, третье извергаетъ пламя.

случай предзнаменуетъ моральныя и государственныя бѣдствія: какъ будто бы тогдашняя Москва еще мало страдала, видя Князя своего въ безчестномъ плѣну, Татаръ властелинами Россіи, все отечество въ горести, и бывъ за три мѣсяца передъ тѣмъ жертвою пламени, которое всѣ домы ея обратило въ кучу пепла! Достойно замѣчанія, что и тогда землетрясеніе случилось въ Октябрѣ мѣсяцѣ, и также послѣ весьма жаркаго лѣта и засухъ, какія были у насъ въ нынѣшній годъ. Сіи два происшествія раздѣлены тремя вѣками съ половиною: слѣдственно можемъ надѣяться, что и впредь столько же времени пройдетъ въ Москвѣ безъ порыва сихъ воздушныхъ массъ, заключенныхъ во глубинѣ земли, которыя (по мнѣнію Физиковъ), будучи тѣсними огнемъ, съ бурнымъ стремленіемъ ищутъ себѣ выхода. Поблагодаримъ судьбу, удалившую насъ отъ средоточія Волкановъ! Вообразимъ жителей острововъ Антильскихъ, Филиппинскихъ, Архипелага, Сициліи, особливо Япона: тамъ землетрясеніе почти столь же обыкновенно, какъ у насъ сильная гроза лѣтомъ; но они спокойно наслаждаются жизнію! Таковы люди: привычка дѣлаетъ ихъ нечувствительными къ самымъ ужасамъ Натуры.

Теперь съ любопытствомъ ожидаемъ извѣстій изъ чужихъ краевъ: вѣроятно, что Московское легкое землетрясеніе было только эхомъ какого нибудь сильнаго въ другомъ мѣстѣ. Иногда двѣ части міра вдругъ трепещутъ на своемъ основаніи: такъ Лиссабонское землетрясеніе отдалось въ Америкѣ; но удары имѣютъ всегда одинъ центръ. Надобно знать, что во глубинѣ земли есть пустоты или каналы, которые идутъ въ разныя стороны, но имѣютъ сообщеніе между собою: въ нихъ-то свирѣпствуетъ воспаленный воздухъ, разливаясь какъ огненное море и въ одну минуту дѣйствуя на великомъ пространствѣ.

Замѣчено, что землетрясенія бываютъ осенью чаще, нежели въ другое время года, и ночью, а не днемъ: Московское въ 1445 году случилось по лѣтописямъ въ самую полночь, а нынѣшнее удалилось отъ правила. — Замѣчено также, что въ годы сихъ феноменовъ зимы бываютъ не холодны, а лѣта плодородны.

Густой и непрерывный туманъ, который у насъ до сего дня (*) продолжается, есть совсѣмъ необыкновенное явленіе и конечно имѣетъ связь съ землетрясеніи-

(*) Писано 18 Октября.

емъ. Любопытно знать, произвело ли оно какое нибудь дѣйствїе въ окрестностяхъ Москвы: на примѣръ, не сокрылись ли нѣкоторые ручьи, не явились ли новые, не поднялись ли рѣки, и проч., что обыкновенно бываетъ слѣдствїемъ самыхъ легкихъ потрясенїй.

Швейцарія.

Швейцары, къ нещастїю и къ стыду своему, исключительно занимаютъ теперь вниманїе Европы; но Бонапарте поднялъ руку! . . .

Съ того времени, какъ мы говорили о Гельвецїи, Духъ разрушенїя и безпорядка довершилъ тамъ дѣло свое. Мятежъ сдѣлался всеобщимъ; армїя крестьянъ, подъ начальствомъ Эрлаха и другихъ старинныхъ Бернскихъ Аристократовъ, будучи подкрѣпляема Малыми Кантонами, взяла Бернъ, столицу Гельветическаго Правленїя. Сенатъ, Исполнительный Совѣтъ и Французскїй Министръ Вернинакъ уѣхали въ Лозану. Эрлахъ, вошедши съ торжествомъ въ Бернъ, вмѣстѣ съ другими начальниками учредилъ чрезвычайный верховный Комитетъ до возстановленїя древней Гельветической Конституцїи или Кантоннаго Правленїя

всѣ города Нѣмецкой Швейцарїи пристали къ сей торжествующей сторонѣ, и въ Швицѣ надлежало быть общему Сейму. Эрлахова армїя безпрестанно умножалась числомъ охотниковъ, земледѣльцевъ и гражданъ, которымъ изъ Бернскаго арсенала выдавали оружїе. Какое-то единодушїе царствовало между ими; но оно не могло быть надежно, будучи дѣйствїемъ личныхъ страстей, а не любви къ отечеству. Честолюбивый Рединъ есть истинная душа мятежниковъ; а подкрѣпляютъ его прежнїе Бернскїе Аристократы, которые хотятъ возвратить утраченную власть и знатность свою; народъ же есть только слѣпое ихъ орудїе, и желая возстановленїя древнихъ законовъ своихъ, не знаетъ, что не столько въ законахъ, сколько въ обычаяхъ и нравахъ состояло могущество Гельвецїи; что *разрушенное однажды* не можетъ быть снова твердымъ и надежнымъ зданїемъ; что обстоятельства и время требуютъ нынѣ новаго устава для Кантоновъ и твердѣйшей связи между ими.

Уже Бернская армїя шла къ Лозанѣ, чтобы разрушить послѣднее гнѣздо Гельветическаго Правленїя, которое имѣло на своей сторонѣ одну Французскую Швей-

царію или Пеи-де-Во, и котораго войско безпрестанно уменьшалось числомъ, не охотно сражаясь съ Бернцами, уже Рединговы друзья, ослѣпленные минутными успѣхами, грозно требовали, чтобы всѣ Члены Гельветическаго Правленія добровольно отказались отъ законной власти своей, которая не угодна народу — но вдругъ обстоятельства перемѣнились отъ слѣдующей прокламаціи Консула Бонапарте:

Бонапарте, Консулъ Французской и Президентъ Италіянской Реслублики къ осьмнадцати Кантонамъ Гельветической Республики. Въ Сен-Клу, 8 Вандеміера, перваго-надесять лѣта.

„Жители Гельвеціи!

„Уже два года вы представляете то„рестное зрѣлище. Противныя стороны „одна за другою присвоивали себѣ власть, „означая минутное торжество свое си„стемою пристрастія, которое доказы„вало ихъ слабость и неспособность. Въ „теченіе десятаго лѣта ваше Прав тель„ство захотѣло, чтобы малочисленное „Французское войско было выведено изъ „Гельвеціи: Французское Правите ство „воспользовалось симъ случаемъ уважить

„вашу независимость. Но скоро партїи „съ новою свирѣпостїю возмутили покой „отечества; кровь Швейцаровъ льется отъ „руки Швейцаровъ. — Вы три года спо„рили, не умѣвъ согласиться: естьли оста„вить васъ, то вы еще три года будете „драться, и также не согласитесь. Сверхъ „того ваша Исторїя доказываетъ, что „междоусобныя войны Гельвецїи никогда „не прекращались безъ дѣятельнаго по„средства Францїи. — Правда, что я не „хотѣлъ-было вмѣшиваться въ дѣла ва„ши; всѣ Гельветическїя Правительства „требовали моихъ совѣтовъ и никогда „имъ не слѣдовали, не рѣдко употребляя „во зло имя мое по своимъ личнымъ вы„годамъ и страстямъ. Но я не долженъ „быть нечувствителенъ къ вашимъ бѣд„ствїямъ, и перемѣняю свои мысли: „буду посредникомъ вашихъ несогласїй; но „мое посредство будетъ *дѣйствительно*, „такъ, какъ прилично великимъ наро„дамъ, которыхъ именемъ говорю съ ва„ми. — Черезъ пять дней по обнародова„нїи сего извѣщенїя Сенатъ соберется „въ Бернѣ. Всякое начальство, вновь „учрежденное въ семъ городѣ, уничто„жается. Префекты возвратятся на „свои мѣста. Набираемое войско распу„стится. Первая и вторая Гельветиче-

„ская полубригада составятъ гарнизонъ „въ Бернѣ. Одно то войско останется, „которое было за шесть мѣсяцевъ передъ „симъ. Всѣ распущенные солдаты, нынѣ „вооруженные, должны отдать оружїе „Начальству въ тѣхъ городахъ, гдѣ жи„вутъ. Сенатъ отправитъ трехъ Депу„татовъ въ Парижъ; всякой Кантонъ „можетъ также прислать ихъ. Всѣ граж„дане, которые въ послѣднїе три года „были Ландманами, Сенаторами и зани„мали мѣста въ Правленїи, могутъ прї„ѣхать въ Парижъ, чтобы объявить сред„ства для возстановленїя покоя и для „соглашенїя всѣхъ партїй. — Я съ своей „стороны имѣю право ожидать, что ни„какой городъ, никакое мѣсто и никто „изъ васъ не захочетъ дѣйствовать въ „противность сему положенїю. — Жители „Гельвецїи! оживите для надежды!!!... „Отечество ваше на краю бездны: оно „немедленно будетъ удалено отъ нее; всѣ „добрые граждане должны способствовать „сему дѣлу великодушїя.

„Но естьли (чего не могу думать) „найдется между вами много людей, ко„торые не захотятъ страстями и пред„разсудками жертвовать любви къ отече„ству, то вы, жители Гельвецїи! забы-

„ли отцевъ своихъ!!! — Всякой благораз-
„умной долженъ чувствовать, что по-
„средство мое есть для Гельвецїи благо-
„дѣянїе Того Провидѣнїя, Которое, сре-
„ди всѣхъ безпорядковъ и разрушенїй,
„не преставало хранить бытїя и незави-
„симости вашего народа, и что сїе по-
„средство есть для васъ единственное
„спасенїе. Вамъ еще время помыслить,
„что Республика, основанная Патрїотиз-
„момъ и согласїемъ вашихъ предковъ, до-
„жна непремѣнно погибнуть отъ раздо-
„ровъ, естьли они продолжатся. Горе-
„стно вообразить, чтобы время, въ кото-
„рое новыя Республики явились, назна-
„чено было Судьбою для истребленїя
„одной изъ древнѣйшихъ. — *Бонапарте.*“

Теперь остается Швейцарамъ увѣн-
чать всѣ безразсудныя дѣла свои войною
съ Французами. Бонапарте далъ Генералу
Нею повелѣнїе итти съ войскомъ въ Швей-
царїю. Но естьли (что всего вѣроятнѣе)
Рединъ, Эрлахъ, Ваттенвиль и другїе
мятежники покорятся необходимости и
силѣ, то въ Парижѣ будетъ истинный
Сеймъ Швейцарскихъ Кантоновъ, и мы
увидимъ еще новую Конституцїю.

Парижъ отъ 6 Октября.

Естьли вѣрить Англійскимъ Вѣдомостямъ, то въ Парижѣ было у Консула тайное собраніе всѣхъ умныхъ и преданныхъ ему людей. Разсуждали о нынѣшнемъ *общемъ мнѣніи* во Франціи; о причинахъ, которыя съ нѣкотораго времени ослабили народную довѣренность къ Правительству, и средствахъ оживить ее. Одинъ *именитый* въ Революціи человѣкъ (котораго однакожь не *именуютъ*) сообщилъ Консулу письменныя замѣчанія на сей предметъ. „Народъ (говоритъ „онъ) испорченъ Революціею; она оста„вила въ характерѣ его какое-то безпо„койство и любовь къ перемѣнамъ, не„согласную съ тишиною и благоустрой„ствомъ Консульскаго Правленія: мудре„но ли, что оно имѣетъ непріятелей?...“ Авторъ, описывая разныя партіи, доказываетъ, что для Правительства страшны не Анархисты, не Роялисты, а хитрые честолюбцы, составляющіе особенную партію, которая тѣмъ опаснѣе, что она еще не открыла своихъ намѣреній. „Партія „Анархистовъ (говоритъ онъ) ненави„стна всему народу, и не имѣетъ теперь „ни начальниковъ, ни связи. Нѣкоторые „изъ ея фанатиковъ могутъ быть толь„ко лично опасны. — Роялисты довольны

„тѣмъ, что имъ позволено дышать свободно, и не войдутъ ни въ какой заговоръ. Ихъ дѣло состоитъ въ томъ, чтобы внутренно тужить о Бурбонахъ и къ утѣшенію своему искать въ нынѣшнемъ Правленіи сходства съ Королевскимъ. Одни чрезвычайныя обстоятельства могли бы вызвать ихъ на сцену. — Но партія честолюбцевъ, которая теперь образуется, состоитъ изъ людей, бывшихъ и Якобинцами и врагами Якобинцевъ. Они не ознаменованы общимъ презрѣніемъ, хитры, знаютъ народъ и надѣются мало по малу отвратить его отъ Правленія, которое имъ не мило, ибо оно не раздѣляетъ съ ними своего могущества. Анархисты и Роялисты могутъ пристать къ сей партіи: первые для того, что она показываетъ любовь къ независимости; а вторые для того, что она не имѣетъ звѣрскихъ правилъ. Всѣ недовольные Офицеры и Генералы принадлежатъ къ ней.“ —

Жители Сен-Клу приняли Бонапарте съ величайшими знаками радости, съ пушечною стрѣльбою, съ музыкою, съ хорами, и на всю ночь освѣтили домы свои. Консулъ въ Воскресенье давалъ аудіенцію чиновникамъ Республики, и слу-

шалъ въ церкви замка обѣдню. 5 Октября были призваны въ Сен-Клу Государственный Совѣтъ и Сенатъ для чрезвычайнаго засѣданія. Сія новая Версалія представляетъ уже картину необыкновенной живости. — Консулъ часто пріѣзжаетъ въ Парижъ, бываетъ въ Оперѣ и въ другихъ спектакляхъ. Онъ осматривалъ произведенія Французскихъ фабрикъ, которыми въ послѣдніе дни Республиканскаго лѣта были наполнены Луврскіе портики. Сія ежегодная *выставка*. учреждена закономъ для поощренія фабрикантовъ и ремесленниковъ. Министръ внутреннихъ дѣлъ избираетъ присяжныхъ, которые, разсматривая ихъ работу, опредѣляютъ, кто изъ нихъ особенно успѣваетъ въ своемъ искусствѣ и достоинъ награды. Министръ объявляетъ имена сихъ ремесленниковъ и раздаетъ имъ медали. Учрежденіе прекрасное! Въ нынѣшній годъ публика всего болѣе удивлялась отмѣнно тонкимъ батистамъ одного фабриканта и красотѣ мебелей. На сей выставкѣ два стола изъ краснаго дерева были проданы за 5000 рублей.

Бонапарте, говоря съ Фоксомъ, упомянулъ о Виндамѣ и назвалъ его непріятелемъ роду человѣческаго за то, что онъ непремѣнно хотѣлъ войны. Фоксъ

отвѣчалъ, что Консулъ несправедливо мыслитъ о Виндамѣ, котораго моральный характеръ всѣми уважается. „Мы разныхъ партій, примолвилъ онъ, но благо отечества намъ обоимъ драгоцѣнно, хотя мы и несогласно думаемъ о средствахъ. *И такъ вы забыли третье Нивоза?* спросилъ Консулъ. Фоксъ не разумѣлъ его, и Бонапарте, два раза повторивъ вопросъ, сказалъ, что онъ говоритъ объ адской машинѣ, которою хотѣли умертвить его. Тутъ Англійскій Ораторъ съ жаромъ и съ твердостію отвѣчалъ ему: „Нѣтъ, вы ошибаетесь, приписывая Виндаму злодѣйскій умыселъ, „несогласный ни съ его, ни вообще съ Англійскимъ характеромъ. Будьте увѣрены, Генералъ, что никто изъ послѣднихъ Министровъ, никто изъ Англичанъ не имѣлъ участія въ такомъ гнусномъ дѣлѣ.“ — Бонапарте не захотѣлъ продолжать разговора.

Парижскій народъ съ великимъ любопытствомъ смотритъ тѣло Губерта Шарпантье, которое недавно нашли въ развалинахъ старой церкви на горѣ Валеріанской, и которое ни мало не истлѣло, такъ, что всѣ черты лица сохранились въ цѣлости. Сей Шарпантье, стро-

ритель разныхъ церквей, умеръ въ 1650 году и былъ человѣкъ весьма набожной.

Въ нѣкоторыхъ Французскихъ Журналахъ печатаютъ *письма изъ Россіи*, безъ сомнѣнія *сочиняемыя въ Парижѣ*. Сіи мнимые Корреспонденты увѣряютъ, что всѣ Рускіе сердечно порадовались новымъ перемѣнамъ во Французской Конституціи, находя ихъ весьма мудрыми!! Это можетъ быть пріятно для нашего самолюбія и доказываетъ, что Французы уважаютъ мнѣніе Рускихъ.

Гальванизмъ вошелъ нынѣ въ удивительную моду, особливо съ того времени, какъ Бонапарте объявилъ, что онъ ожидаетъ отъ него великихъ благодѣяній для свѣта. Недавно составилось въ Парижѣ *Гальваническое общество*, которое слѣдствіемъ опытовъ своихъ надѣется облегчить недуги человѣчества. Префектъ Сенскаго Департамента отвелъ ему въ такъ называемой *Ораторіи* большія залы, какъ для собранія, такъ и для опытовъ.

Слухъ, что Бонапарте соединитъ всѣ Министерріи въ двѣ главныя и поручитъ ихъ братьямъ своимъ, Іосифу и Луціану, есть басня Нѣмецкихъ Журналистовъ.

Министръ Австрїйскїй въ Регенсбургѣ отвѣчалъ на ноту Французскаго Министра, доказывая, что все сказанное въ ней о корыстолюбїи Вѣнскаго Кабинета и намѣренїяхъ его въ разсужденїи Баварїи есть — совершенная клевета! Кабинеты и въ старину бывали не всегда учтивы; но прежде, говоря одинъ другому непрїятности, они уже поручали Генераламъ доказывать пушками истину словъ своихъ. Теперь, къ щастью, мы видимъ противное: Кабинеты ссорятся на бумагѣ, а солдаты въ казармахъ! Австрїя не хочетъ вывести войска изъ Пассау, пока Имперская Депутацїя не утвердитъ плана раздѣловъ.

Флегматическое спокойствїе Голландцевъ было встревожено слухомъ о новой революцїи, будто бы замышляемой Генералами Дендельсомъ и Дюмонсо. Директорїя позвала ихъ къ отвѣту; но Генералы совершенно оправдались и доказали, что сей слухъ есть нелѣпая и злая выдумка ихъ непрїятелей.

Въ Лондонскихъ Вѣдомостяхъ мало любопытнаго; онѣ замѣчаютъ только, что Англїйское войско все еще не оставляетъ Мальты; что Лордъ Витфортъ

все еще не въ Парижѣ, а Генералъ Андреосси не въ Лондонѣ. — Питтъ съ нѣкотораго времени такъ слабъ здоровьемъ, что онъ не входитъ уже въ политическія дѣла, и живетъ въ деревнѣ. Недавно вся Королевская Фамилія была у него въ гостяхъ. Сей славный Экс-министръ справедливо пользуется всеобщимъ уваженіемъ въ своемъ отечествѣ.

Папа избралъ въ великіе Магистеры Мальтійскаго Ордена такого человѣка, о которомъ никто не думалъ: Принца Варѳоломея Русполи, который родился въ Римѣ въ 1754 году, командовалъ 4 года галерами Ордена и жилъ до нынѣшняго времени въ Шотландіи, куда изъ Рима послали къ нему нарочнаго съ извѣстіемъ объ его избраніи.

„Нашъ городъ (пишутъ изъ Штетина), гдѣ родилась Великая ЕКАТЕРИНА „и нынѣшняя Россійская Императрица, не „можетъ быть чуждымъ для Россійскаго „Императорскаго Дома. АЛЕКСАНДРЪ „I., въ знакъ Своего Монаршаго благово„ленія, повелѣлъ Россійскому Министру „въ Берлинѣ, Господину Алопеусу, вру„чить Правительству нашему золотую „медаль, сдѣланную на высочайшую Коро-

„нацїю ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИ-„ЧЕСТВА. Нашъ городъ имѣетъ полное „собранїе золотыхъ медалей, вышедшихъ „на всѣ главные случаи царствованїя „ЕКАТЕРИНЫ, и полученныхъ нами въ „даръ отъ Ея щедрости.“

Островъ Таманъ по Указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА будетъ отнынѣ именоваться *Тмутараканскимъ*. И такъ сїе имя, о которомъ наши лѣтописи молчали со втораго-надесять вѣка, и которое было предметомъ споровъ между Историками, нынѣ воскресло къ чести древней Россїи, ко славѣ ЕКАТЕРИНЫ и къ удовольствїю всѣхъ Россїянъ.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

НОЯБРЬ 1802.

№ 22.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Необходимость знать первыя ариѳметическія правила до женитьбы.

Я завтракалъ въ кофейномъ домѣ, и самъ съ собою тихонько разсуждая о связяхъ общества, происходящихъ отъ разныхъ нашихъ потребностей, внутренно радовался, что нужда кормить себя и домашнихъ своихъ заставила моего хозяина варить такой вкусной, пѣнистой шоколадъ для людей, у которыхъ есть лишній рубль въ карманѣ. Мысли мои, мало по малу возвышаясь, отъ шоколада и бисквита достигли до теоріи Правленій и гражданской связи. Я искалъ узла, связующаго разныя, иногда противныя выгоды; спрашивалъ Политиковъ о тайнѣ общественной гармоніи въ хижинахъ, селахъ и городахъ; отвѣчалъ себѣ за нихъ, и видѣлъ, что самое лучшее правленіе

есть то, которое болѣе другихъ даетъ человѣку возможности пользоваться своимъ умомъ и трудолюбіемъ въ разныхъ состояніяхъ, необходимыхъ для государства; что всякой законодатель долженъ основать общую пользу на частныхъ выгодахъ, или система его будетъ ненадежна. Однимъ словомъ, мнѣ казалось, что чашка пѣнистаго шоколада есть великое дѣло въ государствѣ.

„И такъ здѣсь все должно быть мѣною!“ думалъ я съ философскою гордостію, отсчитывая хозяину пятьдесятъ копѣекъ — и вдругъ услышалъ громкой разговоръ молодаго Офицера съ маленькимъ человѣчкомъ и великимъ флегматикомъ, которой, опершись на свою трость, сидѣлъ въ углу кофейнаго дома.

„Какъ!“ говорилъ ему Офицеръ: „вы считаете химерою патріотизмъ, которой есть душа государствъ, и дружбу, утѣшеніе и бальзамъ нашей горестной жизни? Любовь, сама любовь кажется вамъ холодною выдумкою разсчетистаго самолюбія?“

„Государь мой!“ отвѣчалъ флегматикъ въ темномъ кафтанѣ: „не будемъ говорить о патріотизмѣ; это заведетъ насъ очень далеко. Что касается до дружбы, то я знаю права ея. Въ ваши лѣта сердце охотно принимаетъ новыя впечат-

лѣнія, и нужда любить влечетъ его ко всякому, кто говоритъ ласково и обѣщаетъ пріятное. Не вѣрьте этой наружности. Знайте, что нѣтъ дружбы безъ добродѣтели, а добродѣтели безъ Религіи. Но прошу не говорить о томъ: иначе самозванцы Философы будутъ указывать на меня пальцомъ. Есть также люди, которыхъ весьма тревожитъ мысль о будущей жизни. Оставимъ ихъ въ покоѣ: я человѣкъ миролюбивой. — Что принадлежитъ до любви, то, по моему мнѣнію, никакъ не должно бросаться безъ памяти на ея удовольствія; а надобно прежде подумать, и хорошенько подумать. Вы сказали, что я называю ее разсчетомъ: можетъ быть это самая лучшая сторона любви. По крайней мѣрѣ я такъ думалъ объ ней, и благодарю судьбу.... Но мудрые господа Политики такъ шумятъ, что намъ трудно говорить здѣсь. Естьли угодно, то приходите ко мнѣ; можетъ быть я докажу вамъ, что благоразумной человѣкъ долженъ съ разсчетомъ жениться для благополучія, и напередъ выучить твердо ариѳметическія правила."

Офицеръ и флегматикъ разстались, пожавъ руку одинъ у другова. Я всталъ, и по невольному движенію пошелъ за темнымъ кафтаномъ, которой возбудилъ мое

любопытство. Но онъ бѣжалъ прытко, какъ человѣкъ, которой не можетъ имѣть кареты, или хочетъ употреблять деньги на лучшее, и пользуется всею легкостїю ногъ своихъ. Я насилу могъ догнать его, и, не снимая шляпы, сказалъ ему: „Государь мой! не знаю, можно ли предлагать вопросы незнакомцу единственно по тому, что слова его возбудили наше вниманїе. Я былъ въ кофейномъ домѣ, когда вы разговаривали съ молодымъ человѣкомъ, и вслушался въ ваши рѣчи, которыя, по моему мнѣнїю, дѣлаютъ честь вашему благоразумїю. Но мнѣ хочется знать, въ какомъ смыслѣ вы утверждаете, что всякому человѣку прежде женитьбы надобно знать первыя ариѳметическїя правила. Для меня странно, что ваше доброе сердце соглашается съ модною системою нынѣшнихъ ариѳметическихъ браковъ. Признаюсь, что, судя по другимъ вашимъ справедливымъ мыслямъ, нахожу это непонятнымъ. Нѣтъ ли у васъ какого нибудь особеннаго языка? какъ вы говорили: аллегорически, или просто?.. Но я чувствую свою нескромность. По крайней мѣрѣ не буду скучнымъ и грубымъ. Только скажу, что вы извинили бы меня конечно, естьли бы видѣли сердечную ревность мою къ истинѣ.“

По сїе время удивляюсь своему поступку въ этомъ случаѣ; но я всталъ, вышелъ изъ кофейнаго дома, пробѣжалъ за незнакомцемъ двѣ или три улицы, началъ говорить съ нимъ и кончилъ, едва ли не думая, что я все еще пью шоколадъ свой.

„Государь мой!“ отвѣчалъ онъ съ улыбкою, ни мало не удивляясь моей безразсудности: „слышанное вами не будетъ для васъ загадкою, когда вы согласитесь итти со мною.“

Мнѣ то и надобно! думалъ я; пошелъ за нимъ, изъ улицы въ улицу, говоря мало, и съ примѣчанїемъ разсматривая его со всѣхъ сторонъ.

Я уже сказалъ, но еще скажу, что на немъ былъ темной фракъ . . . Это повторенїе не излишнее, и кафтанъ всегда есть нѣкоторое зеркало характера. Онъ былъ одѣтъ просто, но весьма опрятно. Башмаки его (не остроносые и не тупоносые, но точно по ногѣ) свѣтились какъ лакъ, не смотря на Парижскую грязь: незнакомецъ сказалъ мнѣ, что онъ нѣсколько разъ въ день заставляетъ бѣдныхъ Савояровъ чистить ихъ, любя раздавать имъ мѣдныя деньги свои.

Большая дубовая трость служила ему не для занятїя руки, а въ самомъ

дѣлѣ надежною опорою; сукно на клапанахъ его длиннаго голубаго камзола, безъ сомнѣнія отъ частаго прикосновенія руки, вытерлось и почернѣло: мнѣ хотѣлось осудить его за такую неопрятность; но видя, что онъ при всякой встрѣчѣ съ бѣднымъ ходилъ въ карманъ за деньгами, я узналъ причину и не могъ уже критиковать благодѣтеля нищихъ.

Живописцу показалась бы голова его слишкомъ велика; но Филантропъ нашелъ бы въ ея образованіи какіе-то знаки благоразумнаго человѣколюбія. — — Вотъ всѣ мои замѣчанія, важныя или неважныя, касательно до его наружности! Я замѣтилъ бы, можетъ быть, еще гораздо болѣе, но не имѣлъ времени: мы вошли въ домъ.

Незнакомецъ провелъ меня въ свой кабинетъ; вынулъ изъ ящика листъ бумаги, и отдавая его мнѣ, сказалъ:

„Тутъ вы найдете изъясненіе словъ моихъ, сказанныхъ молодому человѣку, сыну моего пріятеля, желающему быть Авторомъ. Естьли бы онъ меня послушался, то я совѣтовалъ бы ему не спѣшить. У него есть талантъ; но жаль, что онъ, подобно всѣмъ молодымъ, чувствительнымъ Авторамъ, восхищается одною *книжною* дружбою, однимъ Спартан-

скимъ патріотизмомъ, одною добродѣтелію Космополитовъ, одною безразсудною, піитическою любовію Вертера или Сенъ-Прё. Излишности противны и добродѣтели и щастію. Я былъ однажды влюбленъ, слѣдуя обыкновенію; но далѣе не пошелъ, и хорошо сдѣлалъ. Меня обманывали, и прелестная кокетка хотѣла *векселя* на спокойствіе моей жизни. Богъ съ нею и съ другими!

„Однакожь я чувствовалъ, что жить одному скучно, и рѣшился искать подруги, которая могла бы охотно дѣлить со мною горе и радость; желая найти такую, я выдумалъ странной способъ: а именно, прибѣгнуть къ ариѳметикѣ, и правиломъ сложенія выбрать себѣ жену. У меня были въ виду двѣ невѣсты, которыхъ достоинства надлежало мнѣ оцѣнить и сравнивать съ математическою вѣрностію. Эта бумага лучше изъяснитъ вамъ мысль мою."

Я развернулъ бумагу — и предлагаю читателю методу моего новаго знакомца.

Глава первая.

Статья I.

„Дѣвица Адель, двадцати-шести „лѣтъ отъ роду, умна и пріятна въ

„разговоръ; что можно привести въ сум-
„му четырехъ единицъ - - - 4.

Статья II.

„Весела, добронравна: прибавимъ еще 5.

Статья III.

„Она не красавица, но свѣжа ли-
„цомъ, стройна и по видимому здорова:
„это стоитъ - - - - - 5.

Статья IV.

„Хотя Адель могла бы хвалиться
„стройностїю и нѣкоторыми физически-
„ми дарами, но не слѣдуетъ той модѣ,
„которая всякаго *незнакомца знакомитъ*
„въ одну минуту со всѣми прелестями
„нашихъ красавицъ. Онѣ, подобно Дїа-
„нинымъ Нимфамъ, выходящимъ изъ
„воды, являются на балахъ и въ спекта-
„кляхъ, едва ли что нибудь оставляя
„для *однихъ* мужей своихъ. Эту скром-
„ность можно оцѣнить въ три единицы 3.

Статья V.

„Мнѣ всегда казалось, что безъ Ре-
„лигїи женщина не можетъ быть ни хо-
„рошею матерью, ни вѣрною женою:
„Адель набожна, и стоитъ за то семи
„единицъ - - - - 7.

Статья VI.

„Все увѣряетъ, что она разумѣетъ хо-
„зяйство и бережлива; а какъ я люблю по-
„рядокъ, необходимый для избытка, и знаю,
„что многія семейства погибаютъ отъ
„безразсудной, слѣпой расточительности,
„то прибавляю еще шесть единицъ - 6.

Статья VII.

„У нее мало родни, и я не могу съ
„этой стороны ожидать для себя никакого
„удовольствія. Сдѣлать ли за то вы-
„четъ?... Думаю, соображаю, и все еще
„не знаю, лучше ли имѣть много род-
„ныхъ или совсѣмъ не имѣть ихъ. Благо-
„разуміе требуетъ поставить нуль - - 0.

Статья VIII.

„Имѣнія настоящаго ни на рубль - - 0.

Статья IX.

„Надежду получить наслѣдство цѣню
„въ двѣ единицы - - - 2.
„Складываю: выходитъ всей суммы 52.

Глава вторая.

Статья I.

„Дѣвица Софія, будучи моложе шестью
„годами, выигрываетъ въ томъ тремя
„единицами. Ея лѣта сходнѣе съ моими 5.

Статья II.

„Она не такъ основательно мыслитъ, „не такъ хорошо выражаетъ свои мысли, „какъ Адель; безъ сомнѣнія отъ молодо„сти — но справедливость требуетъ вы„честь у нее за этотъ недостатокъ - 3.

Статья III.

„То же добронравіе, но менѣе весело„сіи въ характерѣ. Выходя изъ кабине„та, послѣ трудовъ и работы, желаешь „разсѣянія; возвращаясь домой, съ удо„вольствіемъ думаешь, что тамъ ожи„даетъ насъ подруга, которая своею лю„безною веселостію загладитъ въ нашихъ „мысляхъ непріятное впечатлѣніе свѣт„скихъ глупостей. Эта статья требуетъ „еще убавки - - - 2.

Статья IV.

„Софія такъ же здорова, какъ Адель, „но гораздо лучше лицомъ. Это пріятно; „мужья гордятся красотою женъ своихъ. „Однакожь, взглянувъ теперь на розу, „купленную мною вчерашній день, вижу, „что она уже завяла. Довольно, есть„ли выгоду Софіиной красоты оцѣню въ „единицу - - - 1.

Статья V.

„Софія одѣвается съ большимъ вкусомъ и гораздо пріятнѣе; но то бѣда, „что она слишкомъ *литаетъ* глаза мои. „Не имѣю сердца наказывать ее; но разсудокъ говоритъ, что это слабость. „Такъ и быть! По крайней мѣрѣ не буду „строгъ; убавлю противъ Адели только „единицу; напишу - - - Q.

Статья VI.

„Признаюсь, что Софіины родители „совсѣмъ не думали воспитывать ее въ „правилахъ Религіи. Это мнѣ очень прискорбно. Я не люблю замковъ; выходя „изъ дому, желаю быть увѣреннымъ въ „цѣломудріи жены моей такъ же, какъ „въ честности моего камердинера; однимъ „словомъ, никогда не беру ключа съ собою. Съ другой стороны женщина *вольнодумка* въ нѣкоторыя лѣта и въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ должна крайне „скучать жизнію. — Но Софія молода, „кроткаго нрава, нѣжнаго серця; и смѣлой мужъ (правда, очень смѣлой!) могъ „бы взять на себя ея лучшее воспитаніе. „Довольно будетъ означить сей артикулъ „нулемъ - - - - 0.

Статья VII.

„Безпечность въ разсужденіи хозяй-
„ства и совершенная непривычка къ
„домашнимъ упражненіямъ заставля-
„ютъ меня также уничтожить и эту
„статью - - - - 0.

Статья VIII.

„Софія теперь не богата, однакожь
„можетъ содержать себя доходомъ сво-
„имъ, и быть въ разсужденіи денегъ
„независимою отъ мужа. Это надобно
„поставить въ счетъ и оцѣнить по край-
„ней мѣрѣ въ четыре единицы — - 4.

Статья IX.

„Почти такое же наслѣдство въ
„виду - - - - - 2.

Сумма - - - - 17.

Примѣчаніе.

„Адель и Софія имѣютъ равные та-
„ланты: знаютъ музыку, поютъ, тан-
„цуютъ очень пріятно; но женщина,
„исполняя обязанности супруги, мате-
„ри, хозяйки, едва ли найдетъ время
„пользоваться такими искусствами. Что
„принадлежитъ до меня, то я совсѣмъ
„не думаю заводить у себя Академіи,

„и хочу только, чтобы жена моя съ удо-
„вольствіемъ слушала пріятныя книги,
„которыя буду читать ей въ зимніе ве-
„чера. Хорошо, естьли она можетъ ино-
„гда усладить мою душу трогательною
„балладою и пѣснею; но мнѣ не надобно
„ученаго, мудренаго, Италіянскаго. Я
„радъ плакать отъ нѣжной, простой ме-
„лодіи; а невинный младенецъ заснетъ
„покойно на рукахъ ея.

Дѣвица Адель имѣетъ	-	- 32.
- - Софія	-	- 17.
„За вычетомъ остается	-	- 15.

„Слѣдственно Адель гораздо богатѣе
„единицами; слѣдственно женюсь на ней,
„естьли она только согласится быть
„моею женою — хотя, слѣдуя первому дви-
„женію сердца, предпочелъ бы я Софію. —
„Писано и рѣшено 30 Декабря 1783.“

Прочитавъ эту странную бумагу, я хотѣлъ предложить Авипору нѣкоторые вопросы; но онъ, не давъ мнѣ времени, отворилъ дверь въ другую комнату, познакомилъ меня съ женою своею, окруженною прекрасными дѣтьми, и сказалъ: „вы видѣли мое *сложеніе* и *вычита-*
„*ніе*; нужна была *повѣрка*: вотъ она!“

Признаю васъ первымъ Ариѳметикомъ въ государствѣ, отвѣчалъ я, смотря

на миловидную жену и дѣтей его: самъ Баремъ не нашелъ бы за вами ошибки въ первыхъ двухъ правилахъ; а что касается до *умноженія*, то всѣ Математики на свѣтѣ не дерзнули бы спорить съ отцомъ такого милаго семейства. Правда, что вы должны подѣлиться славою съ любезной вашей супругой; но это *дѣленіе* васъ конечно не поссоритъ.

Меня пригласили обѣдать; я узналъ короче хозяина, и благодаренъ за то моему нескромному, но щастливому любопытству. Мнѣ хотѣлось копіи съ его ариѳметической рукописи; онъ самъ списалъ ее для меня, и дозволилъ напечатать въ Журналѣ.

(Съ Франц.)

II.

Критическая исторія бѣдности.

(Изъ Американскаго Журнала.)

Трудно опредѣлить съ точностію время, въ которое бѣдность начала дѣйствовать въ свѣтѣ; трудно назначить минуту ея рожденія. Хронологисты не говорятъ о томъ ни слова; и тѣ, которые сообщили намъ родословную боговъ, умолчали о сей богинѣ, хотя она въ древности

также имѣла олтари и храмы на земномъ шарѣ.

Однакожь въ Платонѣ находимъ довольно остроумную басню на счетъ сей богини. На праздникѣ, данномъ Юпитеромъ въ день Венерина рожденія, Бѣдность скромнымъ образомъ стояла у дверей чертога, чтобы подобрать крошки божественнаго обѣда. Плутусъ, богъ золота или богатства, упившись Нектаромъ, свалился съ рѣзныхъ креселъ. Услужливая Бѣдность подняла его и вывела въ садъ Олимпійскій: тамъ, сѣвъ на лавку, веселой богъ приласкалъ томную богиню. Отъ сей ласки родился Купидонъ, похожій на отца своею любезностію, а на мать своею наготою. Вотъ Платонова басня: теперь разскажемъ исторію бѣдности.

Хотя бѣдность и весьма стара, однакожь не существовала въ первые дни міра, не являлась въ золотой вѣкъ и не заглядывала въ земной рай. Но сей щастливый вѣкъ былъ не долговременнѣе розы: исчезъ — и бѣдность показалась. Хотя праотцы наши и не знали ее лично, однакожь имѣли объ ней идею. Вѣроятно, что въ Каиново время она была уже не во младенчествѣ: ибо Историкъ Іосифъ пишетъ, что Каинъ скитался

по землѣ вмѣстѣ съ какимъ-то разбойникомъ. Впрочемъ древность темна; знаемъ только, что бѣдность утвердилась въ мірѣ при добродѣтельныхъ Патріархахъ. Въ сіе время видимъ уже купцовъ, торгующихъ невольниками: что доказываетъ послѣднюю степень ея. Святый мужъ Іовъ клянется, что бѣдные не могутъ ничѣмъ укорять его, и что онъ всегда помогалъ имъ въ нуждахъ.

Вездѣ древніе законодатели пеклись о нищетѣ. Моисей старался мудрыми учрежденіями облегчить долю ея. Раздѣленіе земли по семействамъ и колѣнамъ; семилѣтній Юбилей; обыкновеніе во время жатвы давать бѣднымъ нѣкоторую часть плодовъ, и законъ Морали любить ближняго какъ самого себя — все сіе было средствомъ ограничить бѣдность. И такъ не мудрено, что Іудеи во время аристократическаго правленія не имѣли нищихъ. Цари ихъ были несправедливы; отнимали собственность подданныхъ, и тѣмъ умножили число бѣдныхъ. Послѣ Давидова царствованія корыстолюбивые правители грабили народъ; и состояніе его сдѣлалось еще хуже подъ игомъ Царей Вавилонскихъ, Персидскихъ и Римскихъ Императоровъ. Тогда богатыя семейства, желая облегчить судьбу бѣдныхъ, посвя-

пили имъ десятую часть своего имѣнія, какъ то видимъ во времена Евангелистовъ; а прежде имъ давали только сороковую или тридцатую долю: обыкновеніе, свято наблюдаемое и въ наше время симъ нещастнымъ народомъ. Естьли нѣтъ бѣдныхъ тамъ, гдѣ живутъ Іудеи, то они посылаютъ милостыню въ самыя отдаленныя мѣста. Купцы ихъ въ торгахъ своихъ всякой разъ назначаютъ нѣкоторую сумму для неимущихъ, и при концѣ года даютъ имъ въ томъ отчетъ.

Другіе законодатели также слѣдовали примѣру Моисея, и брали мѣры для вспоможенія тѣмъ, которые разорялись отъ пожара, наводненія, войны или неурожая. Увѣренные въ томъ, что лѣность есть мать нищеты, они наказывали ее весьма строго. Въ Египтѣ считалась она важнымъ преступленіемъ. Бродяги и нищіе совсѣмъ не были терпимы. Тунеядцы, не хотѣвшіе участвовать въ народныхъ работахъ, наказывались смертію. Египтяне, находя въ Іудеяхъ склонность къ лѣности, заставляли ихъ дѣлать кирпичи для строенія славныхъ пирамидъ, чтобы они не были праздными бродягами.

Въ Греціи видимъ тотъ же духъ. Ликургъ не хотѣлъ въ Республикѣ своей

ни бѣдныхъ, ни богатыхъ. Лакедемонцы его жили и работали вмѣстѣ. Въ Спартѣ были общественные магазины, изъ которыхъ выдавалось все нужное гражданину, смотря по его лѣтамъ и сложенію. Аѳиняне, Коринѳяне и другіе народы Греціи не имѣли такихъ учрежденій; но законы Драконовы, Солоновы и прочихъ законодателей наказывали смертію лѣнивыхъ. Человѣколюбивый Платонъ въ своей Республикѣ опредѣлилъ только изгонять ихъ, называетъ врагами отечества, и говоритъ, что всякая страна, гдѣ много нищихъ, подвержена мятежамъ и бѣдствіямъ: ибо люди, которымъ нечего потерять, всегда готовы соединиться съ возмутителями общаго покоя.

Римляне, имѣвшіе цѣлію благоденствіе народное, не уступали Грекамъ въ сей строгости. Ценсоры ихъ всего болѣе старались перевести бродягъ, и тунеядцы были употребляемы при общественныхъ строеніяхъ. Тогдашніе Римляне не имѣли правила нынѣшнихъ и не говорили, что *бездѣлье* (far niente) *есть самое пріятное дѣло.* Республика пчелъ и муравьевъ служила для нихъ примѣромъ. Виргилій говоритъ о сихъ послѣднихъ, что у нихъ есть надзиратели, наказывающіе лѣнивыхъ:

. . . . . Pars agmina cogunt
Castigantque moras.

Естьли вѣрить нѣкоторымъ путешественникамъ, то бобры еще строже наказываютъ сей порокъ; однакожь все не такъ жестоко, какъ древніе Германцы, которые, по словамъ Тацита, втаптывали тунеядцевъ въ грязь и въ тину болотъ своихъ.

Сія строгость Древнихъ была не варварствомъ, а правиломъ мудрости; они любили человѣчество, ибо ревностно помогали бѣднымъ старикамъ, больнымъ и жертвамъ непредвидимыхъ нещастій. У кого не было родственниковъ, кто не могъ работать, тотъ прибѣгалъ къ судьямъ народнымъ. Улиссъ въ одеждѣ нищаго является въ домѣ Эвримаха, который, видя его цвѣтущее здоровье, предлагаетъ ему работу, съ угрозою оставить его безъ всякой помощи, естьли онъ лѣнивъ. Когда Римскіе Императоры, даже самъ Тиберій и Неронъ, раздавали деньги бѣднымъ, тогда праздно-любцы всегда изключались изъ списка бѣдныхъ, какъ недостойные благодѣянія. Древніе думали, что лучше уморить съ голоду лѣниваго, нежели питать его лѣность.

Отъ того ли, что Древнїе имѣли лучшую полицїю, или болѣе нашего помогали бѣднымъ, или рабство успрашало тунеядцевъ; но кажется, что нищета была у нихъ рѣдкимъ явленїемъ. Она не знали, что такое гошпитали и богадѣльни.

Въ началѣ Христїянства, когда Апостолы проповѣдывали общественность имѣнїя, ученики ихъ не знали бѣдности; всѣ они жили какъ братья и ревностно помогали другъ другу. — Константинъ освободилъ всѣхъ Христїянъ, которые въ царствованїе его предшественниковъ содержались въ темницахъ или работали на галерахъ. Они возвратились въ общество съ нищетою и съ болѣзнями. Христїянскихъ семействъ было еще не такъ много, чтобы они могли содержать ихъ. Тогда Правительство взяло на себя попеченїе о сихъ жалкихъ страдальцахъ: начали строить гостинницы и богадѣльни для стариковъ, больныхъ, вдовъ и сиротъ. Императоры и вельможи посѣщали ихъ тамъ, и не рѣдко сами служили нещастнымъ, подавая имъ лекарства и перевязывая раны. Сїе великодушїе такъ прославило новую Религїю, что Іулїанъ заставилъ и самыхъ язычниковъ подражать ему.

Но всякое благодѣтельное заведенїе можетъ со временемъ имѣть дурныя слѣдствїя. Многїе невольники, получивъ свободу, не захотѣли жить въ сихъ богадѣльняхъ, считая ихъ нѣкотораго роду темницею; они разсѣялись по государству — показывали знаки ранъ своихъ, слѣды цѣпей, и приводили въ жалость людей добродушныхъ. Тогда ремесло нищихъ, запрещенное законами, сдѣлалось весьма прибыльнымъ для бродягъ и тунеядцевъ. Императоры должны были выдать новые строгїе законы противъ сего великаго зла; и всякой гражданинъ имѣлъ право взять нищаго къ себѣ въ вѣчные рабы.

Китай служитъ примѣромъ самой исправной и дѣятельной полицїи. Тамъ совсѣмъ нѣтъ нищихъ, и всѣ работаютъ, даже изувѣченные и слѣпые; а кто не можетъ работать, того питаетъ общество. Что дѣлается въ Китаѣ, то можетъ быть и вездѣ. Сїя гнусная, развратительная, вредная и наглая нищета, столь противная законамъ благочинїя и Морали, когда нибудь должна уступить мѣсто скудости кроткой, смиренной, промышленной и трудолюбивой. Тогда оправдается басня Платонова, хотя отчасти; тогда богъ золота подружится съ бѣдностїю,

которая будетъ матерїю естьли не любви, то по крайней мѣрѣ земледѣлїя, художествъ и промышленности.

III.

Анекдотъ.

Шесть человѣкъ, молодыхъ, пылкихъ, добрыхъ прїятелей, сидѣли зе ужиномъ въ трактирѣ Крестовскаго острова въ П — ѣ. Въ числѣ ихъ былъ Лїодоръ, Секретарь Графа N. N., прекрасный лицомъ, любезный характеромъ. Они веселились безъ памяти, стучали рюмками, шумѣли и смѣялись такъ громко, что ихъ можно было слышать на улицѣ. Мало по малу шумъ затихъ: любовь сдѣлалась предметомъ разговора. Молодость откровенна, особливо въ часъ за полночь и въ кругу сверстниковъ. У каждаго было сердце на языкѣ; всякой разсказывалъ о своихъ желанїяхъ; надеждахъ, успѣхахъ, и неудачахъ. Лїодоръ наименовалъ Эмилїю — и всѣ закричали: „какъ ты щастливъ, естьли она тебя любитъ!“ Эмилїя была одною изъ первыхъ Мо — скихъ красавицъ. Лїодоръ вынулъ изъ записной книжки портретъ ея съ девизомъ: *твоя до гроба!* Восклицанїя: „какъ ты щастливъ!“ повторялись. „Ахъ! благо-

дарю Судьбу!“ сказалъ онъ: „кто имѣетъ прелестную невѣсту, вѣрнаго друга, добрыхъ пріятелей и 24 года отъ роду, тому не чего болѣе желать въ свѣтѣ!“ Лїодоръ, говоря такимъ образомъ, съ горячностїю обнималъ Милона, нѣжнаго друга своего. ... Между тѣмъ свѣчи догорѣли; самое веселье утомило молодыхъ людей: надлежало разстаться, впредь до скораго и радостнаго свиданїя.

Лїодоръ и Милонъ поѣхали вмѣстѣ на лодкѣ. Утренняя весенняя заря красила небо, отсвѣчиваясь въ зеркалѣ пышной рѣки. Лїодоръ былъ въ самомъ щастливѣйшемъ расположенїи, и говорилъ съ тихимъ восторгомъ: *Какъ мила жизнь! какъ все хорошо въ свѣтѣ! Никогда еще душа моя не чувствовала такой живой благодарности къ Творцу!* — На берегу друзья простились; имъ надлежало итти въ разныя стороны. Лїодоръ остановился, взглянулъ назадъ, и видя, что Милонъ также стоитъ на одномъ мѣстѣ и смотритъ на него, бросился еще разъ обнять друга; глаза его наполнились слезами, радостными и сладкими.... Предчувствіемъ бѣдствїя называемъ мы обыкновенно унынїе и тоску безъ извѣстной причины; но иногда таится оно въ какомъ-то необыкновенномъ и неизъясни-

момъ сердечномъ удовольствіи. Щастье, готовясь оставить насъ, представляется сердцу во всей красотѣ своей и ласкаетъ его съ отмѣнною живостію. Судьба, поднимая руку съ мечемъ, другою сыплетъ цвѣты на жертву свою. По крайней мѣрѣ я замѣчалъ сей феноменъ.

Ліодоръ нашелъ дома письмо изъ Мо—вы, въ которомъ увѣдомляли его объ Эмиліиной скоропостижной смерти!... Есть горести, которыхъ не должно описывать. Всякой по мѣрѣ своей чувствительности можетъ вообразить ихъ.

Прошло около недѣли. Нещастный молодой человѣкъ наконецъ опомнился — и глаза его искали друга. Милонъ во все это время не былъ у него, и даже не присылалъ объ немъ навѣдаться. Такая безпечная холодность казалась Ліодору преступленіемъ въ дружбѣ; онъ самъ поѣхалъ къ нему, чтобы имѣть печальное утѣшеніе сказать: „я въ отчаяніи, а ты не знаешь!“ — У воротъ дому встрѣтился ему Священникъ; на крыльцѣ онъ почувствовалъ духъ ладана, а въ залѣ увидѣлъ Милона лежащаго на столѣ: онъ умеръ наканунѣ!...

Ліодоръ казался твердымъ: не плакалъ, не жаловался; обнялъ холодный трупъ съ горячностію — и спѣшилъ къ своему

начальнику, Графу N. N., который, взглянувъ на него, ужаснулся: на Людорѣ не было лица человѣческаго. Онъ требовалъ своей отставки, не сказывая причины. Графъ вообразилъ, что умъ его въ безпорядкѣ, и совѣтовалъ ему ѣхать домой, обѣщая прислать къ нему Доктора. Лїодоръ улыбнулся... Сїя усмѣшка была послѣднимъ геройствомъ сердца его. Въ самую ту минуту вошелъ въ кабинетъ къ Графу одинъ изъ молодыхъ людей, съ которыми Лїодоръ за недѣлю передъ тѣмъ ужиналъ на островѣ, — былъ такъ веселъ и щастливъ!.. Онъ упалъ въ обморокъ.

Черезъ нѣсколько дней Лїодоръ уѣхалъ изъ П — а, съ намѣренїемъ, которое для него самого было не ясно; онъ чувствовалъ только, что ему надобно перемѣнить мѣсто, когда судьба его такъ ужасно перемѣнилась. — Открылась М — ва, въ которую воображенїе и сердце его такъ часто летало, и куда онъ надѣялся возвратиться за тѣмъ, чтобы навѣки соединиться съ Эмилїею!.. Лїодоръ велѣлъ ѣхать прямо въ До — ской монастырь. Начинало смеркаться: въ стѣнахъ его царствовала глубокая тишина, разительный образъ спокойствїя могилъ, которыми онъ наполненъ. Въ семъ истинномъ жилищѣ мер-

тныхъ не видно было ни одного живаго существа; одни монументы представлялись взору, столь ужасные для того, кто еще ничего любезнаго не отдавалъ смерти, и столь привѣтливые для горестныхъ, положившихъ во гробъ милое! Между ими и смертію есть какая-то симпатія.... Ліодоръ былъ тамъ нѣкогда съ Эмиліею и вмѣстѣ съ нею плакалъ надъ гробомъ ея матери: подлѣ сего монумента лежалъ новой камень... Сердце нещастнаго любовника затрепетало; онъ бросился на колѣни — цѣловалъ, омывалъ слезами Эмиліину могилу — говорилъ съ мертвою какъ съ живою — описывалъ ей отчаяніе любви своей — душа его дѣлилась между небомъ и землею, стремясь къ остаткамъ тлѣннаго бытія любовницы и къ тому, что составляло жизнь и красоту его... Въ сіи минуты, когда сердце рвется къ милымъ усопшимъ, подымается нѣкоторымъ образомъ таинственная завѣса вѣчности: мы чувствуемъ дыханіе безсмертныхъ — осязаемъ, кажется, эѳирное существо ихъ. Живость сихъ восторговъ заставляетъ насъ думать, что они не совсѣмъ мечтательны, и что смерть не есть совершенный разрывъ сердецъ, которыя жили однимъ чувствомъ. Естьли мы, оставленные, умѣемъ нѣжно хранить

память любезныхъ, то неужели они въ другой сферѣ бытія совсѣмъ нечувствительны къ нашей горести? Развѣ безсмертіе научило ихъ неблагодарности и непостоянству? какіе законы не уступятъ силѣ любви, когда надобно утѣшить милаго? и что останется нетлѣннаго въ душѣ, естьли въ ней любовь исчезаетъ?... Но сіи восторги не продолжительны; душа низпадаетъ въ горестную существенность и не находитъ вокругъ себя ничего, кромѣ безмолвія и непроницаемости гробовъ, а въ чувствахъ своихъ одинъ слабый лучь надежды.

Въ семъ монастырѣ и въ сей вечеръ Лїодоръ видѣлъ одного старца, котораго Христїянская бесѣда чудеснымъ образомъ успокоила его сердце. Старецъ, говоря о суетѣ мїра, указывалъ на гробы!.. Онъ утѣшалъ молодаго человѣка, но единственно такъ, какъ утѣшаетъ Религїя — не мечтами, не видами новыхъ удовольствїй въ жизни, а необходимостїю покоряться таинственной волѣ Всевышняго.

Лїодоръ поѣхалъ въ свою деревню въ Во — ской Губернїи, окруженную густыми лѣсами. Не далеко оттуда есть монастырь, основанный (какъ говоритъ преданїе) въ шестомъ-надесять вѣкѣ однимъ нещастнымъ отцомъ и супругомъ,

который служилъ въ войскѣ Царя, возвратился въ свое помѣстье и не нашелъ ни дому, ни жены, ни дѣтей: они сгорѣли во время его отсутствія. Онъ построилъ монастырь и былъ въ немъ первымъ монахомъ. Ліодоръ рѣшился слѣдовать его примѣру и навѣки отказаться отъ міра. Начальникъ тамошняго Духовенства, мужъ благоразумный, совѣтовалъ ему прежде испытать сердце свое, и назначилъ для него три года искуса. Молодой человѣкъ поселился въ сей уединенной обители, и два года служилъ примѣромъ строгой жизни древнихъ Христіянскихъ отшельниковъ. Господинъ П * * * (который разсказывалъ своимъ пріятелямъ сей анекдотъ) видѣлъ его въ исходѣ втораго года: Ліодоръ казался въ душѣ и въ сердцѣ мертвымъ для свѣта; на блѣдномъ лицѣ его изображалось какое-то величественное спокойствіе; онъ не хотѣлъ даже говорить о своихъ нещастіяхъ и потеряхъ. — Господинъ П * * * увидѣлся съ нимъ въ другой разъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ: Ліодоръ обрадовался ему, повелъ его гулять въ лѣсъ, и закраснѣвшись указалъ ему на одномъ деревѣ имя Эмиліи. Слезы полились изъ глазъ его; онъ началъ говорить объ ней; разсказывалъ всѣ обстоятельства своей исторіи съ великою живостію, и слушалъ

съ великимъ вниманіемъ, когда Господинъ П***, удивленный его перемѣною, совѣтовалъ ему возвратиться въ свѣтъ. „Нѣтъ!“ отвѣчалъ молодой человѣкъ: „я не хочу быть предметомъ насмѣшекъ. — Вотъ гробъ мой!“ примолвилъ онъ со вздохомъ, входя въ монастырскія ворота.

Черезъ полгода Господинъ П*** узналъ, что Ліодоръ умеръ, *будучи выгнанъ изъ монастыря за непристойные поступки*, которыхъ я не хочу описывать!!... Вотъ феноменъ человѣческаго сердца!

Нѣтъ, нѣтъ! будемъ нещастливы, когда угодно Провидѣнію отнимать у насъ радости, но останемся на сценѣ до послѣдняго акта — останемся въ училищѣ горестей до той минуты, какъ таинственный звонокъ перезоветъ насъ въ другое мѣсто! — А вы, молодые люди, въ нещастіяхъ и въ потеряхъ своихъ не обманывайте себя мыслію, что рана ваша неизцѣлима: нѣтъ! юное сердце, пылая жизнію, излечается отъ горестей собственною внутреннею силою — и сіе выздоровленіе обновляетъ его чувствительность къ удовольствіямъ жизни. — Иное дѣло, когда человѣкъ, подобно вечернему солнцу, приближается къ своему западу: тогда единственно утраты бываютъ невозвратимы; но и тогда, чтобы не дѣйство-

вать вопреки плану Натуры, не должно умирать для свѣта прежде смерти. Естьли между гробомъ и нами нѣтъ уже никакого земнаго желанія; естьли не можемъ наконецъ быть дѣятельны для своего щастія, то будемъ дѣятельны хотя для разсѣянія, хотя для удовольствія другихъ людей, опираясь на якорь Религіи, которая, подобно надеждѣ, бросаетъ его человѣку въ бѣдствіяхъ, но не обманываетъ человѣка такъ, какъ надежда, ибо ничего не обѣщаетъ ему въ здѣшнемъ свѣтѣ!

Р. П.

IV.

Разговоръ о невидимо-видимомъ обществѣ.

Сочиненіе Гердера.

На сихъ дняхъ одинъ изъ моихъ пріятелей разсказывалъ удивительныя вещи о нѣкоторомъ обществѣ. „Истинныя дѣла „его, говорилъ онъ, такъ велики, такъ „необозримы, что цѣлые вѣки отдѣляют„ютъ иногда начало отъ конца ихъ. Но „все, что есть въ свѣтѣ хорошаго, сдѣла„но участниками сего важнаго союза; „они безпрестанно трудятся для свѣта,

„для истинной пользы людей, для потом-„ства, и главный предметъ ихъ благодѣ-„янїй есть тотъ, чтобы — сдѣлать „ненужными обыкновенныя благодѣя-„нїя.“ — Эта загадка возбудила мое любопытство. Вотъ разговоръ нашъ:

Онъ. Что думаешь ты о гражданскомъ обществѣ?

Я. То, что оно есть прекрасная выдумка.

Онъ. Безъ сомнѣнїя; но какъ считаешь его: цѣлїю или средствомъ? Люди ли, по твоему мнѣнїю, созданы для государствъ или государства для людей?

Я. Нѣкоторые утверждаютъ первое, но второе сходнѣе съ правдою.

Онъ. Такъ и мнѣ кажется. Государства соединяютъ людей, чтобы каждый изъ нихъ тѣмъ лучше и безопаснѣе могъ наслаждаться добромъ. Сложность частныхъ благъ есть благоденствїе государства; другова нѣтъ и быть не можетъ.

Я. Очень хорошо. И такъ гражданская жизнь есть средство ко щастїю людей. Что далѣе?

Онъ. Одно средство, и при томъ изобрѣтенное человѣкомъ, хотя и соглашаюсь, что Натура всячески помогла ему изобрѣсти его. Теперь спрашиваю: могутъ ли государственныя учрежденїя,

будучи выдумкою человѣка, не имѣть судьбы человѣческихъ средствъ?

Я. Что называешь ты судьбою человѣческихъ средствъ?

Онъ. То, что обыкновенно соединено съ ними: недостатокъ — то, что они въ нѣкоторыхъ случаяхъ производятъ дѣйствія, несообразныя съ своею цѣлію.

Я. Угадываю твои мысли; но мы знаемъ, отъ чего многіе люди не пользуются благодѣяніемъ гражданскихъ обществъ. Государственныя учрежденія различны; одно лучше другова; нѣкоторыя совсѣмъ противны цѣли своей, а совершеннаго надобно еще подождать нѣсколько вѣковъ!

Онъ. Вообразимъ даже, что оно существуетъ; вообразимъ, что всѣ люди на землѣ приняли это лучшее государственное учрежденіе: не уже ли не предвидишь разныхъ его слѣдствій, которыя вредны для блага человѣческаго, и которыя въ состояніи Натуры остались бы намъ неизвѣстными?

Я. Тебѣ не легко будетъ наименовать хотя одно изъ нихъ.

Онъ. Десять, естьли угодно.

Я. На примѣръ —

Онъ. Мы вообразили, что всѣ люди на землѣ приняли самое лучшее государ-

ственное учрежденіе: желаю знать, могутъ ли они составить одно государство?

Я. Не думаю; огромность его мѣшала бы дѣйствію правленія. Кажется, что ему надлежало бы раздѣлиться на разныя области, управляемыя одними законами.

Онъ. Въ такомъ случаѣ каждая область не будетъ ли имѣть особенной пользы?

Я. Безъ сомнѣнія.

Онъ. Особенныя или частныя пользы должны быть иногда несогласными; и граждане двухъ разныхъ областей, не смотря на единство политическихъ уставовъ, имѣли бы такое же пристрастіе къ своей землѣ, какое имѣютъ нынѣ Англичане, Французы, Нѣмцы.

Я. Вѣроятно.

Онъ. Когда Нѣмецъ встрѣчается съ Французомъ, или Французъ съ Англичаниномъ, тогда говоритъ въ нихъ не человѣчество, а гражданство; всякой думаетъ о своей особенной политикѣ, и дѣлается противъ другова холоденъ, остороженъ, недовѣрчивъ, хотя они еще не имѣютъ между собою никакого личнаго дѣла.

Я. Къ сожалѣнію, это правда.

Онъ. Слѣдственно и то правда, что гражданская жизнь, соединяя людей для вѣрнѣйшаго общаго благоденствія, въ то же самое время и раздѣляетъ ихъ. Ступимъ еще шагъ впередъ. Многія изъ областей имѣли бы разный климатъ, слѣдственно и разныя потребности, разные обычаи и нравы, разныя моральныя системы и Религіи.

Я. Этотъ шагъ великъ.

Онъ. Не смотря на ихъ имена, они другъ съ другомъ стали бы такъ обходиться, какъ Христіяне обходятся съ Жидами или Турки съ Христіянами: то есть, забывая связь человѣчества, думали бы только о несогласіи ихъ мыслей и Вѣры.

Я. Но для чего не вообразить, что народы, имѣя одно государственное учрежденіе, имѣютъ также и одну Религію? Я даже не понимаю, какъ могутъ быть одинакіе гражданскіе уставы безъ одинакой Вѣры.

Онъ. Ни я; а предположилъ это единственно съ намѣреніемъ отнять у тебя способъ къ возраженію. Одно столь же невозможно, какъ и другое. Разныя государства, разные и законы политическіе; разные законы, разныя и Религіи. Теперь видишь второе зло гражданскаго общества.

Оно не можетъ соединять людей, не раздѣляя ихъ глубокими рвами и высокою стѣною. Еще и того мало: гражданское общество дѣлитъ не только народы, но и жителей одного государства до безконечности.

Я. По чему?

Онъ. Можетъ ли быть государство безъ различныхъ состояній? Нигдѣ Члены его не имѣютъ одинакаго участія въ законодательствѣ, по крайней мѣрѣ равно непосредственнаго; слѣдственно одни бываютъ сильнѣе другихъ. — Положимъ, что граждане раздѣлили бы все государственное имѣніе на равныя части: это равенство не продолжится ни двадцати лѣтъ; скоро будутъ зажиточные и бѣдные.

Я. Разумѣется.

Онъ. Представь же себѣ, сколько зла и непріятностей выходитъ изъ того!

Я. Къ нещастію, мнѣ должно съ тобою согласиться. Но чего ты хочешь? того ли, чтобы я возненавидѣлъ гражданское общество, и пожелалъ, чтобы людямъ никогда не приходило на мысль соединяться подъ властію законовъ?

Онъ. Сохрани меня Богъ! Естьли бы гражданское общество не имѣло въ себѣ ничего добраго, кромѣ просвѣщенія ума,

и тогда бы я искренно благословилъ его; не смотря ни на какое зло.

Я. Кто хочетъ наслаждаться огнемъ, долженъ сносить дымъ.

Онъ. Конечно. Но тотъ, кто выдумалъ трубу, сдѣлалъ хорошее дѣло и безъ сомнѣнія не былъ врагомъ огня. Ты понимаешь меня?

Я. Ни мало.

Онъ. А сравненіе, кажется, ясно. — Хотя люди и не могли соединиться въ гражданской жизни безъ такихъ раздѣленій, но можно ли назвать ихъ добромъ?

Я. Конечно нѣтъ.

Онъ. Такъ ли они святы, чтобы не льзя было до нихъ дотронуться?

Я. Съ какимъ намѣреніемъ и въ какомъ смыслѣ?

Онъ. Чтобы не давать имъ распространяться далѣе предѣловъ необходимости, и сдѣлать ихъ слѣдствія по возможности невредными.

Я. Это безъ сомнѣнія вездѣ дозволено.

Онъ. Дозволено, но не повелѣвается гражданскими законами, которые не могутъ дѣйствовать внѣ границъ государства; а такое дѣло есть общее для всѣхъ государствъ. Остается желать, чтобы люди мудрые и добрые во всякой землѣ добровольно взяли на себя эту великую должность.

Я. Дай Богъ!

Онъ. Остается желать, чтобы въ каждомъ государствѣ хотя Философы не имѣли народныхъ предразсужденій, и знали, гдѣ патріотизмъ не есть уже добродѣтель...

Я. Дай Богъ!

Онъ. Желать, чтобы вездѣ были мудрые люди, которые, искренно слѣдуя уставамъ своей Религіи, не осуждали бы другихъ на вѣчную гибель...

Я. Дай Богъ!

Онъ. Желать, чтобы въ Республикахъ и Монархіяхъ хотя нѣкоторые не ослѣплялись блескомъ гражданскаго величія, и не стыдились гражданской низости; чтобы въ ихъ обществѣ знаменитый снисходилъ охотно и бѣдный возвышался духомъ.

Я. Дай Богъ!

Онъ. А естьли это желаніе исполнено? естьли вездѣ найдемъ такихъ людей? естьли и впредь они никогда не переведутся?

Я. Тѣмъ лучше!

Онъ. Естьли они не дремлютъ въ свѣтѣ, а дѣлаютъ добро, по вѣрнымъ правиламъ и лучшему плану?

Я. Прекрасная мечта!

Онъ. Однимъ словомъ, естьли они называются * * * ?...

Прїятель мой сказалъ мнѣ имя одного извѣстнаго общества, однакожь не думалъ звать меня въ его члены, и признавался искренно, что оно не заключаетъ въ себѣ особенныхъ таинствъ; что всякой собственнымъ размышленїемъ можетъ дойти до всѣхъ важнѣйшихъ истинъ; что обряды, слова и знаки не важны, и проч. — Послѣ того начался между нами другой разговоръ.

Я. Что, естьли кромѣ твоего общества могу наименовать другое, слѣдующее такой же благодѣтельной системѣ; не тайное, не сокрытое отъ свѣта, но работающее явно; не обрядами и символами, но ясными словами и дѣлами; не среди двухъ или трехъ народовъ, но вездѣ, гдѣ есть просвѣщенїе? Надѣюсь, что тогда уволишь меня отъ вступленїя въ ваше собратство.

Онъ. Съ радостїю. Селитра должна быть въ воздухѣ прежде, нежели она можетъ отсѣсть на стѣнахъ темнаго погреба.

Я. Я давно живу въ этомъ безсмертномъ обществѣ, и нахожу въ немъ мое любезное отечество, любезнѣйшихъ друзей моихъ.

Онъ. Тѣмъ лучше.

Я. И не боюсь обмановъ, не вижу педантства, дыма, загадокъ, какъ въ твоемъ. . .

Онъ. Все это очень хорошо; прошу только назвать . . .

Я. Общество всѣхъ мыслящихъ людей на земномъ шарѣ.

Онъ. Оно конечно не мало; но, къ сожалѣнію, разсѣяно и подобно невидимой церкви.

Я. Оно въ собраніи — и видимо. Фаустъ или Гуттенбергъ (*) — какъ сказать по-вашему? — есть его Мастеръ Ложи или первый служащій братъ. Я нахожу въ этомъ обществѣ все, что ставитъ меня выше гражданскихъ раздѣленій и соединяетъ, такъ сказать, съ духомъ человѣческаго роду, уничтожая преграды народныя и личныя.

Онъ. Разумѣю. Ты хочешь сказать, что книгопечатаніе, посылая во всѣ земли слова и знаки свои, дѣлаетъ ненужными другія *тайныя* слова и знаки. Но согласись, что оно образуетъ только мнимое общество.

Я. Какому точно быть надобно. Одни умы рѣшатъ правила; въ личномъ зна-

(*) Которые изобрѣли книгопечатаніе.

комствѣ нѣтъ нужды; оно же имѣетъ свои опасности: разсѣянїе, пристрастїе, лесть. Только въ знакомствѣ съ умами на доскахъ Фаустовыхъ душа моя сохраняетъ независимость и свободу; тамъ сужу смѣло и разбираю строго.

Онъ. И ты находишь, что Авторы возносятъ тебя выше народныхъ пристрастїй, выше всѣхъ гражданскихъ состоянїй и другихъ предразсудковъ?

Я. Безъ сомнѣнїя. Въ бесѣдѣ съ Гомеромъ, Платономъ, Ксенофонтомъ, Тацитомъ, Бакономъ, Фенелономъ, я не думаю, къ какому государству они принадлежали, какого состоянїя были и въ какихъ храмахъ молились.

Онъ. Это правда.

Я. Знаю и то, что ихъ правила, мысли и чувства соединяютъ меня со всѣми благородными душами въ свѣтѣ.

Онъ. Ты и самъ можешь говорить съ ними, открывая имъ, посредствомъ книгопечатанїя, сокровища ума своего.

Я. Естьли бы у меня было твое дарованїе! Еще прежде нашего личнаго знакомства я бесѣдовалъ съ твоимъ духомъ, и не будучи членомъ вашего тайнаго братства, зналъ тебя по *слову осязанїю* и *знаку*. Дѣла Авторовъ, тебѣ подобныхъ, давно открыли мнѣ глаза и показали

красоту истины, добродѣтели, мудрости: дѣйствіе, котораго не могутъ произвести таинственные обряды, по крайней мѣрѣ такъ скоро и надежно!

Онъ. Ты говоришь о дѣлахъ?

Я. Да: о Поэзіи, Философіи, Исторіи — вотъ по моему мнѣнію *священный треугольникъ!* вотъ лучезарныя свѣтила народовъ, сектъ и поколѣній! Поэзія волшебною живописью предметовъ заставляетъ меня любить добро; Философія даетъ правила; Исторія утверждаетъ ихъ опытомъ.

Онъ. Но довольно ли того для исправленія людей? не служитъ ли общество новымъ побужденіемъ къ добру?

Я. *Одно* побужденіе, усиленное чувствомъ и разумомъ, лучше *многихъ* слабыхъ. Число ихъ подобно числу колесъ въ машинѣ: чѣмъ болѣе колесъ, тѣмъ непрочнѣе.

Онъ. Что же должно быть твоимъ единственнымъ побужденіемъ?

Я. *Человѣчество.* Изображайте только святость его; трогайте сердца; доказывайте, что оно есть первая должность человѣка — и тогда всѣ предразсудки, которые раздѣляютъ народы, состоянія, вѣры . . .

Онъ. Исчезнутъ? Какъ ты ошибаешься!

Я. Не исчезнутъ, а сдѣлаются безвредными: все, чего только можетъ желать ваше славное братство! Не общество, но образъ мыслей составляетъ характеръ души; гдѣ согласны мысли, тамъ и союзъ. Два человѣка однихъ правилъ, сошедшись вмѣстѣ, узнаютъ другъ друга безъ таинственныхъ знаковъ. Всякой по своимъ обстоятельствамъ и возможности долженъ брать участіе въ великолѣпномъ зданіи человѣческаго блага, работать и веселиться работою другихъ: ибо это безконечное, необозримое зданіе можетъ быть совершено только *всѣми руками*. Тутъ не требуется личныхъ связей, клятвъ и символовъ; не требуется никакихъ именъ, кромѣ имени человѣка.

Онъ. Мы можемъ обняться съ тобою какъ братья одного Ордена. Такъ конечно: нельзя сокрыть свѣта истиннаго, и не въ темныхъ пещерахъ должно искать его.

Я. Всѣ такіе символы могли быть нѣкогда хороши и полезны; но они не для нашего времени. Теперь мы имѣемъ нужду въ методѣ совершенно имъ противной: теперь нужна чистая, ясная и явная истина.

(*Съ Нѣмецкаго.*)

V.

Египетскіе вечера.

Какая теперь модная забава въ Парижѣ? говорятъ въ одномъ Французскомъ Журналѣ. Хотя балы, концерты и театры никогда не выдутъ изъ обыкновенія, однакожъ мы выдумали еще новое удовольствіе. Чтобы провести вечеръ по модѣ, надобно послѣ обѣда уйти съ лучшими гостями изъ великолѣпныхъ, раззолоченныхъ комнатъ въ самую темную горницу дома, посадить всѣхъ кругомъ и такъ стѣснить, чтобы осязаніе подобно электрической цѣпи передавало впечатлѣнія. Когда всѣ усядутся, тогда погасятъ свѣчи и начнутъ разсказывать самыя трагическія исторіи, которыхъ ужасъ дѣйствуетъ на воображеніе еще сильнѣе отъ общаго безмолвія и темноты. Модныя женщины любятъ безъ памяти эту забаву; она называется *Египетскими вечерами*. Естьли читатели наши еще не знаютъ ее, то мы желаемъ дать имъ нѣкоторую идею о семъ новомъ удовольствіи, и разскажемъ одну изъ повѣстей, слышанныхъ нами въ самомъ блестящемъ Парижскомъ обществѣ.

„Дорвалъ подружился еще въ школѣ съ сыномъ одного Тулузскаго судьи,

Господина Б*. Молодые друзья, одинакихъ склонностей и характеровъ, клялись жить и умереть братьями. Вышедши изъ школы, они разстались съ величайшею горестію, но утѣшались въ разлукѣ дружескою перепискою. Дорвалю надлежало ѣхать въ Америку: онъ хотѣлъ еще разъ увидѣться съ другомъ и провести съ нимъ вмѣстѣ нѣсколько дней въ Тулузѣ. Союзъ ихъ утвердился новыми клятвами. Наконецъ Дорваль уѣхалъ — писалъ изъ Америки къ молодому Б* — не получалъ отвѣта — возвратился во Францію и летѣлъ въ загородный домъ къ своему другу. Камердинеръ вводитъ его въ комнату къ почтенному старику. Дорваль извиняется, узнавъ въ немъ отца Б*, и говоритъ, что онъ пришелъ къ сыну. — „Къ сыну?“ отвѣчаетъ старикъ: „можно ли? развѣ вы не знаете? онъ умеръ, государь мой, умеръ!“ Тутъ бѣдный отецъ упалъ на полъ, а за нимъ и молодой человѣкъ. Черезъ минуту, какъ водится, они встаютъ, нѣжно обнимаютъ другъ друга и вмѣстѣ плачутъ. Между тѣмъ смерклось. Старикъ удерживаетъ Дорваля ночевать. Послѣ ужина отводятъ ему комнату. Слуга говоритъ съ глубокимъ вздохомъ: „здѣсь жилъ покойной господинъ мой!“ и заплакавъ уходитъ. Всякой вообразитъ,

что долженъ былъ чувствовать горестной Дорваль! Уединенїе и безмолвїе ночи умножали тоску и даже страхъ его. Однакожь онъ легъ и заснулъ; но вдругъ проснулся отъ стука.... Смотритъ и видитъ мертвеца, который, въ бѣломъ саванѣ и держа въ рукѣ факелъ, идетъ прямо къ нему, отдергиваетъ занавѣсъ кровати и стоитъ неподвижно. Дорваль узнаетъ въ немъ черты покойнаго друга своего... леденѣетъ отъ ужаса, и холодной потъ льется съ него градомъ. Но мертвецъ черезъ нѣсколько минутъ, задернувъ занавѣсъ, удаляется. Дорваль съ нетерпѣнїемъ ожидаетъ утра и спѣшитъ разсказать хозяину о чудесномъ привидѣнїи. Старикъ сперва колеблется — молчитъ — наконецъ открываетъ, что молодой Б* отъ любви къ одной бѣдной дѣвушкѣ, на которой не дозволили ему жениться, сошелъ съ ума и надѣлалъ столько проказъ, что отецъ долженъ былъ заперетъ его въ башнѣ и вздумалъ объявить умершимъ. „Онъ конечно (примолвилъ старикъ) укрался ночью изъ своей темницы и невиннымъ образомъ испугалъ васъ.“

Эта исторїя — какова ни есть! — была еще самою любопытнѣйшею изъ всѣхъ разсказанныхъ въ *сей Египетской вечеръ!*

VI.

Нѣсколько словъ о Лаконизмѣ.

Естьли бы мы сочиняли только полезныя книги и говорили въ нихъ одну истину, то въ библїотекахъ нашихъ осталось бы не много томовъ, а въ томахъ не много страницъ.

Когда бы мы говорили и писали единственно для сообщенїя хорошихъ и новыхъ мыслей, тогда бы число Журналовъ уменьшилось и шумныя общества не рѣдко походили на Картезїанскїй монастырь.

Древнїй мудрецъ сказалъ, что Природа, давъ человѣку два уха и только одинъ ротъ, хотѣла заставить насъ болѣе слушать и менѣе говорить.

Вообще можно пожелать, чтобы люди меньше говорили, меньше писали и лучше разумѣли другъ друга.

Языкъ му, ей свободныхъ долженъ быть простъ и ясенъ; они не обязаны скрывать истины, не принуждены украшать ее цвѣтами; слова ихъ сильны подобно ихъ чувствамъ.

Филиппъ требовалъ отъ Спартанцевъ, чтобы они дозволили ему провести войско черезъ ихъ владѣнїе: Спартанцы отвѣчали ему однимъ слогомъ: *нѣтъ*! Всѣ народы

Азїятскїе, говоритъ Плутархъ, рабствуютъ единственно отъ того, что не умѣютъ произнести слова *нѣтъ*. Эта мысль заключаетъ въ себѣ великїй смыслъ. Человѣкъ твердаго характера говоритъ и пишетъ *въ обрѣзъ* — ни слова лишняго!

Замолчу скорѣе — иначе скажутъ, что я многорѣчїемъ проповѣдую краткость.

(*Изъ Фр. Жур.*)

VII.

Якутская пѣсня.

Мы упоминали въ *Вѣстникѣ* о путешествїи Капитана Биллингса по Ледовитому морю, вокругъ береговъ Америки и проч. Оно вышло теперь на Англїйскомъ и Французскомъ языкѣ. Въ описанїи разныхъ Сибирскихъ народовъ издатель, Г. Сауэръ, сообщаетъ Якутскую пѣсню, въ которой просто и живо изображается привязанность сего добродушнаго народа къ животнымъ, достойнымъ въ самомъ дѣлѣ благодарности человѣка. Вотъ переводъ сего меланхолическаго романса: „Здѣсь „лились слезы Чогонноя, добродѣтельнаго „старца, искуснаго звѣролова и вѣрнаго „защитника друзей своихъ. Здѣсь упом-

„ленный товарищъ и другъ его, послѣдній конь, отъ слабости упалъ на землю. „Онъ сѣлъ подлѣ своего коня мертваго, „коня послѣдняго, и плакалъ, плакалъ „горько. Чогонной любилъ тѣхъ, которые „ему служили. Бѣдной! слезы его какъ „рѣка льются! тяжело видѣть горе добрыхъ людей. — На третій день странникъ увидѣлъ его и привезъ домой.“

VIII.

Пѣтухъ, котъ и мышенокъ.

Басня.

О дѣти, дѣти! какъ опасны ваши лѣта!
Мышенокъ, не видавшій свѣта,
Попалъ было въ бѣду; и вотъ какъ онъ объ ней
Разсказывалъ въ семьѣ своей:
„Оставя нашу нору
И перебравшися чрезъ гору,
Гдѣ кончится нашъ край, пустился я бѣжать,
Какъ молодой мышенокъ,
Который хочетъ показать,
Что онъ ужъ не ребенокъ.
Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ
набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ!

Одинъ такъ смиренъ, добръ, такъ плавно выступалъ,
Такъ миловиденъ былъ собою!
Другой — нахалъ, крикунъ; теперь лишь, словно, съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него косматый крюкомъ хвостъ;
Надъ самымъ лбомъ дрожитъ наростъ
Какой-то огненнаго цвѣта,
И такъ. . . . какъ двѣ руки, служащи для полета;
Онъ ими такъ махалъ,
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я таки не трусъ, а подавай Богъ ноги —
Скорѣе отъ него съ дороги!
Какъ больно! безъ него я вѣрно бы въ другомъ
Нашелъ наставника и друга;
Въ глазахъ его была написана услуга.
Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ участіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но полные огня!
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая и вдоль спины узоры;
А уши какъ у насъ, и я по нимъ сужу,
Что у него должна быть симпатія съ нами,
Высокородными мышами." —
„А я тебѣ на то скажу" —
Мышенка мать остановила, —

„Что этотъ доброхотъ,
Котораго тебя наружность такъ прельстила,
Смиренникъ этотъ — котъ!
Подъ видомъ кротости, онъ врагъ нашъ,
всѣмъ извѣстный;
Другой же былъ пѣтухъ, напротивъ, очень
честный.
Не только отъ него не видимъ мы вреда,
Иль огорченья,
Но самъ онъ пищей намъ бываетъ иногда.
Впередъ же по виду не дѣлай заключенья!

Д — въ.

IX.

СМѢСЬ.

Любопытнымъ показываютъ въ Парижѣ (въ бывшемъ Пале-Рояль) новый физическій опытъ, достойный общаго вниманія. Двѣ статуи въ человѣческій ростъ, стоящія въ углахъ большой залы, слышатъ все, что говорятъ имъ, тихо или громко, и сами отвѣчаютъ на всѣ вопросы. Сей опытъ доказываетъ Физикамъ, что можно помогать органу слуха, такъ, какъ помогаютъ органу зрѣнія. Авторъ увѣряетъ, что можно цѣлыя рѣчи, произносимыя тихо, передавать черезъ боль-

шое разстояніе; и никто не узнаетъ, откуда несется голосъ. —

Гальваническій Комитетъ Туринской Академіи дѣлалъ разные опыты надъ тѣломъ казненнаго человѣка, обливая минеральнымъ настоемъ разныя части его и прикасаясь къ нимъ Гальваническимъ прутомъ. Всѣ мускулы приходятъ въ сильное движеніе, челюсть хлопаетъ зубами, сердце бьется, легкое вбираетъ въ себя воздухъ и выпускаетъ его съ пронзительнымъ свистомъ, глаза мигаютъ, и проч. —

Французской Комикъ Пикаръ сочинилъ новую Комедію на славную Парижскую красавицу, Госпожу Рекамье, о которой упоминалось въ *Вѣстникѣ*, и которая была предметомъ столь многихъ газетныхъ артикуловъ. Въ піесѣ спрашиваютъ у мужа, здорова ли его жена? *Не знаю*, отвѣчаетъ онъ: *я еще не читалъ газетъ!* —

Въ чрезвычайномъ засѣданіи Парижскаго Гальваническаго Общества Гражданинъ Альдини, племянникъ славнаго Гальвани, дѣлая опыты надъ животными съ горячею и холодною кровью (т. е. четвероногими и рыбами), доказывалъ, что въ *животной экономіи* или системѣ есть особенная сила, отличная отъ электричес-

ской какъ дѣйствїями, такъ и свойствами. Докторъ Ношъ, Президентъ Общества, благодарилъ Гражданина Альдини за его ревность къ успѣхамъ Гальванизма, которые могутъ быть весьма полезны для Медицины. —

Первоначальная матерїя коровьей оспы совершенно истребилась въ Англїи; тамъ уже нѣтъ ни одной коровы въ сей болѣзни. Мы еще не знаемъ истиннаго происхожденїя этой матерїи. Думали, что она сообщилась отъ лошадей, имѣвшихъ подсѣдины; люди (какъ утверждалъ одинъ Медикъ), которые перевязывали лошадиныя раны, доили послѣ коровъ и прикосновенїемъ рукъ своихъ сообщили имъ оспу. Но многїе Медики въ Англїи и во Францїи дѣлали сей опытъ безъ всякаго успѣха: матерїя подсѣдинъ не пристала ни къ одной коровѣ.

ПОЛИТИКА.

I.

Истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное Консульство Наполеона Бонапарте.

(*Сочиненіе Камиля Жорданъ, которое сдѣлало сильное впечатлѣніе во Франціи, и было запрещено Полиціею; но Авторъ объявилъ имя свое, и Бонапарте велѣлъ оставить его въ покоѣ.*)

Я, независимый человѣкъ, слѣдую толпѣ народной, и соглашаюсь, чтобы Наполеонъ Бонапарте остался Консуломъ на всю жизнь свою. Но одно дѣйствіе имѣетъ разныя причины. Безразсудность, боязнь, лесть могли быть побужденіемъ толпы народной: я мыслилъ, и долженъ объявить мысль свою, которой не могъ вписать въ книгу.

Къ щастію, всѣ лучшіе граждане наши, всѣ люди, которые по уму и добродѣтелямъ своимъ могутъ управлять мнѣніемъ, думаютъ одно со мною. Я былъ въ ихъ почтенныхъ кругахъ; слышалъ ихъ свободныя мысли; буду единственно ихъ органомъ, и предложу истины народу

и Правительству; истины, которыя докажутъ мое увѣженіе къ Начальству и могутъ быть правиломъ для народа.

Ибо пришла наконецъ та минута, въ которую позволено, нужно и необходимо писать. Долговременнымъ молчаніемъ заплатили мы за то, что употребляли во зло даръ слова; сіе безмолвіе было сномъ послѣ жестокихъ изступленій горячки, но сномъ не мертвымъ: съ выздоровленіемъ онъ долженъ прекратиться. Мы освободились наконецъ отъ рабскихъ обыкновеній стараго порядка вещей и безразсудныхъ излишностей новаго. Правительство, требуя нашего мнѣнія въ дѣлѣ важномъ, оказываетъ довѣренность къ нашему разсудку; а можетъ ли оно узнать свободное мнѣніе безъ искренняго сообщенія мыслей?

Что нужды Правительству до собранія обыкновенныхъ голосовъ, всегда послушныхъ власти, и не могущихъ умножить его истинныхъ правъ? Но важно ему собрать голоса независимые; важно узнать, что въ семъ случаѣ думаютъ тѣ люди, которые имѣютъ душу, совѣсть, мнѣніе; важно узнать, на какихъ условіяхъ они подписываютъ имена свои. Оно было достойно вопросить такихъ людей — и вотъ отвѣтъ ихъ:

Глубокое чувство благодарности къ тому, кто управляетъ нами, безъ сомнѣнія имѣло вліяніе на сіе согласіе. Мы не хотимъ повторять обыкновенной хвалы, которую онъ самъ презираетъ; скажемъ просто, но за то истинно: *такъ, сей гражданинъ оказалъ услуги отечеству!* получилъ власть во времена раздоровъ и заслужилъ великій санъ свой; усмирилъ внутреннихъ, побѣдилъ внѣшнихъ непріятелей; даровалъ миръ, воцарилъ справедливость, утѣшилъ нещастіе. Нѣкоторыя частныя заблужденія могли оскорбить насъ, но трудныя обстоятельства извиняли ихъ, и правленіе его вообще сохранило характеръ силы и благодѣтельности. Признательность достойна народа великодушнаго: онъ желаетъ продлить ту власть, которая спасла его, и за великую услугу опредѣляетъ великую награду. Сверхъ того, послѣ всѣхъ разрушительныхъ перемѣнъ, нужно утвердить власть въ государствѣ обширномъ и въ рукахъ Героя, доказавшаго блестящіе таланты свои, уважаемаго во Франціи и въ Европѣ, соединившаго свое особенное щастіе со щастіемъ народнымъ. Но спѣшимъ объявить предъ лицемъ отечества, что сіи причины, славимыя малодушными льстецами, не могли бы *однѣ* убѣ-

дить насъ въ такомъ важномъ случаѣ; мы не повѣрили бы и самой благодарности, которая не рѣдко вводитъ народы въ заблужденіе; не повѣрили бы и нуждѣ утвердить власть (ибо сія твердость должна быть болѣе въ законахъ, нежели въ людяхъ), естьли бы не имѣли надежды, что Бонапарте, сообразно съ новыми обстоятельствами, и слѣдуя вдохновенію души своей, исполняя желаніе добрыхъ гражданъ, самъ ограничитъ власть свою и воспользуется долговременнымъ Консульствомъ для основанія и совершенія тѣхъ государственныхъ учрежденій, которыя должны образовать въ отечествѣ истинно народную власть, опору его собственной и нужную для спокойнаго перехода ея въ другія руки. Вотъ истинное наше и всѣхъ добрыхъ гражданъ мнѣніе, оправдывающее въ глазахъ строгаго разсудка великой даръ народа!

Но какъ есть шайка гнусныхъ льстецовъ, которая ненавидитъ сіи предѣлы власти, старается затмить въ умахъ истины и хвалится наступающимъ торжествомъ своимъ, то мы, добрые граждане, должны для своей и Перваго Консула чести изобразить соединенныя выгоды народа и Правителя его, выгоды, заставляющія насъ желать сихъ умѣрен-

ныхъ и коренныхъ политическихъ законовъ.

Намъ безпрестанно твердятъ о спокойствіи и порядкѣ, для которыхъ должно всѣмъ жертвовать! Такъ конечно; спокойствіе, послѣ ужасныхъ смятеній и бѣдствій, было нашею первою потребностію. Мирная тишина, которою наслаждаемся, безъ сомнѣнія драгоцѣнна. Воля, утвердившая сей порядокъ, благодѣтельна, и Бонапарте вселяетъ въ насъ ту увѣренность, которую великій характеръ можетъ вселять. Но должно ли напомнить здѣсь истины, столь обыкновенныя, столь извѣстныя? истины, что самый великій и справедливѣйшій человѣкъ все человѣкъ; что его прозорливость не можетъ обнять государства столь обширнаго; что онъ можетъ обмануться въ сообщеніи власти своей другимъ людямъ, и даже самъ ошибиться въ ея дѣйствіяхъ; что, будучи даже не подверженъ ошибкамъ, не можетъ сдѣлать безъ политическихъ уставовъ того добра, которое они должны произвести; что ничѣмъ не льзя замѣнить того просвѣщенія, того духа, который сіи уставы распространяютъ; что единственно черезъ нихъ, какъ бы черезъ своихъ Министровъ, Правители утверждаютъ народное благоденствіе.

Исторія намъ доказываетъ, что мудрѣйшіе Государи всегда старались окружить себя сими, такъ сказать, надежными свидѣтелями ихъ человѣколюбія.

Сверхъ того не уже ли мы такъ безразсудны, какъ дикіе, не помнящіе дня минувшаго, не предвидящіе дня завтрашняго? не уже ли не захотимъ взглянуть за предѣлъ нѣсколькихъ лѣтъ и спросить себя, что будетъ съ нами, когда человѣкъ, которому сердца наши желали бы безсмертія, но которому неумолимая Природа не даетъ его, оставитъ насъ, не имѣвъ времени утвердить сихъ коренныхъ законовъ? Кто поручится, чтобы его преемникъ захотѣлъ быть его подражателемъ; чтобы наслѣдникъ власти наслѣдовалъ и его добродѣтель, и чтобы новый Коммодъ вторично не заступилъ мѣста Марка Аврелія? Даже кто поручится и за то, чтобы соблюденъ былъ утвержденный порядокъ для избранія преемниковъ; чтобы бурное стремленіе мятежныхъ страстей революціи снова не разорвало оплотовъ; чтобы властолюбивые Генералы, подобно какъ въ древнемъ Римѣ, не стали спорить о государствѣ, и чтобы народъ не сдѣлался ихъ орудіемъ? Какъ ужасно основывать щастіе цѣлаго народа на тлѣнной

нити жизни одного человѣка! Какъ всѣ друзья порядка, всѣ враги адскихъ революцїй, должны желать сихъ вѣчныхъ, непремѣнныхъ государственныхъ уставовъ, которые служатъ правиломъ для самаго добродѣтельнаго Государя, переживаютъ и замѣняютъ его; принуждаютъ наслѣдника итти его путемъ и хранятъ для дѣтей то щастливое спокойствїе, которымъ отцы наслаждались!

Но кромѣ тишины и порядка нѣтъ ли еще другой потребности для народа Французскаго, равно священной и необходимой: потребности содѣйствовать утвержденїю сего порядка, блюсти его, быть щастливымъ по своимъ, а не чужимъ мыслямъ; быть независимымъ, сколько обстоятельства и разсудокъ дозволяютъ — однимъ словомъ (дерзну сказать): потребности свободы? . . . Вижу дѣйствїе сего имени: одни ужасаются, другїе смѣются! „Какъ? вы еще занимаетесь этою „опасною мечтою? Но самъ народъ, за „которой вступаетесь, проситъ васъ „быть покойными; онъ знаетъ бѣдствїе „свободы; знаетъ, что она не можетъ „принадлежать ему!“ Глубокомысленные Политики, истолкователи общаго мнѣнїя! дозвольте мнѣ изъясниться съ вами. Народъ конечно не хочетъ свободы,

основанной на правилахъ безумной Демократіи, которая, говоря о правахъ, забывала должности, прибѣгала къ злодѣйству, кланялась палачамъ, обращалась въ тиранство, разрушала Францію, ужасала Европу и представлялась воображенію среди орудій смерти. Но та свобода, мудро опредѣленная, ограниченная, которая скромнымъ образомъ требуетъ только, чтобы гражданамъ, привязаннымъ къ порядку собственнымъ благомъ ихъ, дозволили хранить его; которая удаляетъ необузданность и злоупотребленіе власти; ужасается всякой перемѣны, соединенной съ пролитіемъ хотя одной капли крови, хотя съ одною частною несправедливостію; та свобода, которой мы ожидали на зарѣ Революціи, и которою въ глазахъ нашихъ пользуются просвѣщеннѣйшіе народы земнаго шара; та, которая въ теченіе всѣхъ вѣковъ была любезна всѣмъ благороднымъ душамъ, была источникомъ славы и благоденствія народовъ — сія свобода не уже ли ненавистна Французамъ? Кто осмѣлится это сказать къ стыду отечества? Знаю, кто — и наименую васъ, гнусныя души!

Нѣкоторые изъ старыхъ Якобинцевъ, которые нынѣ страстно влюбились

въ самовластіе, а вчера не хотѣли слышать ни объ какихъ законахъ, и которые прежнее неистовство хотятъ загладить теперешнею ихъ подлостію. Нѣкоторые гнусные льстецы, какихъ не бывало и при Дворѣ Версальскомъ — льстецы, которые происками надѣются захватить власть, чтобы удовлетворить своему алчному корыстолюбію, и которые боятся свободнаго голоса честныхъ людей. Нѣкоторые гордецы, окруженные почестями; они считаютъ себя глубокими Политиками, ибо рады всѣмъ жертвовать своимъ личнымъ выгодамъ, и презирая тварей, называемыхъ людьми, не могутъ терпѣть никакого умствованія. Кто еще? Нѣкоторые сластолюбцы, эгоисты, которые не знаютъ никакихъ благородныхъ чувствъ сердца, судятъ о правленіи по спектаклямъ и баламъ, о мнѣніи народа по мнѣнію ихъ легкомысленнаго круга, о человѣчествѣ по ихъ собственному развратному сердцу; которые смѣются надо всѣмъ, что велико и безсмертно въ душѣ, и которые въ самомъ дѣлѣ оправдали бы Деспотизмъ, естьли бы Французы были всѣ такъ подлы, какъ они. Прибавимъ еще къ нимъ нѣсколько Эмигрантовъ и Духовныхъ, которыхъ пристрастіе извинительно.

Нѣтъ, нѣтъ! общее мнѣнїе не признаетъ такихъ людей своими органами. Народъ не даетъ имъ права толковать его мысли, и вопреки ихъ злословїю любитъ законную, благоразумную свободу. Она живетъ въ сердцахъ ея первыхъ основателей, не запятнавшихъ себя никакими преступленїями — людей, которыхъ уважаетъ Бонапарте и вводитъ въ правленїе, но которые и въ состоянїи простыхъ гражданъ остались бы предметомъ всеобщаго уваженїя. Она живетъ въ сердцахъ мужей просвѣщенныхъ науками и славныхъ талантами, извѣстныхъ Европѣ безъ ихъ участїя въ политическихъ раздорахъ. Она одушевляетъ молодыхъ людей, которые воспитаны въ народныхъ школахъ; вступаютъ въ свѣтъ безъ всякихъ рабскихъ навыковъ, взираютъ на жизнь безъ всякихъ предразсудковъ, невидимымъ образомъ утверждаютъ свободу въ отечествѣ и любятъ славу, благородство, величїе. Она пылаетъ въ войскѣ, котораго выгоды нераздѣльны съ выгодами гражданъ; которое сражалось подъ ея знаменами, и не забудетъ трудовъ, ранъ и побѣдъ своихъ въ угодность придворнымъ льстецамъ, не бывшимъ съ нимъ никогда на полѣ славы и только по ихъ роскоши извѣстнымъ ему въ сто-

лицѣ. Она хранится въ нашихъ деревняхъ, между земледѣльцами, ремесленниками, купцами, сими безчисленными гражданами, которыхъ считаютъ глупцами, ибо они спокойны — считаютъ камнями, ибо имъ наскучило волненіе. Сіи люди безъ сомнѣнія вышли изъ заблужденія; безъ сомнѣнія не хотятъ уже мятежной Демократіи; боятся, можетъ быть, и сомнительнаго имени свободы: но оставимъ имя; будемъ только говорить о вещи — и тогда увидимъ, что они любятъ благоразумную свободу. Спросите, хочетъ ли сей фабрикантъ, ремесленникъ, купецъ, чтобы законы мѣшали ихъ свободной промышленности и выгоду одного предпочитали общей? Спросите у земледѣльца, желаетъ ли онъ безконечныхъ и самовольныхъ налоговъ на его землю? Спросите отца, котораго сынъ убитъ въ арміи, согласится ли онъ, чтобы остальныя дѣти его были также убиты не для защиты отечества и святыхъ законовъ его, а для славы какого нибудь Бонапартіева преемника? Спросите у сихъ гражданъ, спокойныхъ и тихихъ, хотятъ ли они быть презрѣны, обижены, и не находить въ судахъ управы, вступаясь за честь своихъ женъ и дочерей? Такіе вопросы привели бы ихъ

въ ужасъ: вотъ истинное чувство свободы! Не есть ли она защита отъ сихъ безпорядковъ и точное наблюденіе законовъ, благопріятныхъ для успѣховъ промышленности, справедливо учреждающихъ налоги, опредѣляющихъ дѣйствіе воинской силы и хранящихъ слабаго отъ притѣсненій сильнаго — законовъ вѣчныхъ и непремѣнныхъ?

Вотъ желаніе народа Французскаго! и чѣмъ болѣе удаляемся отъ дней кровопролитія и мятежа, тѣмъ оно будетъ сильнѣе въ сердцахъ. Вспомнимъ исторію Англичанъ: наскучивъ волненіемъ, они желали спокойствія въ царствованіе Карла II и занимались по наружности одними весельями; но скоро призвали Вильгельма и навѣки утвердили свою Конституцію.

„Но умѣютъ ли Французы быть свободными?“ второе сомнѣніе или злословіе людей безсмысленныхъ! Свобода состоитъ не въ одной Демократіи; она согласна со всякимъ родомъ правленія, имѣетъ разныя степени и хочетъ единственно защиты отъ злоупотребленія власти. Какой народъ такъ жалокъ, такъ униженъ въ душѣ, чтобы не могъ ею пользоваться ни въ какой мѣрѣ? Кто осмѣлится утверждать, чтобы гдѣ нибудь

не льзя было образовать мудраго равновѣсія власти? Исторія вездѣ показываетъ намъ такія учрежденія: право гражданства въ Римѣ при Цесаряхъ, городскія привилеіи въ среднихъ вѣкахъ, Корты въ Гишпаніи, Чины во Франціи, народный Трибунъ въ Неаполѣ и разные уставы въ новѣйшихъ Монархіяхъ. Когда же Исторія и Философія не оставляютъ, кажется, ни одного Европейскаго народа подъ нареканіемъ совершенной неспособности къ гражданскому свободному бытію, то не уже ли одна Франція въ 19 вѣкѣ и послѣ великой Революціи не умѣетъ пользоваться никакими государственными правилами? На чемъ мудрые люди, которые хотятъ насъ увѣрить въ томъ, основываютъ свои чудесныя открытія? Развѣ на какихъ нибудь новыхъ, глубокихъ, философическихъ изслѣдованіяхъ? Нѣтъ, они презираютъ всякое умствованіе, утверждаясь единственно на старыхъ предлогахъ, тысячу разъ опроверженныхъ. На примѣръ, говорятъ о *физическомъ положеніи, обширности, многолюдствѣ Франціи*: для сего надобно только *соединить власть*, и дать одному человѣку столько силы, чтобы онъ могъ исполнять законы, а не нарушать ихъ; за то имѣемъ право надѣяться, что дѣти

столь великаго отечества будутъ гордиться своимъ именемъ; что просвѣщенїе свободнѣе въ немъ распространится, и что общее мнѣнїе получитъ болѣе важности. — Упрекаютъ насъ *вѣтреностїю*: но эта вѣтреность помѣшала ли намъ удивить свѣтъ великими, глубокомысленными открытїями въ наукахъ, паренїемъ Генїя, храбростїю, твердымъ великодушїемъ въ опасностяхъ и бѣдствїяхъ? — Говорятъ еще объ *испорченныхъ нравахъ*: вы, жестокїе судьи, умѣете ими пользоваться! Но по вашимъ ли блестящимъ кругамъ должно судить о народныхъ добродѣтеляхъ? Возьмите на себя трудъ заглянуть въ тихїя семейства, въ деревни, въ города, гдѣ порокъ не имѣетъ тѣхъ прелестей, которыми онъ окруженъ въ столицѣ — и тогда увидите, сколько гражданскихъ и семейственныхъ добродѣтелей во Францїи! Для чего же съ другой стороны не хотите отдать справедливость народному характеру Французовъ: ихъ душевному благородству и чувствительности? Для чего забываете наше просвѣщенїе, особливо дѣйствїе тринадцати-лѣтнихъ опытовъ, отвратившихъ насъ отъ Якобинства и необузданности? Вотъ права Французовъ на истинную свободу! И какой другъ человѣчества

не содрогнется отъ мысли, что мы, проливъ столько крови, теряемъ всю довѣренность къ своему разуму, отказываемся отъ драгоцѣнныхъ гражданскихъ правъ и хотимъ остаться при однихъ ужасныхъ воспоминаніяхъ Революціи и злодѣйства, забывая то благо, которое было предметомъ сей Революціи?

(Окончаніе въ слѣдующемъ нумерѣ.)

II.

Письмо изъ Лондона о Питтѣ.

Не смотря на слабое здоровье Господина Питта, здѣсь всѣ увѣрены, что онъ снова войдетъ въ дѣла. Для него мало быть главою противниковъ Министерства и расточать драгоцѣнные плоды опытовъ и рѣдкихъ дарованій своихъ въ однихъ Парламентскихъ спорахъ. Только я не думаю, чтобы онъ скоро взялъ на себя должность Министра. Правда, что Господинъ Аддингтонъ, всѣми уважаемый за его честность, умѣренность и знанія, не показалъ еще того обширнаго ума и твердаго характера, который нуженъ для Кабинета въ обстоятельствахъ затруднительныхъ или опасныхъ; и естьли бы

зашумѣла новая политическая буря, то онъ безъ сомнѣнія уступилъ бы руль правленія другому, искуснѣйшему кормщику и, по всей вѣроятности, Питту. Но теперь Англія, наслаждаясь спокойно первыми благодѣяніями мира, еще не чувствуетъ нужды въ его опытности и талантахъ. Личная холодность Короля къ Питту, всѣмъ извѣстная, можетъ также препятствовать его вступленію въ Министерство, пока не дѣлается ничего отмѣнно важнаго въ Европѣ или въ Англіи.

Можетъ быть и самъ Г. Питтъ не захочетъ снова посвятить себя дѣламъ безъ общей и явной на то воли согражданъ своихъ; въ такомъ случаѣ могла бы сила его обновиться и возрасти еще болѣе. Всѣ знаютъ, что онъ честолюбивъ; но умѣетъ скрывать честолюбіе и ждать случая. Политическая дѣятельность тѣмъ нужнѣе для Питта, что въ характерѣ и склонностяхъ его ничто не можетъ замѣнить ее; онъ ко всему другому холоденъ и нечувствителенъ. Вѣроятно, что и друзья, раздѣляющіе съ нимъ уединеніе, крайне желаютъ вывести его на сцену. Честолюбцы нижняго разбора хотятъ только мѣстъ и жалованья; люди съ великими талантами хотятъ

славы — а теперь Г. Питтъ едва ли можетъ снова блеснуть ими въ Министерствѣ для славы своей.

Въ деревнѣ одного Парламентскаго Члена, близъ Дувра, за большимъ обѣдомъ, пили здоровье Аддингтона безъ всякихъ отмѣнныхъ знаковъ усердія; но когда Г. Каннинъ предложилъ пить здоровье *Аддингтонова преемника*, то у хозяина едва достало вина: всякой думалъ о Питтѣ.

III.

Извѣстія и замѣчанія.

Швейцарія.

Увѣряютъ, что Швейцары наконецъ во всемъ согласны; что не личные виды, а общая любовь къ отечеству вооружила нынѣ города и деревни, что Гельвеція, однимъ словомъ, хочетъ и можетъ дать себѣ мудрую, надежную, вѣчную Конституцію, естьли Бонапарте не будетъ защитникомъ Гельветическаго, изъ Берна выгнаннаго Правительства. Дай Богъ! Всякой другъ человѣчества желаетъ спокойствія государствъ. Мы издавна привыкли любить Швейцарію, гдѣ были

нравы, свобода, избытокъ, и гдѣ отъ вершины снѣжныхъ горъ до глубины живописныхъ долинъ славилось имя отечества. Но можемъ ли еще не сомнѣваться въ общемъ патріотизмѣ Гельветическихъ гражданъ, когда въ нѣсколько лѣтъ они не умѣли согласиться, были только игрушками партій, сочиняли, принимали Конституціи и разрушали ихъ? Какое вдохновеніе свыше могло вдругъ преобразить ихъ? Явленіе ли какого нибудь великаго человѣка соединило, воспламенило сердца? Именуютъ Рединга — называютъ его вторымъ Вильгельмомъ Теломъ: мы уже видѣли его на сценѣ; видѣли Авторомъ эфемерной Конституціи, начальникомъ партіи и главнымъ чиновникомъ Республики — на нѣсколько недѣль. Для чего же тогда онъ не умѣлъ быть Геніемъ хранителемъ отечества, не утвердилъ Конституціи, не успокоилъ волненія, не ввелъ Республику въ пристань? Генерала Эрлаха, втораго актера сей новой Революціи, знаемъ мы только какъ Автора дурной книги, изданной имъ лѣтъ за десять передъ симъ: не такіе люди рѣшатъ судьбу государствъ; не такіе умы даютъ мудрые законы. Теперешнее, какъ говорятъ, *единодушіе* Швейцаровъ не происходитъ ли болѣе отъ ненависти къ Гель-

ветическому Правительству за его безчеловѣчную жестокость въ разсужденіи города Цириха, въ который оно велѣло стрѣлять калеными ядрами? Это чувство не весьма надежно, и не доказываетъ согласія въ правилахъ, на которыхъ должно основать систему Республики. Когда Дольдеръ и другіе начальники Гельветическаго Правленія будутъ оставлены Франціею и сойдутъ съ театра, не начнутся ли тогда новые раздоры? — Увидимъ.

Какъ въ Лозанѣ и во всей Французской Швейцаріи (Пеи де-Во) Консульская прокламація обрадовала жителей, которые держатся стороны Гельветическаго Правительства, такъ въ Нѣмецкой Швейцаріи она поразила умы. Оружіе выпало изъ рукъ торжествующихъ Бернцовъ, которые взяли Фрибургъ и шли къ Лозанѣ. Обѣ стороны заключили перемиріе; но Швицскій Сеймъ, управляемый Рединговъ, написалъ слѣдующее письмо къ Бонапарте:

„Гражданинъ Первый Консулъ! Прокламація, которую вы благоволили надписать на имя наше, доставлена намъ отъ Гражданина Рапа, вашего Генералъ-Адъютанта. Желательно бъ было, чтобы письмо, которое мы осмѣлились на-

„писать къ вамъ отъ 30 Сентября, до-
„шло до васъ прежде. Оно содержитъ въ
„себѣ истинное изображенїе нынѣшняго
„состоянїя Швейцарїи. Дозвольте, Гра-
„жданинъ Первый Консулъ, вторично со-
„общить вамъ оное, съ прозьбою, чтобы
„вы удостоили его вашего благосклоннаго
„вниманїя. Тогда увидите, что движе-
„нїя, происшедшїя въ Гельвецїи, не суть
„дѣйствїе личныхъ страстей; что Швей-
„цары хотятъ единственно воспользо-
„ваться святымъ и драгоцѣннымъ пра-
„вомъ, которое вы сами, Гражданинъ
„Консулъ, благоволили дать имъ Люне-
„вильскимъ трактатомъ: правомъ из-
„брать для себя лучшїй образъ централь-
„наго и Кантоннаго правленїя, основан-
„наго на ихъ мѣстныхъ потребностяхъ.
„Уже давно бы Швейцарїя наслаждалась
„тишиною, естьли бы Члены Гельвети-
„ческаго Правленїя, сїи темные Мета-
„физики, сообразились съ истиннымъ со-
„стоянїемъ вещей, не занимаясь упорно
„мечтательными и вредными теорїями.
„Насилїе, которымъ они хотѣли порабо-
„тить системѣ своей Демократическїе
„Кантоны; междоусобная война, ими
„воспаленная для исполненїя ихъ намѣре-
„нїй, война съ малыми Кантонами, а
„послѣ и со всею Швейцарїею, и безпри-

„мѣрная жестокость, съ которою они „вели ее, произвели справедливое, всеобщее неудовольствїе и твердую рѣшительность свергнуть сїе несносное иго. „И такъ не духъ партїи, а святое право „человѣчества и воля цѣлаго народа дали „намъ власть и предписанїе — народа, „который вы сами, Гражданинъ Первый „Консулъ, хотѣли освободить, и который „противъ вашего намѣренїя былъ тѣснимъ „и выведенъ изъ терпѣнїя. Но сей народъ „(за что ручаемся) не употребитъ во зло „требуемой свободы. Швейцарїя желаетъ „единственно успокоенїя подъ защитою „кроткаго и мудраго Правленїя, чтобы „каждый гражданинъ могъ наслаждаться „своимъ бытїемъ и собственностїю. Мы „увѣрены, что достигнемъ сей существенной цѣли всякаго гражданскаго порядка, какъ скоро не будутъ препятствовать волѣ и старанїямъ нашимъ. Вся „Европа, Гражданинъ Первый Консулъ, „удивляется въ васъ верховному Правителю государства и хранителю власти, „которая, по самымъ вашимъ намѣренїямъ, должна быть обращена во благу „человѣчества. Великодушїе ваше увѣряетъ насъ, что вы не употребите ее „ко вреду народа, желающаго единственно „того, что вы сами ему обѣщаете и къ

„чему подали ему надежду. Съ чувствомъ „вѣчной благодарности народъ Швейцар„скій постарается заслужить благоволеніе „Французскаго Правительства, и готовъ „исполнить всѣ должности, возлагаемыя „на него желаніемъ сохранить пріязнь „добраго сосѣдства. — Съ отмѣннымъ по„чтеніемъ остаемся, Гражданинъ Первый „Консулъ, *Депутаты Швейцарскаго Сейма.* „Швицъ, 8 Октября.“

Надобно отдать справедливость Авторамъ сего письма: оно достойно Телевыхъ потомковъ; не грубо, но убѣдительно и благородно. Сеймъ въ то же время обнародовалъ, что слабая Швейцарія хотя и не въ силахъ воевать съ Франціею, однакожь никогда не согласится добровольно на возстановленіе ненавистнаго Гельветическаго Правительства; что насиліе можетъ ей давать законы, но что Депутаты Кантоновъ призываютъ Небо и потомство во свидѣтели ихъ справедливости; что они не хотятъ оружіемъ противиться Французамъ, но уступая будутъ еще говорить о своемъ правѣ. — Слѣдующее письмо увѣдомляетъ о перемѣнѣ обстоятельствъ: „Базель, 17 Октя„бря. Сію минуту получили мы извѣ„стіе изъ Берна, что Бонапарте не ве„лѣлъ Французскимъ войскамъ вступать

„въ Швейцарію, убѣжденный представ-„леніями Россійскаго Посла; что Гель-„ветическое Правленіе уничтожается; „что Сеймъ долженъ имѣть свое пребы-„ваніе въ Бернѣ, и отправить Министра „къ Бонапарте; что всякой Кантонъ по-„шлетъ Депутатовъ въ Парижъ, кото-„рые сочинятъ тамъ новую Конституцію. „Мы славимъ теперь великодушіе Мо-„нарха Россійскаго, благоволившаго за насъ „вступиться. Сердца наши отдохнули."

Парижъ отъ 19 Октября.

14 Октября собралось болѣе двадцати тысячь войска на Саблонской равнинѣ близь Парижа. Самъ Бонапарте имъ коммандовалъ. Оно въ присутствіи безчисленныхъ зрителей дѣлало манёвры съ удивительнымъ искусствомъ. Консулъ входилъ во всѣ подробности, все замѣчалъ, указывалъ, и нѣсколько разъ терялся въ колоннахъ какъ простой солдатъ. Гранадеры кричали: *да здравствуетъ Бонапарте!*

„Фуше, бывшій Министръ Полиціи" (пишутъ въ Англійскихъ вѣдомостяхъ) „и пожалованный за наказаніе въ Сенаторы, „не испугался сей немилости и съ весе-„лымъ лицомъ явился *во Дворцѣ*. Консулъ „удостоилъ его особеннаго вниманія, вы-

„велъ изъ круга представляемыхъ ему „людей и долго съ нимъ разговаривалъ. „Сей пріемъ, изъ котораго надлежало бы „заключить, что Эксминистръ опять „входитъ въ моду, есть дѣйствіе особен- „ной политики Наполеона, который, „желая увѣрить Европу въ твердости „Французскаго правленія, всячески скры- „ваетъ свое немилостивое расположеніе „къ бывшимъ любимцамъ, и отнимая „у нихъ мѣста, даетъ имъ въ замѣну „другія. Сверхъ того Фуше есть человѣкъ „важной! Онъ часто выдумывалъ загово- „ры, чтобы тѣмъ спасти истинныхъ „заговорщиковъ, которыхъ ему не хотѣлось „погубить. Сіи люди умѣютъ быть бла- „годарны, и въ случаѣ нужды не отка- „жутся служить его орудіями. — — Вни- „мательные наблюдатели съ нѣкотораго „времени замѣчаютъ, что славный Сіесъ „выходитъ изъ своего долговременнаго „политическаго бездѣйствія. Поссорив- „шись съ Консуломъ, онъ хотѣлъ, чтобы „его забыли, и жилъ въ кругу совсѣмъ „противномъ строгой угрюмости человѣ- „ка, который *любилъ слыть* первымъ „революціоннымъ героемъ и тайнымъ ви- „новникомъ всѣхъ главныхъ происшествій „во Франціи. Въ Конвентѣ и въ Пяти- „сотномъ Совѣтѣ онъ являлся всегда въ

„старомъ кафтанѣ, съ непричесанными „волосами, говорилъ мало, никогда не „улыбался и только отъ времени до вре„мени произносилъ краткія метафизиче„скія фразы, съ которыми ученики его „спѣшили на каѳедру. Вдругъ онъ сталъ „наряжаться, звать гостей и жить „Лукулломъ въ великолѣпномъ домѣ; „нынѣ большой обѣдъ, завтра прекрасной „концертъ. Вмѣсто мрачныхъ, свирѣпыхъ „заговорщиковъ, окружали его художники, „комедіянты, пѣвицы; вмѣсто разговоровъ „философическихъ, онъ слушалъ съ улыб„кою льстивыя привѣтствія, острыя „слова и шутки. Всѣ удивлялись такому „превращенію и думали, что Сіесъ, довольный осьмидесятью тысячами франковъ „ежегоднаго доходу, полученнаго имъ отъ „Консульской щедрости, желаетъ наконецъ пользоваться жизнію, и въ *досугахъ „Горацїанскихъ* забыть политическія мечты свои, которыя тревожили его умъ, „душу, Францію и Европу. Но люди, „увѣренные въ тайныхъ видахъ Сіесова „неизлечимаго честолюбія, не были обманутыя сею перемѣною, личиною внутренняго неудовольствія. Они знали, что „сей мрачный Метафизикъ сброситъ съ „себя маску притворной безпечности, „какъ скоро обнаружатся нѣкоторые знаки

„волненія въ умахъ. Ихъ предсказаніе „исполнилось: уже три мѣсяца Сіесъ хму-„ритъ брови, задумывается, молчитъ, „видится опять съ прежними своими „товарищами и старается быть въ тѣхъ „домахъ, гдѣ можетъ встрѣтить Генера-„ловъ, впавшихъ въ немилость. Что это „значитъ? и чего надобно ожидать? мы „не знаемъ.“ — „Генералъ Ланъ (бывшій „Французскимъ Министромъ въ Лисса-„бонѣ) явился къ Консулу Камбасересу, „принявшему его весьма дурно. Камбасе-„ресъ хотѣлъ угодить Первому Консулу; „но Бонапарте былъ тѣмъ очень не дово-„ленъ. Онъ желаетъ, чтобы его уважали „и въ тѣхъ людяхъ, которые хотя ли-„шились его благосклонности, но нѣкогда „были къ нему близки. — Увѣряютъ, „что Сенатъ въ чрезвычайномъ засѣданіи „своемъ въ Сен-Клу разсматривалъ спи-„сокъ тѣхъ Эмигрантовъ, которые, въ „силу его опредѣленія, должны быть „осуждены на вѣчное изгнаніе. Камбасе-„ресъ, Ренье, Реньйо С. Жанъ д' Анжели „и Редererъ сочинили сію роспись въ осо-„бенномъ Комитетѣ подъ надзираніемъ „самого Бонапарте. — Эрскинъ (славный „Англійскій Адвокатъ) видѣлся въ Па-„рижѣ съ Барреромъ, который сказалъ „одному пріятелю, желавшему знать

„содержанїе ихъ разговора: *мы судили о „прошедшемъ, но худо разумѣли другъ „друга; о настоящемъ говорить не хотѣли, „для того, что намъ было бы еще труд„нѣе изъяснять свои мысли.*“ — Скажемъ нашимъ Читателямъ, что извѣстїя Лондонскихъ Журналистовъ крайне подозрительны, хотя очень любопытны и забавны.

Въ одномъ письмѣ изъ Парижа сказано: „Вамъ извѣстно, что Бонапарте „опредѣлилъ давать земли отставнымъ, „заслуженымъ Офицерамъ и солдатамъ „въ новыхъ Италїянскихъ и Нѣмецкихъ „Провинцїяхъ Республики: эта мысль „напоминаетъ Древность — такъ всегда „награждали Герои товарищей славы ихъ! „и переходъ отъ шума воинскаго къ тишинѣ сельской представляетъ душѣ нѣ„что любезное. Бонапарте, кромѣ спра„ведливой попечительности о *Ветеранахъ*, „имѣетъ въ виду и то, чтобы люди, „привязанные къ Республикѣ своими услу„гами и ранами, поселившись въ сихъ „новыхъ прїобрѣтенїяхъ Францїи, рас„пространяли и питали въ нихъ любовь „къ новому отечеству. — Всякому сол„дату, вмѣстѣ съ землею, дана будетъ „нужная сумма денегъ для хозяйствен„наго заведенїя.“

По новѣйшимъ извѣстіямъ изъ С. Доминтской Колоніи, болѣзни перестаютъ тамъ свирѣпствовать; но всѣ лучшіе Генералы, кромѣ главнаго, сдѣлались жертвою климата. Тѣни ихъ могутъ утѣшиться: Леклеръ назвалъ именами сихъ умершихъ Генераловъ разныя крѣпости на островѣ!! — Генералъ Лакросъ, выгнанный жителями изъ Гваделупы за его безразсудность, возвратился туда съ честію. Бонапарте не хотѣлъ показать, что онъ могъ ошибиться въ выборѣ начальника. Еще и того мало: Членовъ Комитета, заступившаго мѣсто Лакроса съ согласія жителей, везутъ во Францію судить военнымъ судомъ, хотя они не думали никогда отложиться отъ Республики и приняли Французовъ съ радостію. Главный изъ нихъ, славный Мулатъ Пелажъ, по донесенію Генерала Ришпанса, сражался за Французовъ съ чудесною храбростію: не смотря на то, его можетъ быть разстрѣляютъ въ Брестѣ! Политика неумолима, и въ глазахъ ея ничѣмъ не льзя заслужить вины. Но мы, худые Политики, жалѣемъ о бѣдномъ Пелажѣ, который въ нещастныя времена спасалъ Гваделупскихъ жителей отъ злобы Негровъ и сражался съ Англичанами какъ Герой.

Монитёръ торжественно объявилъ Франціи и Европѣ, что Госпожа Луи Бонапарте, патчерица и невѣстка Консула, щастливо разрѣшилась отъ бремени сыномъ, въ такой-то день и часъ. Вотъ новая потѣха для Англійскихъ Журналистовъ!

Россійскій и Французскій Министръ въ Регенсбургѣ, вручая Депутаціи дополненіе къ плану удовлетвореній, въ нотѣ своей замѣтили, что двумѣсячный срокъ, назначенный сими Державами для исполненія общей надежды, уже проходитъ. Въ семъ дополненіи не назначается никакихъ новыхъ вознагражденій для бывшаго Герцога Тосканскаго. — Достоинъ замѣчанія рескриптъ Короля Шведскаго, объявленный Министромъ его въ Регенсбургѣ Имперскому Совѣту. Король не доволенъ тѣмъ, что планъ удовлетвореній исполняется прежде, нежели онъ законнымъ порядкомъ утвержденъ Имперіею. Можно заключить, что Шведскій Дворъ образомъ мыслей своихъ близокъ къ Вѣнскому. Они остаются при формахъ; а дѣло, кажется, не отъ нихъ зависитъ.

Въ Лондонѣ бьются объ закладъ, что скоро будетъ война. Министръ Французскій туда не ѣдетъ — въ Мальту

посылаютъ Англичане новое войско — изъ Портсмута съ величайшею скоростїю отправлены два фрегата съ тайными повелѣнїями, и два линейные корабля идутъ для подкрѣпленїя Англїйской эскадры въ Средиземномъ морѣ — въ гаваняхъ видна отмѣнная дѣятельность, и на равнинѣ Соутамптонской назначено быть лагерю. Слухъ носится, что Алжирскїй Дей отдалъ Французамъ двѣ пристани: изъ сего заключаютъ, что они имѣютъ виды на Египетъ, въ надеждѣ, можетъ быть, дружелюбно получить его отъ Султана. — Однакожь, не смотря на то, можно еще не вѣрить войнѣ.

Руское войско, бывшее въ Неаполѣ, теперь уже въ Корфу. Тамъ всѣ добрые жители приняли его съ радостными восклицанїями. Графъ Моченигo, нашъ Министръ, объявилъ народу благодѣтельное намѣренїе АЛЕКСАНДРА спасти нещастную Республику Семи Острововъ отъ ужасовъ анархїи, возстановить порядокъ, утвердить мудрое правленїе и навѣки оставить въ ней память Своего безкорыстнаго великодушїя. Сѣверные Герои обуздывали въ Неаполѣ Италїянскую злобу: судьба и воля Монарха для такого же благодѣянїя привела ихъ въ новую Греческую Республику, гдѣ все хорошо,

кромѣ мстительнаго и жестокаго характера людей. Наши Рускіе съ горестію увидѣли прелестныя мѣста, вокругъ города Корфу, покрытыя пепломъ и развалинами сельскихъ домовъ — орошенныя кровію нещастныхъ жителей. Злодѣи, предчувствуя конецъ ихъ адскаго царства, истощили всю лютость свою до прибытія нашего войска: не проходило дня безъ убійствъ и пожаровъ. Я не знаю, кто изъ насъ можетъ безъ умиленія думать о славномъ назначеніи сей горсти сѣверныхъ рыцарей, которые въ отдаленіи отъ своего отечества ревностно и безкорыстно служатъ благу человѣчества, безъ сомнѣнія обращая къ намъ взоры свои!... не знаю, кто можетъ безъ гордости, благородной и патріотической, мыслить о нынѣшнемъ удивительномъ вліяніи Россіи: она рѣшитъ судьбу Германіи, закрываетъ щитомъ своимъ Телевыхъ потомковъ, и за отдаленными морями успокоиваетъ Республику Греческую!... А мы именуемся еще новымъ народомъ въ Европѣ: славолюбіе Рускихъ есть свѣжее, пылкое чувство; мы не утомились, но только развертываемъ силы свои... гдѣ предѣлы надеждамъ?

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1802.

№ 23.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Ревность.

Мнѣ разсказывали за истину дѣйствїе ревности, которое служитъ основанїемъ слѣдующей исторїи: я вѣрю ему, думая, что одно воображенїе никакъ бы не могло изобрѣсти такого случая, удивительнаго и новаго.

Эдуардъ Либергъ путешествовалъ по разнымъ землямъ Германїи, въ надеждѣ разсѣять меланхолїю, которая тѣмъ болѣе угнетала его, что онъ не зналъ ея причины. Родясь въ изобилїи богатства, Эдуардъ еще не желалъ ничего сильно, хотя имѣлъ пламенное воображенїе и сердце чувствительное. Искусства и науки занимали его нѣсколько времени, но слегка. При-

рода не хотѣла уступить фортунѣ въ особенной къ нему благосклонности: онъ былъ стройнъ и могъ служить моделью для изображенія глубокой, но тихой горести. Не льзя было видѣть его безъ какой-то неизъяснимой симпатіи; всякой желалъ ему щастія; но всмотрѣвшись въ него, имѣлъ темное предчувствіе, что ему опредѣлено быть нещастнымъ. Извѣстно, какое впечатлѣніе производятъ въ женщинахъ сіи прекрасныя, меланхолическія лица: многія хотѣли плѣнить Эдуарда; одна улыбка его считалась знакомъ отмѣннаго и лестнаго вниманія; но въ двадцать-пять лѣтъ онъ еще не зналъ любви. Для такихъ характеровъ или нѣтъ страсти, или она рѣшитъ навсегда судьбу ихъ.

Либергъ пріѣхалъ въ Шлезвигъ, и будучи свойственникомъ Графа Мильгаузена, остановился у него въ домѣ. Мы не скажемъ ни слова о хозяинѣ: онъ былъ одинъ изъ тѣхъ людей, которые даютъ хорошіе обѣды и блестящіе балы, но которыхъ едва примѣчаютъ гости. За то всѣ угождали Графинѣ, и многіе старались ей нравиться. Она умѣла въ тридцать лѣтъ еще плѣнять молодыхъ людей, но довольствовалась только славою побѣдъ своихъ. Впрочемъ ея лицо, весьма правиль-

ное, могло только нравиться съ перваго взгляда; оно не имѣло той прелести, которую даетъ нѣжная чувствительность, и которая милѣе самой красоты, отвѣчая, такъ сказать, за характеръ и никогда не обманывая. Физїономїя Графини изобразила бы ясно жестокость ея сердца, естьли бы она не принуждала себя улыбаться и съ великимъ искусствомъ не скрывала въ умныхъ глазахъ своихъ чего-то непрїятнаго. Въ обществѣ находили ее любезною, а между четырехъ глазъ скромною и нѣжною. Но естьли встрѣчалась ей неожидаемая досада; естьли другая женщина раздѣляла съ нею общее вниманїе, то улыбка ея вдругъ исчезала и глаза могли испугать внимательнаго наблюдателя. Шлезвигскїе прелестники не замѣчали того: во всѣхъ земляхъ обожатели кокетокъ не бываютъ опасны своею прозорливостїю; они хотятъ только вниманїя, а кокетки отличїя: это мѣна самолюбїя и выгодъ его. Чувствительные люди требуютъ болѣе, и для того холодныя женщины шутятъ надъ ними, когда не могутъ плѣнить ихъ; *онѣ разятъ своихъ непрїятелей.*

Графъ Мильгаузенъ возбудилъ въ женѣ своей великое любопытство узнать молодаго Либерга, описавъ его человѣкомъ

любезнымъ, но совсѣмъ нечувствительнымъ къ женскимъ прелестямъ. Она приготовилась къ свиданїю съ нимъ, то есть истощила всѣ хитрости туалета, и желая показаться ему во всей славѣ и пышности, пригласила обѣдать къ себѣ лучшихъ людей въ городѣ.

Эдуардъ съ перваго взгляда ни мало не полюбилъ Графини, и въ обхожденїи съ нею изъявилъ единственно ту обыкновенную учтивость, которая не показываетъ ни малѣйшаго желанїя нравиться. Графиня не обманулась, и чувствуя въ первый разъ, что не столько тщеславїе, сколько ея сердце требуетъ сей новой побѣды, она обнаружила болѣе чувствительности, нежели искусства въ немногихъ словахъ, сказанныхъ ею Либеру; мало по малу приманила его къ себѣ, и въ разговорахъ съ нимъ забыла всѣхъ другихъ гостей. Такое предпочтенїе было лестно для молодаго человѣка, такъ, что онъ начиналъ уже открывать въ ней любезность; особливо нравилась ему искренность ея. Графиня жаловалась на скучныхъ и нескромныхъ искателей; говорила о любви своей къ уединенїю; увѣряла, что истинное щастье можетъ состоять только въ союзѣ двухъ нѣжныхъ сердецъ. Новая ли склонность къ Эдуарду застав-

ляла ее говорить такимъ языкомъ, или она считала его лучшимъ способомъ плѣнить сердце такого человѣка? Можетъ быть сердце и разсчетъ вмѣстѣ дѣйствовали въ эту минуту: ибо переходъ отъ кокетства къ любви никогда не бываетъ такъ скоръ, чтобы женщина при первомъ движенiи сердца могла оставить хитрости. Естьли бы Эдуардъ сдѣлался плѣнникомъ Графини, то гордость скоро побѣдила бы въ ней склонность къ нему; но она любила его до безумiя отъ того, что онъ первый не хотѣлъ покориться ей и далъ чувствовать ужасную муку ревности.

Между тѣмъ, какъ они разсуждали о щастiи, слуга объявилъ о прiѣздѣ Барона, Баронессы и дѣвицы Розенъ. Графиня должна была встать съ мѣста, и хотя скоро возвратилась къ Эдуарду, но не могла никакимъ образомъ занять его: онъ взглянулъ — и не спускалъ уже глазъ съ Баронессы. Осьмнадцать лѣтъ, рѣдкая стройность, милое лицо, трогательная блѣдность, и наконецъ улыбка, которая, вмѣсто внутренняго удовольствiя, изображала горестiю растерзанное сердце, дѣлали Баронессу столь привлекательною для Либерга, что онъ, едва зная имя ея, готовъ уже былъ всѣмъ пожертвовать для ея щастiя.

Графиня видѣла причину его разсѣянія. „Кажется, что Баронесса Розенъ васъ очень занимаетъ?“ спросила она: „находите ли ее красавицею?“ — Она уже не въ тѣхъ лѣтахъ, въ которыя можно плѣнять красотою, отвѣчалъ Эдуардъ: но признаюсь, что дочь ея кажется мнѣ очень милою, тѣмъ болѣе, что она есть совершенной портретъ меланхолїи. — „Дочь ея, говорите вы? у нее нѣтъ дѣтей; она только шесть мѣсяцевъ за мужемъ.“ — За мужемъ? повторилъ Либергъ съ сильнымъ внутреннимъ движенїемъ: какъ! эта молодая женщина?. . . „Да, она жена этова старика.“ — Можно ли? кого же принялъ я за мать ея? — „Сестру Барона, дѣвушку въ 45 лѣтъ, которая еще не теряетъ надежды сыскать себѣ мужа.“

Эдуардъ задумался — черезъ нѣсколько минутъ всталъ, обошелъ комнату, сѣлъ противъ Баронессы и не хотѣлъ смигнуть съ нее. Дѣвица Розенъ, сидѣвшая подлѣ невѣстки, сочла себя предметомъ его лестнаго вниманїя, воспользовалась первымъ случаемъ вступить съ нимъ въ разговоръ, и дѣлала ему вопросъ за вопросомъ. Баронесса молчала, но когда поднимала глаза, то встрѣчала Эдуардовы, безпрестанно на нее устремлен-

ные. Самые отвѣты его могли иногда къ ней относиться. На примѣръ, дѣвица Розенъ хотѣла знать, женатъ ли онъ? а послѣ спросила, для чего не женится? Эдуардъ отвѣчалъ дрожащимъ голосомъ, что не всякому дано быть щастливымъ; что не всегда можно встрѣтить ту, которая соединяетъ въ себѣ любезность и добродѣтель съ прелестями. „Можно также (примолвилъ онъ), встрѣтивъ ее, къ сердечной горести узнать, что она уже принадлежитъ другому!“... Баронесса потупила глаза; нѣжный румянецъ выступилъ на ея щекахъ; она испугалась его, еще болѣе закраснѣлась, встала и подошла къ столу, гдѣ мужъ ея игралъ въ карты. Она боялась показать, что разумѣетъ смыслъ Эдуардовыхъ словъ; а, можетъ быть, еще болѣе страшилась обмануться въ своей догадкѣ. Дѣвица Розенъ, думая единственно о себѣ, начала доказывать Либергу, что не надобно никогда отчаяваться тому, кто имѣетъ нѣжное сердце. Она безъ сомнѣнія говорила очень убѣдительно и складно, но молодой человѣкъ не слыхалъ ни слова, слѣдуя глазами за Баронессою. Между тѣмъ хозяйка, нетерпѣливо желая отвести его отъ старой кокетки, предложила ему играть въ карты. Онъ согласился; проигрывалъ

деньги и не чувствовалъ ничего, кромѣ сожалѣнія о томъ, что Баронесса уѣхала.

Кто могъ бы читать въ мысляхъ каждаго изъ нашихъ дѣйствующихъ лицъ, тотъ, видя начало разныхъ страстей, увѣрился бы, что сей вечеръ приготовилъ великія происшествія. Графъ Мильгаузенъ, не заботясь ни объ чемъ, что дѣлалось у него въ домѣ, заснулъ, какъ скоро остался одинъ; но жена его отъ сердечнаго волненія не могла сомкнуть глазъ. Эдуардъ казался нечувствительнымъ къ ея прелестямъ и влюбленнымъ въ Баронессу Розенъ! Она признавалась себѣ, что наконецъ чувствуетъ сама ту ужасную страсть, которую прежде только въ другихъ вселяла. Любовь и ревность вошли вдругъ въ сію гордую душу и произвели въ ней страшную бурю. Эдуардъ былъ столь же безпокоенъ, какъ Графиня Мильгаузенъ, и всего болѣе сожалѣлъ о Баронессѣ. Воображая, что могло заставить ее выйти въ такой цвѣтущей молодости за старика, онъ сочинялъ въ головѣ цѣлые романы; не разбиралъ собственныхъ чувствъ своихъ; не зналъ, чего бояться, и на что надѣяться; зналъ единственно то, что Баронесса нещастлива, и вздыхалъ о судьбѣ ея. — А ты, прекрасная Эльмина (имя

Баронессы), невольнымъ образомъ думала о томъ молодомъ человѣкѣ, которой привелъ тебя въ краску. Онъ не говорилъ ни слова о любви; но его взоры и голосъ остались въ твоей памяти. Невинное сердце твое слѣдуетъ какому-то милому влеченію . . . . но что ожидаетъ тебя въ будущемъ?

На другой день Эдуардъ пришелъ къ Графинѣ пить кофе. Разговоръ ихъ казался принужденнымъ съ обѣихъ сторонъ. Хозяйка упоминала о всѣхъ женщинахъ, которыя были у нее наканунѣ, но не сказала ни слова объ Эльминѣ. Либергъ, замѣтивъ сіе изключеніе, не хотѣлъ и самъ говорить объ ней. Ревность умѣетъ все изъяснять по-своему: Графиня изъ его молчанія заключила, что онъ имѣетъ особенную причину не упоминать о Баронессѣ — и терзалась въ душѣ своей. Наконецъ пришелъ мужъ ея, и Либергъ нечувствительнымъ образомъ заставилъ его говорить объ Эльминѣ. „Бѣдная (сказалъ Графъ) достойна сожалѣнія всѣхъ добрыхъ сердецъ; она вышла за-мужъ за ревниваго старика въ угожденіе отцу своему.“ — Надлежало какой нибудь важной причинѣ рѣшить ее на такую жертву, отвѣчалъ Эдуардъ. — Я не вмѣшиваюсь въ чужія дѣла, продолжалъ Графъ:

а слышалъ, что Баронъ Розенъ выигралъ у Эльминина отца не только наслѣдственное его помѣстье (не далеко отсюда, на Фленсбургской дорогѣ), но еще и большую сумму денегъ на честное слово, которое онъ выкупилъ рукою своей дочери. — Это правда, отвѣчала Графиня: но злые языки прибавляютъ, что отецъ узналъ связь Эльмины съ однимъ молодымъ человѣкомъ, который училъ ее музыкѣ. — Я никогда не слыхалъ объ этой исторіи, сказалъ Графъ съ глупымъ удивленіемъ. — Все темное скрывается, продолжала Графиня: впрочемъ какое намъ дѣло до семейственной тайны? Я не люблю злословія. Правда, что Баронесса печальна; но въ ея состояніи можно грустить и безъ тѣхъ горестей, которыя бываютъ слѣдствіемъ нещастной любви . . . . Эдуардъ молчалъ, пораженный словами Графини. Ему казалось непонятнымъ, чтобы печальная Эльмина могла унизиться такою страстію. Онъ не зналъ, вѣрить ли ему или не вѣрить, и наконецъ остался въ сомнѣніи. Хозяинъ, желая возобновить разговоръ, спросилъ у него, долго ли пробудетъ онъ въ Шлезвигѣ? Не долго, отвѣчалъ Эдуардъ, и заставилъ Графиню раскаяться въ выдуманной ею клеветѣ на счетъ

Эльмины. „Жаль, сказалъ Графъ: а естьли бы вы насъ полюбили и вздумали остаться въ Шлезвигѣ, то могли бы съ большою выгодою купить помѣстье Лилїенвизъ, о которомъ я говорилъ: Баронъ Розенъ продаетъ его.“ — Какое помѣстье? спросилъ Эдуардъ въ разсѣянїи. — Эльминина отца, отвѣчалъ Графъ: говорятъ, что оно прекрасно, и Баронесса тѣмъ болѣе жалѣетъ объ немъ, что она тамъ выросла. — Ахъ конечно! сказалъ Эдуардъ: оно должно быть прекрасно.

Одна Графиня замѣтила странность сего отвѣта и старалась перервать разговоръ. Либергъ ушелъ въ свою комнату, желая быть одинъ, для того, чтобы мыслить объ Эльминѣ. Думавъ долго, онъ рѣшился избѣгать свиданїя съ нею и немедленно ѣхать изъ Шлезвига; однакожь старался быть во всѣхъ лучшихъ домахъ, тайно желая встрѣтить Эльмину или по крайней мѣрѣ слышать ея имя отъ другихъ, а не отъ Графини Мильгаузенъ, которая сдѣлалась ему противна: она сказала, что сердце Эльмины было занято! Онъ нигдѣ не встрѣчалъ Баронессы, но слышалъ отъ всѣхъ великую ей похвалу. Сердце его нѣкоторымъ образомъ утѣшилось — и черезъ нѣсколько дней Либергъ захотѣлъ видѣть

помѣстье Лилїенвизъ. Онъ нашелъ тамъ стараго слугу, который нѣкогда носилъ Эльмину на рукахъ и не могъ безъ слезъ говорить объ ней. Эдуардъ слушалъ его съ величайшимъ удовольствїемъ; ночевалъ въ замкѣ, и выѣхалъ изъ него уже на другой день ввечеру. Что онъ тамъ дѣлалъ? вездѣ былъ, все осматривалъ съ добродушнымъ слугою: домъ, садъ, рощи; и гдѣ вожатой его начиналъ разговоръ словами: *здѣсь наша любезная Эльмина*, Эдуардъ останавливался. Разспрашивая старика о воспитанїи молодой госпожи его, онъ узналъ съ живѣйшею радостїю, что она училась музыкѣ только у одного Фленсбургскаго музыканта, человѣка лѣтъ въ пятьдесятъ.

Щастливый Либергъ на другой день поѣхалъ къ Барону Розену и въ гостиной комнатѣ нашелъ сестру его, которая такъ ласково говорила съ нимъ въ домѣ у Графини Мильгаузенъ. Она чрезмѣрно ему обрадовалась, и слыша, что онъ желаетъ купить сельской замокъ брата ея, побѣжала въ другую комнату, крича: *Эльмина! Эльмина!* Баронесса пришла — и затрепетала, увидѣвъ Эдуарда. Онъ также насилу могъ поклониться ей; но дѣвица Розенъ, едва не прыгая отъ радости, сказала невѣсткѣ:

„вообрази, что Господинъ Либергъ хочетъ у насъ поселиться; хочетъ купить у брата замокъ!“ и побѣжала увѣдомить о томъ Барона.

И такъ Эльмина и Либергъ остались одни, не смѣя взглянуть другъ на друга. Они молчали. Эдуардъ стыдился своего безмолвія, и чувствовалъ, что ему уже не льзя начать разговоръ какимъ нибудь обыкновеннымъ привѣтствіемъ. Эльмина, боясь Эдуардова заключенія о женщинѣ, которая въ собственномъ домѣ своемъ не умѣетъ ничего сказать постороннему человѣку, пріѣхавшему за дѣломъ къ мужу ея, думала и не находила словъ. Наконецъ Либергъ сказалъ: „Лиліенвиль есть прекрасное мѣсто!“ а Эльмина отвѣчала ему: „тамъ 16 лѣтъ я жила щастливо!“ — *Ахъ знаю!* . . . и въ ту же минуту Эдуардъ разсказалъ Эльминѣ исторію дѣтства ея. Сперва она удивилась; но скоро, предавшись милымъ воспоминаніямъ, начала сама говорить о памятныхъ для нее случаяхъ. Всякой, видя и слыша ихъ, вообразилъ бы, что два друга, вмѣстѣ воспитанные, послѣ долговременной разлуки съ живымъ удовольствіемъ приводятъ себѣ на мысль время ихъ младенчества. Въ нѣсколько минутъ отъ глубокаго молча-

нія перешли они къ такой дружеской искренности, что, услышавъ стукъ идущихъ людей, по невольному движенію отодвинулись далѣе другъ отъ друга. Нужно ли было имъ словами объявлять взаимную любовь свою?

Баронъ извинился передъ Либергомъ, что онъ заставилъ его дожидаться. Совершенно напрасное извиненіе! Эдуардъ не чувствовалъ времени, и даже не примѣтилъ, что дѣвица Розенъ успѣла между тѣмъ нарядиться: для того единственно она и выходила изъ комнаты. Согласились всѣ вмѣстѣ ѣхать на другой день въ замокъ. Баронъ, не столько ревнивый, сколько жадный къ деньгамъ, надѣялся, что Эльмина, любя хвалить мѣсто своего рожденія, возвыситъ его цѣну въ глазахъ Эдуарда.

Щастіе располагаетъ къ снисхожденію, а Либергъ блаженствовалъ въ душѣ своей. Дней пять онъ всячески убѣгалъ Графини Мильгаузенъ, чувствуя, что она приводитъ его въ замѣшательство: быстрые глаза ея безпрестанно на него устремлялись; казалось, что она хотѣла читать въ сердцѣ, и не говорила, а допрашивала. Но тутъ Эдуардъ перемѣнилъ свои мысли объ ней, не желая никого судить строго; или, лучше сказать,

онъ все забылъ, думая единственно объ Эльминѣ, съ которою говорилъ такъ искренно, ласково, мило, и съ которою надѣялся провести слѣдующій день. Кому сказать радость свою? Возвратясь домой, онъ спѣшитъ къ Графинѣ, разсказываетъ ей о замышляемой имъ покупкѣ, не именуетъ Эльмины и считаетъ себя отмѣнно скромнымъ; но всякимъ словомъ открываетъ Графинѣ душу свою и терзаетъ ея сердце. Она всячески старается закрыть ревность свою — безъ всякой нужды: Эдуардъ ничего не видитъ, не примѣчаетъ. Ему хотѣлось только говорить о щастіи завтрашняго дня; онъ говоритъ объ немъ: чего болѣе?

Какъ время казалось ему долго! Наконецъ пришелъ часъ: Либергъ у Барона. Не скоро заложили карету; но Эдуарду уже нечего ждать: онъ видитъ Эльмину и радуется. Эльмина также очень весела, и могла бы удивиться своей необыкновенной веселости, естьли бы могла размышлять въ эту минуту. Но сѣвъ въ карету, Эльмина и Либергъ задумались; едва смѣютъ взглядывать другъ на друга; и взоры ихъ встрѣчаются отъ времени до времени, кажется, единственно для того, чтобы сказать: *будемъ осторожны!* Естьли бы спросили у нихъ:

отъ чего вы задумались? отъ чего въ такомъ принужденіи? они не умѣли бы отвѣчать. Замокъ открылся, и вдругъ сердца ихъ сдѣлались веселы — также не зная, отъ чего. Можетъ быть, они думали, что будутъ тамъ вольнѣе! . . . Нѣтъ, любовники не думаютъ, а только чувствуютъ.

Пошли всѣ вмѣстѣ осматривать домъ; но скоро дѣвица Розенъ, желая наилучшимъ образомъ угостить Эдуарда и занимаясь приготовленіемъ обѣда, скрылась отъ нихъ. Баронъ, слыша стукъ въѣзжающей на дворъ кареты, съ удивленіемъ пошелъ узнать, кто пріѣхалъ. Баронесса сѣла, а Либергъ подлѣ нее. Имъ не трудно было начать разговоръ: наканунѣ они съ такимъ удовольствіемъ говорили о Лиліенвизѣ! Но, можетъ быть, видъ предметовъ слишкомъ трогалъ душу; можетъ быть, и что нибудь другое дѣйствовало на сердце (кто знаетъ, что происходитъ во глубинѣ его?): только Эльмина и Либергъ не могли сказать ни одного слова безъ умиленія, и скоро замолчали; взглядывали другъ на друга — потупляли глаза въ землю, чтобы сокрыть слезы — и тѣмъ самымъ обнаруживали свою чувствительность. Баронъ возвратился — съ Графинею и съ Графомъ Мильгаузенъ! Эльмина и Либергъ поблѣднѣли...

Графиня терзалась ревностїю, но хотѣла показываться веселою, смѣялась и говорила, что ей вдругъ пришло на мысль удивить ихъ своимъ явленїемъ въ Лилїенвизѣ; что Графъ обрадовался этой забавной мысли; но что она впрочемъ боится такой нескромности, и проситъ Баронессу быть искреннею. Эльмина, слѣдуя обыкновенїю, увѣряла, что она сердечно рада ей — и смотрѣла на Эдуарда, заставляя его сказать то же. Слѣдственно и ему должно было говорить о своемъ удовольствїи. Но бѣдная дѣвица Розенъ не скрывала досады; она не боялась такого ребенка, какъ Эльмина; но Графиня казалась ей опасною! Ея братъ и Графъ были одни искренно веселы: первой отъ того, что Эдуардъ покупалъ замокъ его хорошею цѣною, а другой вѣрилъ женѣ, которая поутру сказала ему, что имъ будетъ очень весело въ Лилїенвизѣ! Всѣ прочїе не думали забавляться, и, къ довершенїю неудовольствїя, Графиня приступала къ Эдуарду, чтобы онъ возвратился въ городъ вмѣстѣ съ нею. Дѣвица Розенъ внутренно кляла ее: Эльмина только огорчалась, и гораздо болѣе страдала въ душѣ.

Любопытный спроситъ, чего хотѣлъ Эдуардъ, предаваясь страсти къ замуж-

ней женщинѣ, которая не могла сдѣлать его щастливымъ безъ нарушенія святой должности? Вотъ письмо Эдуарда къ другу его, который предложилъ ему сей вопросъ:

„Я всегда говорилъ, что людей разсудительныхъ можно назвать тиранами чувствительныхъ сердецъ: возьми это, естьли хочешь, на свой счетъ, любезной другъ; только позволь мнѣ не отвѣчать на всѣ вопросы твои. Ты говоришь о надеждѣ: бѣдной человѣкъ! какая мнѣ въ ней нужда? Естьли бы Эльмина имѣла достойнаго супруга, то я (клянусь Небомъ!) хотѣлъ бы одного удовольствія говорить иногда объ ея щастіи. Сохрани меня Богъ отъ мысли прельстить ее! Не хочу даже и *слышать* отъ Эльмины, что она имѣетъ ко мнѣ склонность. На что? я знаю, что мы любимъ другъ друга навѣки и безъ всякаго раздѣла въ чувствахъ. Довольно для меня щастія безпрестанно думать объ ней, иногда видѣть ее, жить въ томъ домѣ, гдѣ она родилась и выросла!

„За нѣсколько дней передъ симъ въ Шлезвигѣ былъ маскарадъ. Я зналъ, что Эльмина тамъ будетъ; могъ бы узнать, и въ какомъ платьѣ. Дѣвица Розенъ готова мнѣ все разсказывать, и черезъ нее съѣдалъ я подробности Эльмининой жизни,

отчасти горестныя, но для меня безцѣнныя. По крайней мѣрѣ всякой разъ знаю состоянїе души ея, и стараюсь избѣгать въ разговорѣ всего, что могло бы имѣть къ нему отношенїе. Въ свѣтѣ такъ часто бываемъ мы жестокими отъ незнанїя! Эта мысль всегда дѣлала меня молчаливымъ съ тѣми людьми, которыхъ лица ясно изображаютъ горестную, нѣжную душу. Веселье тяготитъ ихъ, а сожалѣнїе можетъ показаться имъ оскорбительнымъ; всего гордѣе печаль, которая скрывается. – Обращаюсь къ маскараду. Дѣвица Розенъ безъ сомнѣнїя не потаила бы отъ меня, какъ будетъ одѣта ея невѣстка; но мнѣ хотѣлось самому узнать ее. Я ходилъ въ доминѣ равнодушно изъ залы въ залу, не смотря на заманчивыя ласки одной Калипсы (вѣроятно, Графини Мильгаузенъ), и вдругъ увидѣлъ двухъ женщинъ: одну въ образѣ Дїаны, а другую въ простой одеждѣ Голштинскихъ крестьянокъ. Могло ли ошибиться мое сердце? Для кого Эльмина такъ одѣлась? Развѣ я не знаю, что отецъ любилъ видѣть ее въ этомъ нарядѣ, не скрывающемъ ея живописнаго стана, который хвалитъ даже и Графиня Мильгаузенъ, хотя она безъ Эльмины могла бы назваться самою стройною женщиною въ свѣтѣ? Дїаною

была конечно дѣвица Розенъ. Въ тѣснотѣ онѣ потеряли другъ друга: я шелъ за Эльминою и началъ говорить съ нею. Сперва она хотѣла удалиться, но узнавъ меня по голосу, остановилась и взяла мою руку, показывая, будто меня не знаетъ. Слѣдственно и я могъ говорить съ нею какъ съ Голштинскою крестьянкою; говорить то, чего никогда не осмѣлился бы сказать Эльминѣ, и чего даже въ шутку ни за что бы не сказалъ другой женщинѣ. Одна Эльмина могла разумѣть слова мои, и сперва отвѣчала на нихъ притворнымъ, а послѣ обыкновеннымъ своимъ голосомъ. Казалось, что мы согласились обманывать не другъ друга, а самихъ себя. Маска есть удивительная вещь! Баронесса увидѣла дѣвицу Розенъ и разсталась со мною. Я терялъ ее изъ виду, находилъ и снова терялъ. Вдругъ Эльмина выбѣжала изъ другой залы, бросилась прямо ко мнѣ, и схвативъ съ себя маску, закричала: *Господинъ Либергъ! защитите меня!* Боже мой! какъ она была прелестна!... Два человѣка въ доминахъ шли за нею, и видя ее безъ маски, изумились. „Извините, милостивая государыня!“ сказали они: „насъ обманули. Мы никогда не осмѣлились бы оскорбить Баронессу Розенъ.“ Я трепеталъ отъ досады: Эль-

мина просила ихъ удалиться. Маски исчезли. Она пошла со мною искать невѣстки и не велѣла мнѣ говорить Барону объ этой исторіи. Я далъ слово, думая единственно о томъ, что Эльмина безъ сомнѣнія узнала меня, когда бросилась ко мнѣ въ объятія съ крикомъ: *Господинъ Либергъ! защитите меня!* Никогда, никогда не забуду ея голоса!.. И теперь занимаюсь портретомъ Эльмины во весь ростъ. Совершенство искусства есть то, чтобы изобразить милую сердцу. Можетъ быть десять разъ смараю написанное, но конечно успѣю въ своей работѣ, безпрестанно видя передъ собою образъ ея, лицо, глаза, выраженіе страха и довѣренности. Портретъ долженъ стоять въ горницѣ, въ которой нѣкогда жила Эльмина: тамъ буду я наслаждаться щастіемъ, неизвѣстнымъ цѣлому міру. — Прости. Думая обо мнѣ, можешь себѣ сказать: что ни ожидаетъ Эдуарда въ будущемъ, но онъ жилъ и блаженствовалъ въ свѣтѣ!"

Между тѣмъ, какъ Эльмина и Либергъ невиннымъ образомъ предавались взаимной склонности, ужасная ревность готовила для нихъ бурю. Графиня Мильгаузенъ клялась погубить совмѣстницу; умѣла быть хитрою и вдали собирала облака: гроза приближалась, а нещастные

любовники не думали безпокоиться! Сперва разнесся слухъ, что Г. Либергъ страстно влюбленъ въ Баронессу Розенъ, и купилъ замокъ Лилїенвизъ единственно для того, чтобы жить тамъ среди нѣжныхъ воспоминанїй. Это была правда, но одна Графиня Мильгаузенъ могла угадать ее. Скоро заговорили о томъ во всѣхъ домахъ, кромѣ дома Графини, которая не дозволяла (по ея словамъ) клеветать на любезную Эльмину, и вступаясь за нее съ притворнымъ жаромъ, требовала болѣе *снисхожденїя*, нежели справедливости: вѣчная уловка коварства!.. Графиня была причиною маскарадной исторїи, увѣривъ нѣкоторыхъ молодыхъ людей, что подъ маскою Голштинской крестьянки скрывалась женщина распутная. Когда же они разсказали ея происшествїе, она изумилась, извинялась въ своей ошибкѣ и не велѣла имъ говорить о томъ; но черезъ два дни во всемъ городѣ разсказывали, что Баронесса Розенъ, ослѣпленная страстїю, среди публичнаго маскарада бросилась въ объятїя къ Эдуарду. Въ самомъ маскарадѣ Графиня, въ платьѣ Калипсы, шутила надъ Барономъ и говорила, что только онъ одинъ не знаетъ, съ кѣмъ ходитъ жена его; и Либергъ, пришедши съ нею къ мужу, могъ бы примѣтить

его холодность, естьли бы онъ не такъ занятъ былъ своими мыслями. Кто не знаетъ страшныхъ дѣйствій злословія? Недѣли черезъ двѣ Эльмина замѣтила къ своему изумленію, что мужъ при всякомъ случаѣ изъявляетъ къ ней презрѣніе; что въ обществахъ ласкаютъ ее менѣе прежняго, и что молодые люди начали обходиться съ нею гораздо вольнѣе. Не смотря на свою невинность, она огорчилась. Когда порокъ можетъ отмстить добродѣтели, тогда варварство его бываетъ ужасно: бѣдная Эльмина узнала то опытомъ.

Либергъ, которому Баронъ Розенъ отказалъ отъ дому, зналъ страданіе нещастной Эльмины и безпрестанно мучился въ душѣ своей. Что дѣлать? что говорить въ свѣтѣ? Молчаніе утверждало слухи; хладнокровное опроверженіе ихъ казалось ему невозможностію; а всякое слово, сказанное имъ съ жаромъ и чувствомъ, могло обнаружить его сердце. Онъ рѣшился всѣмъ щастіемъ своимъ жертвовать спокойствію Эльмины — и ѣхать изъ Шлезвига; но ему хотѣлось утѣшенія въ горести; хотѣлось, чтобы сама Эльмина велѣла ему удалиться. Эдуардъ написалъ къ ней: „Естьли возвратите мнѣ кольцо, завернутое въ этой

„бумагѣ, то я заключу, что мы нико-
„гда не разумѣли другъ друга; а естьли
„пришлете мнѣ на обмѣнъ другое, то
„скажете: *удались, Эдуардъ! сердца наши*
„*одно чувствуютъ.*“

Баронесса не могла перенести своихъ горестей, и томилась, не будучи больною. Въ свѣтѣ не вѣрятъ душевнымъ болѣзнямъ: кто ихъ видитъ? кто угадываетъ? Злословіе, котораго она была жертвою, открыло ей тайну любви ея. Эльмина сперва ужаснулась; но злоба людей не оставила ей никакого утѣшенія, кромѣ сей самой любви. Осужденная страдать, она хотѣла лучше страдать за Эдуарда, чтобы имѣть болѣе силъ и терпѣнія. Бѣдная невинность! отчаяніе есть самое опасное искушеніе добродѣтели; и кто можетъ строго судить тебя, тотъ не зналъ въ жизни бѣдствій. . . . Эльмина, получивъ Эдуардово письмо, не колебалась ни минуты: сняла съ руки кольцо матери своей, которое было для нее всего милѣе, и послала его, не въ залогъ любви, а въ знакъ дружбы, хотящей при дверяхъ гроба утѣшить предметъ свой любезнымъ памятникомъ нѣжности! Эдуардъ, взявъ его, содрогнулся: казалось, что будущее въ сію минуту открылось душѣ любовника.

Не имѣя силъ таить своей горести, онъ пріѣхалъ къ Графинѣ Мильгаузенъ, которой злоба была ему неизвѣстна. Оставляя Шлезвигъ, Эдуардъ хотѣлъ проститься съ нею; хотѣлъ, чтобы она писала къ нему, и надѣялся имѣть черезъ нее свѣдѣніе объ Эльминѣ. Сія жестокая женщина веселится отчаяніемъ, дѣйствіемъ ея коварства; подъ видомъ дружбы углубляетъ кинжалъ въ сердце человѣка, который требовалъ отъ нее утѣшенія; жалѣетъ объ немъ для того, чтобъ болѣе терзать его, и входитъ во всѣ подробности, чтобы долѣе наслаждаться местію. Нещастный Либергъ не могъ спастись отъ ея сѣтей; самъ наслаждался своими мученіями, которыя она умножала, и разстался съ нею, думая, что онъ оправдалъ Баронессу, и никакъ не воображая, что ввѣрилъ тайну ея совмѣстницѣ: тайну Эльминина портрета и кольца. Онъ уѣхалъ въ ту же ночь изъ Шлезвига въ Альтону.

Такія жертвы укротятъ ли ревность? остановятъ ли злословіе, которое всегда быстро разливается и медленно отступаетъ назадъ? Нѣтъ, самый Едуардовъ отъѣздъ назвали вѣрнымъ доказательствомъ Эльминина преступленія, и мужъ ея, пылая гнѣвомъ, объявилъ ей,

что Либергъ, по общему мнѣнію, оставилъ ее тогда, когда удовлетворилъ страсти своей. Эльмина, растерзанная въ душѣ и наконецъ уже явно больная, желала удалиться отъ свѣта. Баронъ уѣхалъ съ нею въ деревню миль за 10 отъ Шлезвига, гдѣ нещастная черезъ нѣсколько мѣсяцевъ умерла, свидѣтельствуясь однимъ Небомъ и Эдуардомъ въ своей невинности!

Графиня Мильгаузенъ, будучи съ нѣкотораго времени покойнѣе, присвоила себѣ черезъ письма удивительную власть надъ Либергомъ, и надежда, быть когда нибудь любимою, воскресла въ ея душѣ. Она увѣдомила его объ Эльмининомъ отъѣздѣ, и такъ живо описала свое прискорбіе, что Эдуардъ былъ тронутъ ея мнимою чувствительностію. Онъ отвѣчалъ ей съ тою нѣжностію, которую нещастная любовь обыкновенно изъявляетъ упѣшающей дружбѣ, и всякое ласковое выраженіе приводило въ восторгъ Графиню. Узнавъ объ Эльмининой смерти, она уговорила мужа своего ѣхать въ Альтону, чтобы приготовить нещастнаго Либерга къ сему ужасному извѣстію. Увидѣвъ ее, онъ затрепеталъ... смотрѣлъ и не могъ спросить. Графиня, пораженная его блѣдностію и видомъ изнеможенія, залилась

слезами и хотѣла мало по малу открыть ему печальную истину; но Эдуардъ вдругъ собралъ силы, не далъ ей говорить и сказалъ: „одно слово: жива ли еще Эльмина?“ *Нѣтъ*, отвѣчала Графиня слабымъ голосомъ. Эдуардъ погрузился въ мрачную задумчивость, не слушалъ никакихъ утѣшеній, и съ твердостію, которая была послѣднимъ усиліемъ отчаянія, велѣлъ людямъ своимъ готовиться къ отъѣзду. „Дружба все извиняетъ,“ сказалъ онъ Графинѣ: „дайте мнѣ быть твердымъ! Ваше присутствіе умножаетъ горесть мою: одно слово можетъ отнять у меня всѣ силы. Только въ Лиліенвизѣ могу сносить жизнь; а естьли умру, то хочу по крайней мѣрѣ сомкнуть глаза среди милыхъ воспоминаній.“ Онъ бросился въ карету и закрылъ себѣ голову, чтобы не слыхать ничего и не видать противнаго ему свѣта.... Графиня оцѣпенѣла. Какой стыдъ! какая награда за ея *дружескую ревность*? Она забывала, что дѣйствовала единственно для себя, и что Либергъ, узнавъ истину, могъ бы въ одно время отмстить за Эльмину и кончить жизнь свою, которая тяготила его. Онъ пріѣхалъ въ Лиліенвизъ съ ужаснымъ волненіемъ въ душѣ; увидѣлъ тамъ слезы, проливаемыя объ Эльминѣ,

и самъ облегчилъ ими сердце свое. Пламенное его воображенїе составило наконецъ призракъ, котораго описать не возможно. Смѣшивая жизнь съ вѣчностїю, воспоминанїя съ надеждами, онъ занимался только прошедшимъ и будущимъ; и въ томъ и въ другомъ воображалъ Эльмину съ собою, не думая о преградѣ между живыми и мертвыми.

Какъ скоро въ Шлезвигѣ узнали о смерти Баронессы Розенъ, такъ скоро всѣ начали хвалить ее! Вспомнили ея нѣжную привязанность къ родителямъ, покорность къ волѣ грубаго мужа, благодѣтельность и кротость; видѣли въ ней одну мученицу несправедливости, и самые жестокїе судьи признавались, что любовь, которой жертвуютъ спокойствїемъ, жизнїю и всѣмъ, кромѣ добродѣтели, достойна болѣе сожалѣнїя, нежели укоризны. Однимъ словомъ, всякой желалъ ѣхать къ Эдуарду, чтобы изъявить ему знаки уваженїя и самаго искренняго участїя. Но онъ никого не хотѣлъ видѣть, презирая легкомысленную публику, которая убиваетъ человѣка и послѣ оплакиваетъ жертву свою; не вѣрилъ утѣшенїямъ, не искалъ и не желалъ ихъ. Горесть соединяла его съ Эльминою: ему казалось страшно потерять ее.

Графиня Мильгаузенъ, волнуемая любовію, злобою, надеждою и отчаяніемъ, жила уединенно, и примѣтно худѣла. Когда желаніе сохранить красоту приводило ее къ зеркалу, она плакала съ досады, видя на лицѣ своемъ напечатлѣнные знаки горести и тайныхъ угрызеній совѣсти. Только однажды, употребивъ всѣ способы искусства, Графиня могла еще съ улыбкою взглянуть на себя: она ѣхала въ Лиліенвизъ, въ надеждѣ, что Эдуардъ приметъ ее; но ей отказали. Она возвратилась съ отчаяніемъ въ душѣ и съ мыслію умножить свои злодѣянія новыми, которыя всякому другому показались бы напрасными. Можно ли было вредить совмѣстницѣ во гробѣ? можно ли истребить воспоминанія любви, которая переживаетъ надежду?

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ подали Эдуарду письмо, надписанное неизвѣстною рукою. Онъ принудилъ себя распечатать его, и нашелъ въ немъ слѣдующее: „Послѣ Эльмининой смерти, которой никто „не былъ свидѣтелемъ, мужъ ея не возвращался въ Шлезвигъ. Говорятъ, что „онъ путешествуетъ: правда ли это? „Честь оскорбленнаго супруга могла найти необыкновенный способъ мести. Подумайте!“ — Чтобы изъяснить дѣйствіе, произведенное въ Эдуардѣ сею запи-

скою, надлежало бы описать всѣ мысли, которыя представлялись душѣ его со времени Эльмининой кончины: кто же можетъ истолковать мечты пламеннаго воображенія, которое въ одномъ смѣшеніи, въ одномъ хаосѣ идей находило средство избавляться отъ ужаснаго отчаянія? Эльмина, мертвая для свѣта, жила въ Эдуардѣ: онъ былъ въ какомъ-то меланхолическомъ спокойствіи. Письмо привело его въ страшное волненіе. Онъ думалъ объ немъ, мучился и всякую минуту ждалъ — а чего? не зналъ самъ. — Черезъ недѣлю Эдуардъ получилъ другое письмо той же руки: „Знайте, что объ васъ безпрестанно думаютъ; разспрашиваютъ, развѣдываютъ. Слухъ о путешествіи Барона Розена несправедливъ. Все откроется. Будьте мужественны, и вѣрьте тайному другу. Не выѣзжайте изъ Лиліенвиза, и ради Бога ничего не предпринимайте!“ Этотъ совѣтъ былъ нуженъ: Либергъ справлялся о мѣстѣ, гдѣ, *какъ говорили*, умерла Эльмина: онъ уже сомнѣвался въ ея дѣйствительной кончинѣ, и хотѣлъ итти туда въ крестьянскомъ платьѣ, закупить привратника, войти въ замокъ, узнать всѣ горестныя подробности. Самый гробъ Эльмины не устрашилъ бы его: онъ дерзнулъ бы нарушить спокой-

ствіе мертвыхъ и въ могилѣ искать увѣренія, не столь мучительнаго, какъ неизвѣстность. Состояніе его въ самомъ дѣлѣ было несносно въ сравненіи съ прежнею горестію и съ ея милыми привычками. Онъ день и ночь ходилъ по лѣсу вокругъ замка; не могъ вздохнуть свободно; кричалъ и самъ ужасался своего крика; изнуренный усталостію, падалъ на землю, и сжимая голову обѣими руками, напрасно хотѣлъ собрать идеи свои. Эдуардъ чувствовалъ, что могъ навѣки лишиться разума. Усердіе слугъ казалось ему тягостнымъ: онъ спрашивалъ у нихъ только, нѣтъ ли писемъ? и черезъ недѣлю прислали ему изъ города слѣдующую записку: „Пріѣзжайте завтра въ Шлезвигъ; не показывайтесь никому; надѣньте то же платье, въ которомъ вы были въ маскарадѣ, вѣчно для васъ незабвенномъ; войдите съ приложеннымъ билетомъ; замѣчайте; будьте скромны, и ни о чемъ болѣе не думайте!“ Пусть рѣшится судьба моя! воскликнулъ Эдуардъ, и хладнокровно зарядилъ пистолетъ, чтобы взять его съ собою. Ожидалъ нетерпѣливо слѣдующаго дня, однакожъ былъ довольно спокоенъ, и ночью заперся въ той комнатѣ, гдѣ стоялъ Эльмининъ портретъ. Онъ разсматривалъ его съ вос-

торгомъ: никогда еще Ангельское лицо ея не дѣлало въ немъ такого живаго впечатлѣнія. Платье, надѣтое единственно для того, чтобы ему нравиться; маска, снятая при восклицаніи: *будьте моимъ защитникомъ!* кольцо, бывшее на рукѣ его, сей драгоцѣнный залогъ, данный ему въ утѣшеніе; темная надежда, которой онъ предавался, и которую въ то же время хотѣлъ удалить отъ себя — все питало его воображеніе. Ему казалось, что Эльмина смотритъ на него съ улыбкою — и наконецъ благодѣтельный сонъ закрылъ глаза Эдуардовы. Спи, нещастный!

На другой день Либергъ пріѣхалъ въ городъ къ самому началу маскарада; надѣлъ домину, маску и вошелъ въ залу... Эта сцена воспоминаетъ ему день щастія, и слезы текутъ изъ глазъ его. Воображеніе взяло надъ нимъ такую власть, что онъ едва уже помнилъ, для чего пріѣхалъ въ маскарадъ; оперся на колонну и терялся въ сладкихъ мечтахъ. Вдругъ является женщина... Эльминина росту, такая же стройная, и въ томъ же платьѣ, которое не выходило изъ его мыслей. Эдуардъ затрепеталъ... хочетъ итти и не можетъ; слѣдуетъ за нею глазами; теряетъ ее изъ виду — вздыхаетъ, и стоитъ неподвижно. Женщина опять

является... Эдуардъ снова устремляетъ на нее глаза, и перестаетъ сомнѣваться. Она смотритъ во всѣ стороны, кого-то ищетъ, ожидаетъ, желаетъ. Онъ подходитъ къ ней... Маска видитъ его, останавливается... Оба смотрятъ другъ на друга, и Либергъ, слѣдуя невольному движенію, подаетъ ей дрожащую руку, которую берутъ также съ сильнымъ трепетомъ. Ихъ толкаютъ, тѣснятъ: они не чувствуютъ — и говорятъ одними вздохами. Наконецъ Либергъ произноситъ милое имя Эльмины, и незнакомка жметъ его руку. Эдуардъ влечетъ ее въ пустую залу, и бросается на канапе; они опять смотрятъ другъ на друга. Либергъ рыдаетъ; холодный потъ льется съ его лица; маска взмокла на немъ отъ слезъ; воскъ ея таялъ. Онъ говоритъ, и мѣшается въ словахъ; проситъ, заклинаетъ ту, которая его слушаетъ, сказать ему хотя одно, одно слово. Она снимаетъ перчатку, кладетъ руку себѣ на ротъ и показываетъ, что не можетъ говорить. Эдуардъ едва понимаетъ сей знакъ: онъ видитъ кольцо свое, отосланное имъ Эльминѣ, и не можетъ владѣть собою; ломаетъ себѣ пальцы, смѣется, и радость его ужасна. Незнакомка встаетъ, и движеніемъ руки велитъ ему слѣдовать за собою. Она

бѣжитъ, и нетерпѣливый Эдуардъ хотѣлъ бы еще летѣть съ нею. Они входятъ въ коридоръ, слабо освѣщенный, гдѣ никого не было. Либергъ бросается на колѣни; говоритъ все, что можетъ вдохнуть страсть, и восклицаетъ: „ради Бога! прекратите мое страданіе! дайте мнѣ видѣть черты ваши! одно лицо Эльвины можетъ удержать разумъ мой, которой готовъ навсегда меня оставить!“ Ему показываютъ, что желаніе его исполнится. Незнакомка дрожащею рукою берется за маску — останавливается, медлитъ... Эдуардъ снова умоляетъ ее... Маска падаетъ на землю: онъ видитъ... на прекрасномъ тѣлѣ... на бѣлой шеѣ... мертвую голову!.. Съ ужасомъ отступаетъ назадъ, кричитъ... Мертвецъ зажимаетъ ему ротъ... Онъ рвется изъ рукъ его... схватываетъ пистолетъ, взятый имъ съ собою... взводитъ курокъ, приставляетъ себѣ ко лбу... Мертвецъ хочетъ вырвать его... выстрѣлъ раздается.... Эдуардъ слышитъ звукъ, и безъ памяти падаетъ на землю.

На крикъ его и выстрѣлъ сбѣжалось множество людей.... Какое зрѣлище! человѣкъ лежитъ на полу безъ всякаго движенія. Снимаютъ маску; узнаютъ Г. Либерга. Подлѣ него плаваетъ въ крови

своей женщина, которой страшная голова приводитъ всѣхъ въ ужасъ; никто не смѣетъ подойти ближе. Она стенаетъ, бьется объ землю, хватается руками за мертвый черепъ свой, и наконецъ срываетъ его ... Сей черепъ былъ ничто иное, какъ двойная маска, подъ которою увидѣли Графиню Мильгаузенъ въ конвульсіяхъ смерти. Пистолетный выстрѣлъ пришелся ей въ самую грудь. Мужъ ея былъ между зрителями: онъ взялъ и повезъ ее домой; а всѣ другіе старались привести въ память Либерга. Онъ опомнился; но разумъ его помрачился навѣки.

Графиня Мильгаузенъ передъ смертью открыла свои злодѣянія въ разсужденіи нещастной Баронессы Розенъ. Зная, что Эдуардъ безпрестанно смотритъ на Эльмининъ портретъ, она рѣшилась разорвать сіе милое для него очарованіе, отъ ревности къ мертвой, отъ зависти къ слезамъ, которыя лились въ память ея. Графиня именемъ Либерга требовала отъ Барона Розена, чтобы онъ возвратилъ кольцо, данное имъ Эльминѣ. Она же писала къ Эдуарду и тѣ безъименныя письма, которыя заставили его пріѣхать въ маскарадъ, гдѣ надлежало ему испытать весь ужасъ адской мести. Въ тѣ минуты, когда, при видѣ гроба, всѣ мечты скрываются

отъ человѣка, Графиня не дерзала надѣяться на милосердіе Неба, гнушаясь сама собою.

Фьеве.

II.

Къ Добродѣтели.

О ты, которая была
Въ глазахъ моихъ всегда прелестна,
Душѣ моей всегда мила
И сердцу съ юности извѣстна!
Вхожу въ святилище Твое;
Объемлю, чувствомъ вдохновенный,
Твой жертвенникъ уединенный!
Одно усердіе мое
Даетъ мнѣ право не чуждаться
Твоихъ священныхъ олтарей,
И въ пламенной душѣ моей
Твоимъ блаженствомъ наслаждаться!

Нѣтъ дѣлъ моихъ передъ Тобой!
Не сыпалъ злата я на бѣдныхъ:
Мнѣ злата не дано судьбой;
Но глазъ заплаканныхъ, лицъ блѣдныхъ
Не могъ безъ грусти замѣчать;
Дружился въ сердцѣ съ угнетеннымъ,
И жалобамъ его священнымъ
Любилъ съ прискорбіемъ внимать;

Любилъ суды правдивы Рока,
Невинныхъ, добрыхъ торжество.
„Есть гробъ, безсмертье, Божество!“
Я мыслилъ, видя тронъ порока.

Нѣтъ, нѣтъ (*)! я не былъ ослѣпленъ
Симъ блескомъ, сколь онъ ни прекрасенъ!
Драконъ на время усыпленъ,
Но самый сонъ его ужасенъ.
Злодѣй на Этнѣ строитъ домъ,
И пепелъ подъ его ногами;
Тамъ лава устлана цвѣтами,
И въ тишинѣ таится громъ.
Пусть онъ не знаетъ угрызенья!
Онъ не достоинъ знать его.
Безчувственность есть адъ того,
Кто зло творитъ безъ сожалѣнья.

Нѣтъ, въ мысляхъ я не унижалъ
Твоихъ страдальцевъ, Добродѣтель:
Жалѣть объ нихъ я не дерзалъ!
Въ оковахъ рабъ, въ вѣнцѣ Владѣтель,
Равно здѣсь щастливы Тобой.
Твоею силой укрѣпленный,
На мѣсто казни возведенный,
Достоинъ зависти Герой:

(*) Эта строфа была напечатана въ *Рыцарѣ нашего времени.*

У ногъ его лежитъ вселенна!
Онъ намъ оставитъ тлѣнный прахъ,
Но духъ его на небесахъ —
Душа сама собой блаженна.

Когда міръ цѣлый трепеталъ (*),
Волнуемый страстями злыми,
Мой взоръ знаменъ Твоихъ искалъ:
Я сердцемъ слѣдовалъ за ними!
Творилъ обѣты . . . слезы лилъ
Отъ радости и скорби тайной. . . .
Кто въ вѣкъ чудесной, чрезвычайной
Призракомъ не обманутъ былъ?
Когдажь людей невинныхъ кровью
Земля дымиться начала,
Мнѣ свѣтъ казался адомъ зла. . . .
Свободу я считалъ любовью! . . .

Я былъ игралищемъ страстей,
Родясь съ чувствительной душою:
Ихъ огнь пылалъ въ груди моей;
Но сердце съ милою мечтою
Всегда сливало образъ Твой:
Прости! . . . Ахъ! лѣта заблужденій
Текутъ стезею огорченій;
Намъ страшенъ въ младости покой
И терніемъ любезны розы! . . .
Я жертвой, не тираномъ былъ,

(*) Во время Революцій.

И въ нѣжныхъ горестяхъ любилъ
Свои, а не чужія слёзы!

Не совѣстью, одной тоской
Я въ жизни болѣе терзался;
Виновный только предъ собой,
Сквозь слезы часто улыбался!
Когда же, сердцемъ увлеченъ,
Не помнилъ я, въ восторгахъ страсти,
Твоей, о Добродѣтель! власти,
И, блескомъ щастья ослѣпленъ,
Спѣшилъ за нимъ на путь неправый:
Я былъ загадкой для себя:
Какъ можно столь любить Тебя
И нарушать Твои уставы!

Преплывъ обширный океанъ,
Чрезъ многія пучины, мѣли;
Собравъ богатства дальнихъ странъ,
Пловецъ стремится къ вѣрной цѣли,
Къ своимъ отеческимъ брегамъ,
И взоръ его нетерпѣливый
Уже открылъ сей край щастливый;
Онъ мыслитъ радостно: „я тамъ!“...
Вдругъ буря въ ужасъ все приводитъ —
Корабль скрывается въ волнахъ!
Пловецъ не гибнетъ — но въ слезахъ
Онъ нищимъ на берегъ выходитъ!

Вотъ жребій мой!... Ахъ! я мечталъ
О тихой пристани, покоѣ;

Но буря и свирѣпый валъ
Сокрыли щастіе златое!
Пристанища въ семъ мірѣ нѣтъ,
И насъ съ послѣднею волною,
Въ землѣ подъ гробовой доскою,
Къ себѣ червь кровоглавый ждетъ!..
Блаженъ, кто не былъ здѣсь свидѣтель
Погибели своихъ друзей,
Или въ нещастьяхъ жизни сей
Тобой утѣшенъ, Добродѣтель!...

Смотрю на небо: тамъ цвѣты
Въ прелестныхъ радугахъ играютъ;
Златыя, яркія черты
Одна другую пресѣкаютъ,
И вдругъ, въ пространствахъ высоты,
Сливаются съ ночнымъ мерцаньемъ...
Не можно ль съ *сѣвернымъ сіяньемъ*
Сравнять сей жизни красоты?..
Оно угасло — но блистаетъ
Еще полярная звѣзда:
Такъ Добродѣтель никогда
Во мракѣ насъ не оставляетъ!..

Остатокъ радостей земныхъ,
Дочь милую, кропя слезами,
Въ восторгѣ нѣжныхъ чувствъ моихъ
Къ Тебѣ дрожащими руками
Подъемлю, и молю: будь ей
И горемъ здѣсь и утѣшеньемъ,

Безъ щастья вѣрнымъ наслажденьемъ!
Въ послѣдній часъ судьбы моей
Ее ко груди прижимая,
Да обниму я въ ней Тебя!
Да гасну, васъ равно любя,
И милой милую вручая!

О. О.

III.

Безсмертіе.

(*Подражаніе Гиц. Деллю.*)

Къ Его Сіятельству, Графу Александру Сергѣевичу Строгонову.

Въ непотрясаемомъ чертогѣ,
На твердыхъ вѣчности столпахъ,
Безсмертіе, покоясь въ Богѣ,
Отрада добрыхъ, злобныхъ страхъ,
Зритъ время въ дерзостномъ полетѣ
Неправды сѣюще на свѣтѣ,
И прекращаетъ бѣдство то:
Невиннаго подъ кровъ пріемлетъ,
А у порочнаго отъемлетъ
Его надежду на *ничто*.

*

О вы, что громъ, какъ будто боги,
Поправъ законовъ вѣчныхъ власть,
Въ насъ мещете, и, въ казняхъ строги,
Жизнь превращаете въ напасть!

Губители земли злосердны!
Вострепещите: вы *безсмертны*!
И ты, о жертва злой мечты!
Страны чужой минутный житель,
Надъ коимъ бдитъ міровъ Зиждитель,
Возрадуйся: *безсмертенъ* ты!

*

И ты, что времени любимецъ,
Питомецъ щастья самаго,
Богатъ, почтенъ, любимъ, щастливецъ
Отъ дня рожденья твоего;
Въ комъ разумъ быстръ, въ комъ чувство живо;
Кому Художества не лживо
Сами открыли красоты;
Къ кому смиренныя Науки
Любезно простираютъ руки: —
Безсмертенъ, Строгоновъ, и ты!

*

Блаженъ, кто здѣсь обрѣлъ возможность
Быть въ мирѣ съ сердцемъ и умомъ,
Кто видитъ зла всего ничтожность
И засѣваетъ жизнь добромъ!
Онъ тамъ пожнетъ, что здѣсь посѣетъ.
— Блаженъ тѣмъ паче, кто умѣетъ
Творить щастливыхъ миліонъ!
Онъ щастья тѣмъ себѣ прибавитъ.
Таковъ нашъ Царь, что нами правитъ:
Безсмертенъ, Строгоновъ, и Онъ!

А. Лабзинъ.

IV.

Царь и два пастуха.

Переводъ изъ Флоріана.

Какой - то Государь, прогуливаясь въ полѣ,
Раздумался объ Царской долѣ.
„Нѣтъ хуже нашего, онъ мыслилъ, ремесла!
Желалъ бы дѣлать то, а дѣлаешь другое:
Я всей душой хочу, чтобъ у меня цвѣла
Торговля; чтобъ народъ мой ликовалъ въ покоѣ —
А принужденъ вести войну,
Чтобъ защищать мою страну.
Я подданныхъ люблю (свидѣтели въ томъ боги!),
А долженъ прибавлять еще на нихъ налоги;
Хочу знать правду: всѣ мнѣ лгутъ!
Бояре лишь чины берутъ,
Народъ мой стонетъ, я страдаю,
Совѣтуюсь, тружусь — никакъ не успѣваю!
Полсвѣта властелинъ, не веселюсь ничѣмъ!“ —
Чувствительный Монархъ подходитъ между тѣмъ
Къ пасущейся скотинѣ:
И что же видитъ онъ? разсыпанныхъ въ долинѣ
Барановъ, тощихъ до костей,
Овечекъ безъ ягнятъ, ягнятъ безъ матерей;
А псамъ и нужды нѣтъ: они подъ тѣнь ложатся;

Лишь бѣдный мечется пастухъ:
То за бараномъ въ лѣсъ во весь онъ мчится духъ;
То бросится къ овцѣ, которая отстала;
То за любимымъ онъ ягненкомъ побѣжитъ —
А между тѣмъ ужь волкъ барана въ лѣсъ тащитъ;
Онъ къ нимъ, а здѣсь овца волчихи жертвой стала.
Отчаянный пастухъ рветъ волосы, реветъ,
Бьетъ въ грудь себя и смерть зоветъ.
„Вотъ точный образъ мой!“, сказалъ Самовластитель:
„И такъ и смирненькихъ животныхъ охранитель
Такимижь, какъ и мы, напастьми окруженъ;
И онъ, какъ Царь, порабощенъ!
Я чувствую теперь какую-то отраду.“
Такъ думая, впередъ онъ путь свой продолжалъ —
Куда? и самъ не зналъ;
И наконецъ пришелъ къ прекраснѣйшему стаду.
Какую розницу Монархъ увидѣлъ тутъ!
Баранамъ счету нѣтъ: отъ жира чуть идутъ;
Шерсть на овцахъ какъ шелкъ, и тяжестью ихъ клонитъ;
Ягнятки — кто кого скорѣе перегонитъ —
Ко матькинымъ бѣгутъ питательнымъ сосцамъ;

А пастушокъ въ свирѣль подъ липою играетъ,
И милую свою пастушку воспѣваетъ.
„Не сдобровать, овечки, вамъ!“
Царь мыслитъ: „волкъ любви не чувствуетъ закона,
И пастуху свирѣль худая оборона.“
А волкъ и подлинно, откуда ни возмись,
Во всю несется рысь;
Но псы, которые то стадо сторожили,
Вскочили, бросились, и волка задавили;
Потомъ одинъ изъ нихъ ягненочка догналъ,
Который далеко отъ страха забѣжалъ,
И тотчасъ въ кучку всѣхъ по прежнему загналъ.
Пастухъ же все поетъ, не шевелясь ни мало.
Тогда уже въ Царѣ терпѣнія не стало:
„Возможноль?“ онъ вскричалъ: „лѣса полны волковъ,
А ты одинъ . . . умѣлъ сберечь большое стадо!“ —
„Царь!“ отвѣчалъ пастухъ: „тутъ хитрости не надо:
Я выбралъ добрыхъ псовъ!“

* * *

V.

Всегдашній маскарадъ.

Письмо изъ Оффенбаха.

Охотно желалъ бы я удовольствовать ваше справедливое любопытство въ разсужденіи чуднаго, таинственнаго маскарада, за нѣсколько лѣтъ передъ симъ *открытаго* въ Оффенбахѣ покойнымъ Барономъ Франкомъ, и нынѣ еще продолжаемаго дочерью его, дѣвицею Франкъ; но мы сами не много знаемъ. Я живу здѣсь не давно, однакожь имѣю связи и знакомъ съ лучшими людьми въ городѣ; только никакъ не могъ свѣдать, что такое Баронъ Франкъ и вся его свита? что значитъ странная жизнь, которую нѣсколько лѣтъ ведутъ сіи иностранцы въ Германіи? и какой будетъ этому конецъ? — Не смотря на всѣ мои развѣдыванія, загадка осталась для меня загадкою.

„Однакожь Принцъ и Полиція города (скажете вы мнѣ) безъ сомнѣнія знаютъ, кто сіи люди, живущіе въ Оффенбахѣ съ дозволенія Правительства, и что значитъ ихъ необыкновенной, удивительной и странной нарядъ?“ Никто и ничего не знаетъ, любезной другъ; по крайней мѣрѣ такъ увѣряютъ меня надежные

люди, и я вѣрю. — Между тѣмъ сообщу вамъ, что мнѣ разсказывали о томъ здѣшніе жители, и что я самъ могъ замѣтить.

Въ 1788 году пріѣхалъ въ Оффенбахъ Баронъ Франкъ въ блестящемъ экипажѣ, въ пяти или въ шести каретахъ, и хотѣлъ только, по словамъ его, здѣсь отдохнуть. Никто не зналъ, откуда и кто онъ. Черезъ два дни Баронъ поѣхалъ къ Принцу въ каретѣ цугомъ, съ шестью лакеями въ алой ливреѣ съ золотымъ галуномъ, и просилъ (говоря худымъ Французскимъ языкомъ) дозволенія остаться въ Оффенбахѣ, для того, что сей городъ ему отмѣнно полюбился. Принцъ безъ всякаго затрудненія согласился на то. Дочь его съ такою же пышною свитою была съ визитами у здѣшнихъ дамъ; къ одной изъ нихъ (мнѣ весьма знакомой) пріѣзжала она въ платьѣ обыкновеннаго моднаго покроя, сшитомъ изъ золотаго флёра съ цвѣтами. Два лакея несли хвостъ ея до передней. Она хороша собою, умна, говоритъ разными языками и поетъ очень пріятно.

Скоро послѣ того Баронъ Франкъ снова требовалъ дозволенія призвать къ себѣ *людей своихъ* (но откуда, не сказывалъ), и въ короткое время собралъ во-

кругъ себя около 1000 человѣкъ, которые всѣ жили между собою въ братствѣ, въ тишинѣ, въ великомъ согласіи, и до сего времени не были обличены ни въ какихъ дурныхъ поступкахъ. Баронъ Франкъ содержалъ и кормилъ ихъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ сдѣлалъ 40 человѣкъ своими тѣлохранителями, надѣлъ на нихъ Венгерское платье, зеленое и красное съ золотыми широкими галунами, и гранадерскія шапки. Тутъ начался при дворѣ Барона Франка (такъ долженъ я назвать его странную домашнюю жизнь) самый пестрый и смѣшный маскарадъ, который и нынѣ продолжается, и въ которомъ видите Китайцевъ, Турковъ, полу-Турковъ, Грековъ, Поляковъ, Венгерцовъ и разныя другія одежды. Посылаю вамъ раскрашенный эстампъ, здѣсь давно напечатанный и представляющій, какъ Баронъ Франкъ съ свитою своею ѣзжалъ гулять за городъ. Два тѣлохранителя ведутъ его (окруженнаго множествомъ странно одѣтыхъ людей) подъ руки изъ дому въ карету. Онъ изображенъ въ Турецкомъ платьѣ, въ красныхъ шараварахъ, въ желтомъ полукафтаньѣ съ бѣлымъ кушакомъ, сверху шуба съ горностаевою опушкою, а на головѣ высокая Польская шапка. Такъ по большой части ходилъ

Боронъ, а иногда въ Польской одеждѣ, съ усами и съ бритою головою. Маленькіе Турки въ красныхъ и бѣлыхъ чалмахъ, въ желтыхъ Турецкихъ шараварахъ, въ Венгерскихъ узкихъ полукафтаньяхъ такого же цвѣта, съ зелеными шарфами и Венгерскими саблями (чудная смѣсь!) были его Пажами. Передъ каретою, на лошакѣ, обвѣшанномъ колокольчиками, ѣзжалъ человѣкъ въ Турецкомъ или въ Китайскомъ платьѣ, съ большимъ кожаным мѣхомъ и съ трубочками для поливанія улицы, чтобы не было пыли. Когда Франкъ ходилъ пѣшкомъ, тогда одинъ Китаецъ закрывалъ его зонтикомъ, а другой носилъ за нимъ связку павлиныхъ перьевъ. Сей маскарадъ во время жизни Барона составляли одни мущины; а женщины ходили въ обыкновенномъ Нѣмецкомъ платьѣ. Всѣ они по наружности исповѣдывали Католическую Вѣру съ нѣкоторыми особенными обрядами; на примѣръ, всякой день въ нѣкоторые часы собирались слушать молитву въ домѣ Барона и всякой день ходили въ баню. Самъ онъ молился лѣтомъ въ рощѣ, куда провожали его всѣ тѣлохранители и становились кругомъ во 100 шагахъ отъ него. Когда Баронъ умеръ, его положили въ гробъ въ бѣлой атласной одеждѣ,

въ Архіерейской шапкѣ; и всѣ Бароновы люди были на погребеніи въ бѣломъ платьѣ, даже въ бѣлыхъ башмакахъ.

Пока былъ живъ Франкъ, казна его не истощалась; онъ за все платилъ червонцами. Къ нему присылали не векселі, а наличныя деньги, всегда въ коляскѣ съ двумя верховыми. Откуда? никто не зналъ. По смерти его сіи присылки сдѣлались гораздо рѣже. Однакожь дѣвица Франкъ все еще ведетъ такую же странную жизнь, и маскарадъ нынѣ еще пестрѣе. Я видѣлъ собственными глазами тѣлохранителей ея въ богатой, парчевой одеждѣ; шестилѣтняго мальчика, прекраснаго лицомъ, въ бѣломъ атласномъ платьѣ, съ лукомъ и стрѣлами провожающаго ее въ церковь; человѣка, богато одѣтаго, съ золотою бычачьею головою на шапкѣ; другова съ оленьими рогами, а третьяго съ большимъ полумѣсяцомъ, съ колчаномъ, стрѣлою и лукомъ за спиною; Амазонокъ съ изображеніемъ солнца на груди; Китайцевъ, и проч. Вотъ свита дѣвицы Франкъ, когда она по Воскресеньямъ ѣздитъ къ обѣднѣ, въ каретѣ, четвернею, мимо Принцова дома! и между тѣмъ, какъ молится, тѣлохранители ея стоятъ вокругъ кареты съ обнаженными саблями и съ ружь-

ями за спиною. Всѣ Франковы люди изъявляютъ къ ней отмѣнное почтеніе, и въ томъ числѣ два человѣка, которые называются ея братьями. Они имѣютъ теперь недостатокъ въ деньгахъ, и нѣкоторые изъ нихъ работали на здѣшнихъ фабрикахъ; но она запретила имъ наниматься, и сіи люди, исполнивъ въ точности приказаніе, охотно терпятъ нужду. Надобно, чтобы это была секта: ибо они стараются нынѣ обращать Жидовъ въ свою вѣру.

Не удивительно, что такой образъ жизни и неприсылка денегъ довели сіе общество и дѣвицу Франкъ до крайности. Она, какъ говорятъ, должна здѣсь 800,000 флориновъ. Нѣкоторые Оффенбахскіе купцы отъ нее разорились, и за то дѣвица Франкъ приглашаетъ ихъ къ своему столу. Заимодавцы не теряютъ надежды; ихъ увѣряютъ, что они скоро будутъ удовольствованы. — Я чрезмѣрно любопытенъ знать развязку сей чудной Комедіи.

(Переведено изъ одного Нѣмецкаго Журнала.)

VI.

Катуловъ сельской домъ на полуостровѣ Серміоне.

Письмо Французскаго Офицера Эненя.

Сіи развалины находятся на берегу полуострова Серміоне въ *Лаго ди Гарда*, и должны быть остатками великолѣпнаго дому. Онъ принадлежалъ славной фамиліи Катула, Римскаго Патрицїя. Въ Исторіи Веронскихъ древностей упоминается о Консульской медали одного изъ его родственниковъ, Луцїя Валерїя Катула. Другой, Квинтъ Катулъ, имѣлъ надзираніе надъ Капитолїемъ; а Валерїй Катулъ, отецъ Поэта, человѣкъ богатой, жилъ на полуостровѣ Серміоне. Светонїй разсказываетъ, что онъ тамъ угощалъ Юлїя Цесаря, своего друга. Сынъ, Каюсъ Валерїй, славный стихами своими, предпочиталъ удовольствїе тихой жизни блеску щастїя; много путешествовалъ, занимался науками, не хотѣлъ льстить великому Цесарю, и даже писалъ ѣдкїя сатиры на его развратность. Однакожъ и самъ Катулъ велъ не весьма строгую жизнь. Сіи колкїя эпиграммы считаются не лучшими изъ его творенїй. Диктаторъ великодушно простилъ ему такую дерзость и пригласилъ его къ себѣ на ужинъ

въ тотъ самой день, какъ стихотворецъ передъ нимъ извинился.

Вѣроятно, что Катулъ родился на полуостровѣ Сермїоне; ибо, говоря о семъ домѣ въ стихахъ своихъ, онъ употребляетъ выраженїе: Larem ad noſtrum. Извѣстно, что древнїе именемъ Lares означали Генїевъ своей фамилїи и дому, въ которомъ они родились. Катулъ наслѣдовалъ богатство отца своего и прекрасное жилище Сермїонское, воспѣтое имъ въ Одѣ ad Sirmionem peninſulam.

Хотя время почти совсѣмъ истребило сей древнїй домъ, уничтоживъ и слѣды архитектуры его, однакожь по стѣннымъ отломкамъ, пиластрамъ, частямъ свода и подземельнымъ ходамъ можно, съ помощїю воображенїя, представить сїе зданїе такъ, какъ оно существовало. Изъ обдѣланныхъ камней не осталось уже ни одного. Вѣроятно, что всѣ годные матерїалы были разобраны жителями для строенїя домовъ ихъ на берегу Гардскаго озера.

И теперь еще находятъ въ сихъ развалинахъ медали Римскихъ Императоровъ. Жители разсказываютъ, что тамъ, въ могилѣ, нашли когда-то нѣсколько глиняныхъ сосудовъ, наполненныхъ золотыми и серебряными монетами. Любопытство могло бы еще открыть многое въ остаткахъ сего огромнаго зданїя, съ трудомъ

разрушеннаго почти двадцатью вѣками. Оно занимало въ длину 110, а въ ширину 50 саженъ. Мѣсто не вездѣ ровно, и кажется, что скатъ западной стороны принудилъ сдѣлать тутъ своды и террассы гораздо выше. Восточная сторона дому примыкала къ крутому берегу и скаламъ, омываемымъ волнами озера. Подъ развалинами, во глубинѣ земли, есть коридоры и даже огромная зала, въ которой своды цѣлы.

Время не дозволило мнѣ хорошенько осмотрѣть сего мѣста, любопытнаго для всѣхъ друзей Катуловой Музы. Я помню, что одинъ Французской переводчикъ его стиховъ называетъ Серміонское жилище Поэта хижиною: онъ не сдѣлалъ бы такой грубой ошибки, естьли бы имѣлъ идею о сихъ огромныхъ развалинахъ.

Ла-Комбъ С. Мишель, Французской Генералъ и Поэтъ, взявъ Пескіеру, былъ на полуостровѣ Серміоне, велѣлъ отрыть фундаментъ зданія и начертить его планъ своему Адъютанту. Въ самой тотъ день, какъ Австрійцы вышли изъ Пескіерской крѣпости, онъ, въ честь Катулу, далъ праздникъ, на которомъ Поэзія, музыка и любезная веселость торжествовали, и на который приглашены были всѣ Французскіе и Польскіе Офицеры вмѣстѣ съ Серміонскими жителями. Между послѣдними

находился и стихотворецъ Анелли съ семействомъ своимъ, землякъ Катуловъ и совмѣстникъ Метастазїевъ. Онъ и Генералъ Ла-Комбъ сочинили на сей случай стихи, Италїянскїе и Французскїе, пѣтые за обѣдомъ.

Дѣло великодушїя увѣнчало веселой праздникъ, и память Катулова черезъ 2000 лѣтъ была полезна для земляковъ его. Во время самаго пиршества явились Депутаты Сермїонскїе съ представленїемъ Французскому Генералу, что они, бывъ жертвою войны и претерпѣвъ отъ нее великой убытокъ, не могутъ безденежно кормить Французскихъ солдатъ. Генералъ принялъ ихъ съ величайшимъ дружелюбїемъ, и въ ту же минуту велѣлъ вывести войско изъ Сермїоне, обѣщавъ сверхъ того наградить жителей за все претерпѣнное ими во время осады.

VII.

О Магнетизмѣ.

Письмо изъ Кадене, Французскаго городка.

Новые Месмеровы ученики явились въ нашемъ городѣ и прославились своимъ цѣлительнымъ искусствомъ: молодой человѣкъ, именемъ Троншонъ, и молодая двадцатилѣтняя дѣвушка, именемъ Виргинїя. Первый, между прочими удиви-

тельными исцѣленіями, освободилъ отъ водяной болѣзни моего пріятеля, Г. Ру, отъ котораго всѣ Медики отказались. Онъ вылечилъ многихъ, старыхъ и молодыхъ, отъ нервическихъ болѣзней, лихорадокъ, глистовъ, и проч. Такіе Медики обыкновенно считаются шарлатанами; но мудрено вообразить, чтобы молодой крестьянинъ, не знающій ни людей, ни свѣта, умѣлъ столь искусно обманывать городскихъ жителей. Употребляемые имъ способы довольно любопытны и представляютъ феноменъ, который, можетъ быть, изъяснятъ намъ со временемъ успѣхи Гальванизма. Онъ садится на стулъ, велитъ брату своему *магнетизировать* себя и засыпаетъ глубокимъ сномъ. Къ нему приводятъ больныхъ, и сонный Докторъ нашъ съ великою подробностію описываетъ ихъ болѣзни и разные припадки; а послѣ сказываетъ, какъ ихъ лечить, то есть, какими травами — гдѣ онѣ растутъ — и, не читавъ Линнея, такъ хорошо означаетъ всякое растѣніе, что его можно узнать съ перваго взгляда. Отовсюду сходятся къ намъ больные: изъ Эса, Марсели, Авиньйона, и мудрый Троншонъ окруженъ цѣлымъ легіономъ энтузіастовъ. — Молодая Виргинія лечитъ такъ же, и съ такимъ же успѣхомъ. Хотѣли,

чтобы Троншонъ на ней женился; но они оба не согласны на то. — О Иппократъ! ты просиживалъ ночи надъ больными: приходило ли тебѣ на мысль, что со временемъ Медики будутъ лечить во снѣ?

VIII.

Къ Читателямъ Вѣстника.

Вѣстникъ будетъ продолжаться и на слѣдующій годъ и, сообразно съ его титуломъ, содержать въ себѣ главныя Европейскія новости въ Литтературѣ и въ Политикѣ: все, что покажется намъ любопытнымъ, хорошо написаннымъ, и что выходитъ во Франціи, Англіи, Германіи, и проч.; небольшія піесы можемъ помѣщать *цѣлыя*, а изъ *важнѣйшихъ* книгъ дѣлать извлеченіе. Такимъ образомъ лучшіе Авторы Европы должны быть въ нѣкоторомъ смыслѣ нашими *сотрудниками* для удовольствія Руской Публики; а намъ остается изображать ихъ мысли, какъ умѣемъ. Не многіе получаютъ иностранные Журналы, а многіе хотятъ знать, *что* и *какъ* пишутъ въ Европѣ: *Вѣстникъ* можетъ удовлетворять сему любопытству, и притомъ съ нѣкоторою пользою для языка и вкуса. Намъ пріятно думать, что въ Грузіи или въ Сибири читаютъ

самыя тѣ піесы, которыя (двумя или тремя мѣсяцами прежде) занимали Парижскую и Лондонскую публику. Сверхъ того въ *Вѣстникѣ* будутъ и Рускія сочиненія въ стихахъ и прозѣ; но Издатель желаетъ, чтобы они могли безъ стыда для нашей Литтературы мѣшаться съ произведеніями иностранныхъ Авторовъ. Всякой истинной талантъ, рожденный дѣйствовать на умы въ своемъ отечествѣ, украшать Словесность и языкъ, имѣетъ право требовать себѣ мѣста въ Журналѣ, удостоенномъ вниманія Публики: обѣщаемъ ему нашу искреннюю благодарность. Мы не *Аристократы* въ Литтературѣ: смотримъ не на имена, а на произведенія, и сердечно рады способствовать извѣстности молодыхъ Авторовъ. Желаемъ и просимъ также, чтобы намъ сообщали всякія любопытныя извѣстія изъ разныхъ мѣстъ Россіи, анекдоты, патріотическія мысли и замѣчанія. — Что принадлежитъ до Критики новыхъ Рускихъ книгъ, то мы не считаемъ ее истинною потребностію нашей Литтературы (не говоря уже о непріятности имѣть дѣло съ безпокойнымъ самолюбіемъ людей.). Въ Авторствѣ полезнѣе быть судимымъ, нежели судить. Хорошая Критика есть роскошь Литтературы: она раждается

отъ великаго богатства; а мы еще не Крезы. Лучше прибавить что нибудь къ общему *имѣнію*, нежели заняться его оцѣнкою. Впрочемъ не закаиваемся говорить иногда о *старыхъ* и *новыхъ* Рускихъ книгахъ; только не входимъ въ рѣшительное обязательство быть Критиками. — Въ политическомъ отдѣленіи будутъ какъ извѣстія, такъ и разсужденія; постараемся, чтобы Читатели Рускихъ вѣдомостей не находили его излишнимъ. Не преступая границъ благоразумной осторожности, можемъ брать изъ Англійскихъ газетъ любопытные и забавные анекдоты, и проч. и проч. — Наконецъ скажемъ, что мы издаемъ Журналъ для *всей* Руской Публики, и хотимъ не учить, а единственно занимать ее пріятнымъ образомъ, не оскорбляя вкуса ни грубымъ невѣжествомъ, ни варварскимъ слогомъ. Честолюбіе наше не простирается далѣе.

Подписка остается на прежнемъ основаніи. Цѣна въ Москвѣ 12 рублей, а съ пересылкою 15. Здѣсь подписываются въ Конторѣ Университетской Типографіи на Тверской, а изъ другихъ городовъ надобно адрессоваться или въ Газетную Экспедицію Московскаго Почтъ-Амта или прямо въ упомянутую Контору.

ПОЛИТИКА.

I.

Истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное Консульство Наполеона Бонапарте. Сочиненіе Камиля Жордана.

(*Окончаніе.*)

Доказать, что польза народа требуетъ границъ для верховной власти, есть быть увѣреннымъ, что Бонапарте, великодушный Правитель, всего болѣе думающій о народномъ благѣ, долженъ, непремѣнно долженъ ограничить сію власть. Но всѣ благоразумные сверхъ того согласятся, что особенная польза его соединена въ семъ случаѣ съ общею. Не только употребленіе власти Консульской будетъ лучше, но и самая власть черезъ то утвердится, обратясь въ новый, спасительный щитъ для его особы. Я не говорю, чтобы Консулъ могъ бояться народа, который ни въ какое время не забудетъ его благодѣяній и революціонныхъ ужасовъ: сверхъ того Правителямъ государствъ весьма легко благоразумною твердостію отвращать народныя бури; но не

имѣя причины бояться явнаго нападенія, можетъ ли Консулъ защититься отъ тайныхъ злоумышленій? Кто отвратитъ невидимые удары дерзкихъ заговорщиковъ? Вотъ гдѣ опасность! Теперь спрашиваю: не служитъ ли Консульская *неограниченная* власть новымъ предлогомъ для ихъ свирѣпства, новою прелестію для ихъ тайнаго властолюбія? Когда она *вся* въ однѣхъ рукахъ; когда они между сею верховною властію и собою видятъ только одного человѣка; когда имѣютъ причину думать, что Франція можетъ быть добычею щастливаго заговора: не воспламенятся ли ихъ желанія? не скорѣе ли совершится злодѣйство? . . . Гдѣ же можно найти защиту? единственно въ учрежденіяхъ государственныхъ. Надобно смертнаго человѣка оградить безсмертными уставами; надобно показать всѣмъ, что въ государствѣ есть *жизненное начало* (principe de vie), независимое отъ жизни одного человѣка. Вотъ вѣчная истина всемірной Исторіи! Въ деспотическомъ Римѣ, въ Турціи, въ разныхъ Азіятскихъ государствахъ, гдѣ въ одномъ человѣкѣ все заключалось, сей человѣкъ былъ всегда въ опасности и цѣлію заговоровъ; но въ нашихъ Европейскихъ умѣренныхъ Монар-

хїяхъ царствованїя спокойны, щастливы и долговременны. Границы Консульской власти обратятся въ спасительныя для него ограды; дѣля ее съ другими Правительствами, Бонапарте найдетъ въ нихъ опоры; ограничивъ, сдѣлаетъ оную надежнѣе и долговременнѣе. Ежели въ самыя обыкновенныя времена, въ самыхъ обыкновенныхъ обстоятельствахъ нужна такая защита, то она еще нужнѣе, когда Властитель не есть наслѣдственный, когда онъ еще новъ въ своемъ мѣстѣ, и долженъ управлять государствомъ послѣ страшнаго волненїя; когда народъ вообще хотя и спокоенъ, но многїе люди еще питаютъ въ душѣ своей революцїонные навыки и склонности; когда *чувство права* въ однихъ неумѣренно, а *чувство должности* въ другихъ истребилось; когда есть умы воспламененные фанатизмомъ, есть сердца развращенныя порокомъ; когда власть въ самыхъ опорахъ своихъ можетъ найти завистниковъ и совмѣстниковъ! — И такъ не должны ли всѣ истинные друзья сего Правителя, которыхъ мысль объ его опасности приводитъ въ ужасъ, — не должны ли они говорить ему, чтобы онъ не надѣялся на благопрїятство, всегда перемѣнчивое — не надѣялся на силу воин-

скую, которая не рѣдко измѣняетъ — но закрылъ себя великимъ щитомъ государственныхъ уставовъ, объ который притупились бы стрѣлы его безсильныхъ враговъ?

Но что мы говоримъ о безопасности и власти, когда сей человѣкъ всего болѣе думаетъ о чести и славѣ? — Гдѣ же будетъ честь, естьли онъ нарушитъ священный обѣтъ свой, о которомъ ему все напоминаетъ: образъ мыслей его въ началѣ Революціи, безчисленныя побѣды республиканскихъ армій, предлогъ данной ему власти, характеръ почти всѣхъ людей, которыми онъ окружилъ себя — слова, невольно имъ повторяемыя — знаки его самаго величія, и наконецъ то уваженіе, которое онъ всегда изъявлялъ къ друзьямъ благоразумной свободы, именитымъ въ древніе и новые вѣки? — Гдѣ будетъ слава, безпрестанно возрастающая слава, которую обожаетъ сердце его? Онъ въ самой цвѣтущей молодости пожалъ всѣ лавры воинскіе, видѣлъ знаки земнаго величія у ногъ своихъ, истощилъ всю хвалу, которою осыпаютъ побѣдителей и сильныхъ: что останется для сей души пламенной, волнуемой страстію великихъ дѣлъ, естьли Бонапарте не воспользуется обстоятельствами

безпримѣрными въ лѣтописяхъ міра, не утвердитъ судьбы рода человѣческаго, самъ не опредѣлитъ границъ власти своей, не удовлетворитъ справедливости и безъ всякаго страха не поведетъ народа отеческою рукою законовъ по славному пути, освѣщенному благотворною мудростію вѣка? Сего-то ожидаетъ Европа отъ Бонапарте; сіе-то будетъ истинною мѣрою его талантовъ; и когда увидимъ въ немъ чудесное соединеніе силы съ мудростію, духа завоеваній съ духомъ творческимъ, тогда умолкнетъ дерзкое злословіе и громъ рукоплесканій удвоится; тогда онъ утвердитъ мѣсто свое въ храмѣ славы, сохранитъ истинную жизнь свою въ потомствѣ, оставитъ по себѣ не только великія воспоминанія, но и великія благотворенія; начертаетъ имя свое не только на однихъ трофеяхъ, подобно обыкновенному завоевателю, но самую душу свою впечатлѣетъ въ спасительные государственные уставы, которые послѣ него будутъ душею великаго народа; восторжествуетъ въ теченіе вѣковъ надъ тлѣнностію всего человѣческаго и спасется отъ забвенія, естьли человѣку только можно быть незабвеннымъ въ мірѣ!

„Но чего мы требуемъ? развѣ нѣтъ предѣловъ для власти, нѣтъ государственныхъ учрежденій и Конституціи?“ Здѣсь открывается обширное поле; но время, обстоятельства требуютъ отъ насъ скорости. Довольно означить главные предметы; написать не такъ важно, какъ заставить думать.

И такъ, не выходя сначала изъ предѣловъ Конституціи, упомянемъ о государственныхъ уставахъ, которые заключаются въ ея словахъ или въ духѣ, но которыхъ еще не видимъ. Положимъ, что до сего времени имѣли справедливую причину отлагать ихъ; но теперь общее мнѣніе требуетъ сихъ вѣчныхъ законовъ. На примѣръ: Конституція не велитъ брать самовольно гражданъ подъ стражу... Знаемъ, что въ началѣ новаго правленія, во время раздоровъ внутреннихъ и внѣшней войны, могло быть опасно слѣдовать въ точности сему предписанію; но теперь, когда заключенъ миръ, когда утвержденъ порядокъ, должно ли заключать людей безъ всякаго изслѣдованія въ темницы? Не время ли отдать виновныхъ въ руки закона? не время ли возстановить спасительныя для личной безопасности правила и заключенныхъ представить въ судъ? Не уже ли умрутъ они въ новыхъ

Бастиллїяхъ, въ сихъ темныхъ пещерахъ забвенїя? Нѣтъ, нѣтъ! мы хотимъ наконецъ пользоваться истинною *гражданскою свободою*, которая есть первое благо гражданскаго общества и нужнѣе всѣхъ другихъ государственныхъ учрежденїй для народа. Безъ нее можетъ ли быть и *свобода политическая*? Осмѣлится ли гражданинъ противиться злоупотребленїю власти и говорить о своихъ правахъ, когда дверь темницы для него всегда отворена? И какъ долженъ унизиться народъ тамъ, гдѣ законъ въ разсужденїи сего не представляетъ ему никакой защиты?

Въ Конституцїи сказано, что всѣ Агенты Правленїя и власти должны отвѣтствовать за нарушенїе уставовъ: великая и прекрасная мысль, достойная просвѣщеннаго вѣка! Но гдѣ теперь найдемъ управу на чиновниковъ? Притѣсненный можетъ только жаловаться Консульскому Совѣту, но не знаетъ ни формъ, ни порядка, ни слѣдствїй. Нуженъ для того общїй органическїй законъ; справедливость требуетъ его для обузданїя своевольства чиновниковъ и нижнихъ Агентовъ, для безопасности гражданъ и моральной твердости самаго Правленїя.

Конституцїя утверждаетъ независимость судебной власти; но естьли

(какъ слышно) дадутъ Сенату право уничтожать рѣшенїе судовъ, естьли онъ по волѣ своей будетъ отрѣшать *Присяжныхъ* (Jury) (*), то не исчезнетъ ли сїя независимость? Люди, которые располагаютъ имѣнїемъ и жизнїю гражданъ, должны быть нами избираемы по ихъ достоинству, надежному состоянїю и просвѣщенїю; когда же они выбраны, то вышняя государственная Власть сама обязана уважать ихъ.

Наша и всякая разумная Конституцїя говоритъ, что все не запрещаемое уставомъ дозволяется. И такъ человѣку дозволено невиннымъ образомъ пользоваться двумя его драгоцѣнными способностями: *говорить* и *писать*. Мы требуемъ свободнаго книгопечатанїя, не того, котораго хотѣли Софисты, но любезнаго всѣмъ мудрымъ; не того, которое въ необузданности своей можетъ быть орудїемъ вреда, но благоразумнаго — такъ, чтобы оно просвѣщало верховную власть и законодателя, не ослабляя ихъ дѣйствїй, и не клеветало на людей, но обличало ихъ несправедливость. Желаемъ, чтобы ясной законъ опредѣлилъ недозволенное въ словахъ и въ книгахъ, и чтобы мы въ однихъ судахъ отвѣчали за то,

(*) Сїи права нынѣ даны ему.

какъ за всякія другія преступленія. Пусть учредятъ Ценсуру, но только основанную на правилахъ общаго блага, и единственно съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы она предупреждала вину, разрѣшала сомнѣніе Авторовъ и служила щитомъ для книгъ, въ которыхъ она не нашла ничего беззаконнаго. И какому Правительству въ мірѣ приличнѣе нашего войти чрезъ свободное книгопечатаніе въ дружественный союзъ съ умами и мнѣніемъ просвѣщенныхъ людей, съ сею *новою моральною властію*, уважаемою нынѣ во всѣхъ государствахъ Европы? Сдѣлавъ такъ много добра и готовя новыя благодѣянія, можетъ ли оно бояться нашей искренности? Какъ оскорбляютъ сіе Правительство тѣ люди, которые считаютъ его въ войнѣ съ общественнымъ мнѣніемъ! Но они думаютъ только о собственной пользѣ, и для себя единственно желаютъ вѣчнаго, непроницаемаго мрака; боятся не злоупотребленій разума, а самаго разума, и хотѣли бы вмѣстѣ съ возмутительными книгами сжечь всѣ книги. Пользуясь ошибками ложной Философіи, противной разсудку и благонравію, они клянутъ и ту благодѣтельную Философію, которая есть вѣрная подруга Морали, истинной Религіи и защитница спасительныхъ идей

гражданскаго порядка; называютъ тѣхъ Якобинцами, которые вѣрятъ благородству души и надѣются, что вѣки просвѣщаютъ разумъ. Но, къ щастію рода человѣческаго, сія утѣшительная надежда не зависитъ отъ холодныхъ эгоистовъ, и просвѣщеніе, вопреки ихъ усилію, торжествуетъ въ мірѣ. Европейскія государства навѣки удалились отъ варварства, и всѣ здравомыслящіе видятъ, что разумъ спасается отъ заблужденій своихъ дальнѣйшими успѣхами разума; что надобно думать и заключать справедливо, а не отказываться отъ способности мыслить. Умъ, наученный опытомъ, возвращается на путь истинный, обновляется въ силахъ своихъ, и между тѣмъ, какъ безумцы хотятъ остановить его, стремится впередъ спокойно и величественно, подобно солнцу на горизонтѣ; онъ гнушается ими, предаетъ ихъ въ посмѣшище народамъ, и тьму, которою хотѣли бы они покрыть всю землю, оставляетъ единственно на ихъ имени и дѣлахъ, не достойныхъ свѣта.

Вотъ чего мы требуемъ сообразно съ Конституціею; но она еще не все предвидѣла, не все опредѣлила. Народу, хотящему наслаждаться законною свободою, всего нужнѣе знать, въ чемъ состоитъ

право гражданства — а Конституція ваша не говоритъ о томъ ни слова! Тѣ единственно должны имѣть участіе въ народной власти, которыхъ выгоды соединены съ порядкомъ, и которые могутъ ясно видѣть ихъ; а какъ собственность раждаетъ любовь къ тишинѣ, къ справедливому, законному употребленію власти, и почти всегда предполагаетъ уже то воспитаніе, которое даетъ человѣку нужныя свѣдѣнія, то надобно основать право гражданства хотя на умѣренной, но вѣрной собственности. Вотъ мудрый, опытомъ и разсудкомъ утвержденный способъ избавиться отъ бурь Демократіи и феодальнаго рабства! Сія отмѣна не унижаетъ человѣчества, а есть необходимое слѣдствіе обществъ и награда за труды, спасительные для государства: всякой можетъ заслужить ее — и все, что полезно человѣку съ имѣніемъ, полезно и тому, кто не имѣетъ собственности. — Утвердивъ такимъ образомъ право гражданства, опредѣлите, какъ гражданамъ содѣйствовать образованію благодѣтельнаго для нихъ порядка, соглашаться или не соглашаться на войну и налоги. Естьли система *представленія* (représentation) справедливо называется щастливѣйшею мыслію новыхъ временъ, то велите же народу

избрать истинныхъ повѣренныхъ или Депутатовъ: ибо вашъ Трибунатъ и Законодательный Корпусъ составленъ безъ всякаго народнаго участія, и есть ничто иное, какъ мертвое орудіе въ рукахъ главнаго властителя. Не страшитесь выборовъ, но только умѣйте предписать мудрые для нихъ законы; и тогда, естьли хотите, можете къ сему Нижнему Парламенту Франціи присоединить Верхній, составленный изъ людей богатѣйшихъ, заслуженыхъ и на всю жизнь избираемыхъ, чтобы они утверждали законы и служили связію между властями.

Но что пользы въ мудрѣйшей системѣ, что пользы въ самыхъ лучшихъ выборахъ, какое равновѣсіе можетъ быть между властями, какое право твердо и надежно, естьли Конституція не опредѣлитъ, не ограничитъ дѣйствій *воинской силы?* Мы охотно ввѣрили бы судьбу государства и свободы тѣмъ Героямъ, которыми нынѣ гордится Франція: пламенная любовь ихъ къ отечеству намъ извѣстна; но здѣсь говоримъ не о томъ, что есть, а что быть можетъ: о духѣ арміи, а не воиновъ. Когда же первоначальный составъ ея измѣнится, тогда не будетъ ли она опасна для свободы неограниченнымъ своимъ могуществомъ,

которому всѣ другія власти уступаютъ — громомъ славы, заглушающимъ всякую другую славу — явнымъ преимуществомъ, которое отдаютъ нынѣ воинскимъ чинамъ предъ гражданскими — и наконецъ слѣпымъ повиновеніемъ безъ всякой ясной идеи о государственномъ благѣ? Не легко ли будетъ первому чиновнику обратить ея силу противъ главныхъ властей, или другимъ искуснымъ заговорщикамъ противъ сего самаго чиновника? Такъ Римъ поработили тѣ легіоны, которыми онъ завоевалъ міръ; такъ Англія, благоразумная Англія всего болѣе страшилась собственной арміи, которая была всегдашнимъ предметомъ ея законодательной попечительности. Вотъ примѣръ для Франціи! Естьли нынѣшнее состояніе Европы заставляетъ васъ содержать войско въ мирное время; естьли общая польза требуетъ, чтобы ввѣрить его Исполнительной Власти, то возьмите по крайней мѣрѣ осторожность, чтобы сія Власть не могла располагать арміею по волѣ своей, и только бы сообразно съ цѣлію народнаго блага дѣйствовала ею. Наконецъ образуйте духъ сихъ армій. Воины конечно имѣютъ право на общую признательность, и могутъ по справедливости, въ награду за ихъ услуги, получать

мѣста гражданскія; но доказывайте имъ всѣми учрежденіями и знаками необходимое превосходство той гражданской власти, которая образовала ихъ, содержитъ, управляетъ ими и лучше ихъ знаетъ истинную пользу государства. При всякомъ торжественномъ случаѣ давайте первое мѣсто судьѣ, законодателю, а не воинскому чиновнику. Запретите солдатамъ мѣшаться въ дѣла государственныя — и мечь ихъ внутри отечества да обнажается только по гласу закона! Кто уже не отправляетъ воинской должности, тотъ да называется только гражданиномъ, не Офицеромъ, не Генераломъ! Учредите, подобно какъ нынѣ въ Англіи и какъ прежде было въ Швейцаріи — учредите гражданскую милицію, которая бы состояла только изъ людей, имѣющихъ собственность, облегчала армію въ нѣкоторыхъ ея должностяхъ, умѣряла воинскій духъ гражданскими навыками, и была новою защитою свободы. Будьте увѣрены, что всѣ истинные сыны отечества между воинами одобрятъ такіе уставы, всѣ, кромѣ весьма немногихъ людей, которые, можетъ быть, считаютъ Францію воинскою добычею. . . .

Вотъ мысли наши, съ которыми записывали мы голоса свои, избирая Бона-

парте на всю жизнь въ Консулы! Народъ, ввѣряя ему власть, ожидаетъ, что Консулъ оправдаетъ такую довѣренность. А вы, модные враги всѣхъ благородныхъ чувствъ и вѣчныхъ истинъ! что можете отвѣтствовать на общее желанїе? Назовете ли его пустымъ мудрованїемъ суетной Философїи, когда говоримъ именемъ опыта и вѣковъ? Скажете ли, что хотимъ опять Революцїи, когда требуемъ надежныхъ уставовъ, опоры для власти? Вздумаете ли, что унижаемъ Бонапарте, когда требуемъ отъ него великаго и безсмертнаго? Мы хвалимъ его какъ главнаго Чиновника свободнаго народа: вы, льстецы придворные, хвалите его какъ человѣка, отъ котораго ожидаете своихъ выгодъ. Мы хвалимъ Бонапарте, надѣясь, что сердце его пылаетъ ревностїю довершить дѣла славы; а вы, говоря ему безпрестанно объ умноженїи власти, хотите унизить его въ глазахъ Европы, и каждый совѣтъ вашъ есть для него новое оскорбленїе. Но самъ онъ будетъ судьею между нами! Языкъ благородной души конечно не противенъ великому человѣку.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Регенсбургъ.

Дѣло идетъ къ концу. Не только Имперская Депутація по большинству голосовъ утвердила *планъ вознагражденій*, но и Вѣнскій Дворъ, которому обѣщали въ Сен-Клу прибавить нѣчто къ долѣ бывшаго Тосканскаго Герцога, почти объявилъ свое согласіе. Нѣмецкіе Патріоты чувствуютъ необходимость посредства Россіи и Франціи: она есть слѣдствіе внутреннихъ несогласій и частнаго корыстолюбія Нѣмецкихъ Державъ, изъ которыхъ всякая думаетъ только о своихъ выгодахъ. Вѣнскій Дворъ съ жаромъ изъявлялъ свое неудовольствіе подъ вывѣскою патріотизма, говорилъ о независимости Имперіи, но требовалъ единственно того, чтобы умножили доходы Герцога Тоскайскаго. По крайней мѣрѣ отдадимъ справедливость его умѣренности: онъ убавилъ свои требованія, чтобы прекратить раздоры. Мы, профаны, можемъ удивляться нынѣшней Политикѣ; но свѣдущіе люди увѣряютъ, что она по существу своему должна быть корыстолюбива. Для безопасности Державъ нужна сила, а деньги входятъ въ составъ ея. Франція, взявъ все, что

могла, безпрестанно твердитъ намъ о своемъ великодушіи; Англія думаетъ только о сохраненіи своего первенства на моряхъ, и даже не беретъ на себя труда доказывать, что употребляемыя ею средства справедливы; Пруссія на все согласна, что согласно съ ея выгодами; о другихъ и говорить не чего — одна Россія, не имѣя нужды умножать силы, умножаетъ славу свою, соединяя благоразумную Политику съ человѣколюбіемъ и безкорыстіемъ. Всѣ хотятъ союза ея: она хочетъ общаго блага. — Шведскій Министръ въ Регенсбургѣ подалъ вторую ноту, которая еще сильнѣе первой изображаетъ неудовольствіе Двора его въ разсужденіи порядка Нѣмецкихъ дѣлъ. Сей шагъ въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ можно назвать — естьли не смѣлымъ, то по крайней мѣрѣ безполезнымъ.

Швейцарія.

Гельветическое Правительство возвратилось съ честію изъ Лозаны въ Бернъ, а друзья Рединговы, или Конфедераты, съ отчаяніемъ въ сердцѣ, удалились оттуда въ Малые Кантоны. Консульская прокламація исполняется, и Французскія войска со всѣхъ сторонъ входятъ въ Швейцарію. Бонапарте хочетъ поставить на

своемъ; но увѣряютъ, что онъ перемѣнилъ мысли о дѣлахъ Швейцаріи, и для того отозвалъ Французскаго Министра Верринака, будучи недоволенъ его ложными донесеніями о расположеніи умовъ. Генералъ Ней заступилъ Верринаково мѣсто. Швицскій Сеймъ, управляемый Рединтомъ, долженъ былъ покориться. Онъ хотѣлъ воскресить древній духъ Швейцаровъ; собирался не въ домѣ, а на лугу, подъ открытымъ небомъ, среди вооруженныхъ людей, и при звукахъ воинской музыки. Тамъ Ораторы говорили рѣчи свои. Когда Бонапарте велѣлъ объявить Сейму, что онъ уничтожается, то Рединтъ отвѣчалъ: „Мы не будемъ противиться Французамъ; но у насъ есть оружіе, которое „самъ Бонапарте уважаетъ: *справедливость и потомство!*“ Отвѣтъ трогательной и прекрасной, естьли истинная любовь къ отечеству говорила устами сего гражданина! Но когда Французское войско приближилось къ Швицу, Президентъ Сейма распустилъ Депутатовъ. Между тѣмъ во всей Швейцаріи видно неудовольствіе; даже и самые малочисленные друзья Гельветическаго Правительства не радуются минутному торжеству своему. Теперь избираютъ Депутатовъ для Парижской Консульты, но вездѣ неохотно;

она должна собраться къ 15 Ноября. Бонапарте напередъ объявилъ, что онъ не хочетъ быть первымъ Ландманомъ Гельвеціи (какъ нѣкоторые распускали слухъ), а желаетъ единственно своимъ посредствомъ утвердить тишину и согласіе въ сей землѣ. Однакожь вѣрно то, что новая Конституція будетъ сочинена подъ его вліяніемъ, и что онъ не дозволитъ возстановленія прежней Бернской Олигархіи, которая возвратила бы власть древнимъ благороднымъ фамиліямъ, ненавидящимъ Францію и преданнымъ Англіи. Достойно замѣчанія, что многіе Англійскіе Офицеры желали служить въ войскѣ Конфедератовъ и содѣйствовать успѣху новой революціи; но Реднигъ и другіе начальники по осторожному благоразумію не приняли ихъ. — Вообще Гельвеція находится въ самомъ жалкомъ состояніи. Всѣ Швейцары недовольны, но по разнымъ причинамъ; согласія такъ же мало, какъ и прежде, и многіе не знаютъ, на чьей сторонѣ истинный Патріотизмъ, добродѣтель и благо отечества. Естьли и для насъ, постороннихъ зрителей, такая неизвѣстность прискорбна, то сколь же огорчительна она для добрыхъ Швейцаровъ!

Парижъ отъ 5 Ноября.

Монитёръ бросилъ опять новую бомбу въ Лондонскихъ Журналистовъ! „Всякая строка ихъ, говоритъ онъ, написана кровью. Они требуютъ междоусобной войны въ нѣдрахъ *западнаго народа*, „щастливо примиреннаго.“ Читатели наши вспомнятъ, что Бонапарте, говоря съ Фоксомъ, раздѣлилъ всѣ народы на два: *восточный* и *западный*. Монитёръ въ семъ смыслѣ называетъ Европейскую войну *междоусобною*; и браня Журналистовъ Англійскихъ, трогаетъ и Политику Англіи, утверждая, что союзъ ея всегда былъ гибеленъ для Европейскихъ Державъ: на примѣръ, въ наше время, для Королей Неаполитанскаго и Сардинскаго, для Штатгальтера, Бернской и Генуэзской Олигархіи, и проч. Онъ напоминаетъ при семъ случаѣ слово Кауница, сказавшаго Прусскому Министру: *Король вашъ узнаетъ со временемъ, какъ тягостна дружба Англіи!* Все это доказываетъ, что Консулъ въ душѣ своей не помирился съ Англичанами: Римъ и Карѳагенъ опустили руку съ мечемъ, но грозно смотрятъ другъ на друга, и огонь второй Пунической войны скрывается подъ пепломъ. — Кажется, что Англійское Министерство сдѣлало какое нибудь представленіе Кон-

сулу въ разсужденіи Швейцарскихъ дѣлъ: не даромъ *Монитёръ* въ сей же статьѣ доказываетъ, что Англія не имѣетъ права въ нихъ мѣшаться, *не хотѣвъ признать* Швейцарской Республики, ни Италіянской, ни Лигурійской, ни Короля Тосканскаго. Впрочемъ пріѣздъ Французскаго Министра Андреосси въ Лондонъ заставляетъ надѣяться, что новыя несогласія между Англіею и Франціею кончатся на сей разъ мирно. Можетъ быть, Лондонское Министерство удовольствовалось обѣщаніемъ Консула не принимать Ландманскаго достоинства въ Швейцаріи. — Между тѣмъ Мальта все еще занята Англичанами, хотя Король Неаполитанскій, по Амьенскому трактату, и давно уже отправилъ туда свое войско.

Консулъ съ Госпожею Бонапарте поѣхалъ на десять дней въ Руанъ и въ Гавръ, осматривать тамошнія мануфактуры и другія общеполезныя заведенія. Парижскія вѣдомости теперь наполнены извѣстіями о его путешествіи и знакахъ народной къ нему любви. Вездѣ встрѣчаютъ Консула съ радостными восклицаніями, и городскіе чиновники до небесъ превозносятъ его въ рѣчахъ своихъ, не забывая и Госпожи Бонапарте, которой

говорятъ теперь все то, что за 15 лѣтъ передъ симъ говорили во Франціи Королевѣ. Въ сихъ похвальныхъ рѣчахъ замѣтенъ *провинціяльной вкусъ*: Префекты и Меры истощаютъ Миѳологію, и сравниваютъ Консула съ Марсомъ, а Госпожу Бонапарте съ Граціями, прося ее заплатить ему долгъ Франціи, и нѣжностію своею сдѣлать его какъ можно щастливѣе. Одинъ мирной судья въ рѣчи своей назвалъ Консула *главнымъ мирнымъ судьею* Европы. Бонапарте, желая конечно соображаться съ симъ вкусомъ, отвѣчалъ Руанскому Меру, который явился къ нему съ городскими ключами: „Вы достойны быть ихъ хра„нителемъ; но что касается *до ключей* „*къ сердцу* Руанскихъ жителей, то не хочу „никому отдать ихъ.“ Консулъ вездѣ съ судьями говоритъ о законахъ, съ купцами о торговлѣ, съ фабрикантами о фабрикахъ, съ Духовными о миролюбіи и духѣ кротости Христіянской Религіи. Симъ послѣднимъ онъ сказалъ въ Руанѣ: „Я „много прощалъ, слѣдуя единственно „внушенію Религіи.“ — Бонапарте дорогою осматривалъ Иврійскую равнину, гдѣ Генрихъ IV одержалъ славную побѣду. Онъ велѣлъ снова поставить тамъ монументъ, разрушенный Революціею.

„Бонапарте (пишутъ въ Англїй-
„скихъ вѣдомостяхъ), удаливъ отъ себя
„Фуше и Редерера, доказалъ ошибку
„тѣхъ людей, которые считали ихъ не-
„обходимыми для его правленїя. Многїе
„также несправедливо думали, что Тале-
„ранъ имѣетъ великое влїянїе на Консу-
„ла; но теперь уже извѣстно, что Бона-
„парте совѣтуется съ нимъ только о
„формахъ дипломатическихъ, и что Та-
„леранъ не всегда можетъ по волѣ своей
„опредѣлять людей даже и въ Секретари
„Посольства. Въ разсужденїи ума и талан-
„товъ не трудно многимъ равняться съ
„симъ Министромъ; но онъ отличается
„отъ другихъ прїятною ловкостїю въ
„обхожденїи и тонкою свѣтскою учтиво-
„стїю, которую Французы забыли въ
„школѣ Революцїи. Талеранъ, будучи
„знатнаго рода, сохранилъ въ себѣ наруж-
„ность Версальскаго придворнаго, и для
„того единственно Консулъ оставляетъ
„его Министромъ иностранныхъ дѣлъ.
„Изъ ближайшихъ людей къ Бонапарте
„именуютъ нынѣ Ренье, главнаго судью,
„Мюрера, Биго и Порталиса, Государ-
„ственныхъ Совѣтниковъ. Они люди скром-
„ные, не хвастаются своимъ влїянїемъ,
„и скрываютъ его отъ самаго Консула;
„привязаны къ нему искренно и служатъ

„усердно. Но Фуше и Редереръ были „гораздо сильнѣе ихъ. Первый всего бо„лѣе поддерживалъ себя вымышляемыми „имъ заговорами и благосклонностію Го„спожи Бонапарте, которая, будучи „тогда не любима братьями и сестрами „Консула, желала имѣть на своей сторо„нѣ человѣка, къ нему весьма близкаго. „Извѣстно, что братья хотѣли развести „его съ нею. Но когда она, выдавъ дочь „свою за Лудвига Бонапарте, примири„лась со всею фамилїею, тогда Министръ „Фуше былъ оставленъ ею, и непрїяте„ли его воспользовались симъ случаемъ, „чтобы повредить ему въ умѣ Консула. „Что принадлежитъ до Редерера, то Го„спожа Бонапарте не могла терпѣть „его, зная, что онъ вмѣстѣ съ другими „совѣтовалъ ему развестись съ нею. Одна„жды при многихъ людяхъ она сказала „ему: *Господинъ Редererъ! я не люблю „тѣхъ, которые склоняютъ мужа моего къ „разводу и къ самовластїю.* Сей странной „Метафизикъ ввелъ много чудесностей „въ правленїе. Ему приписываютъ учре„жденїе Почетнаго Легїона и проч.“

---

16 Ноября долженъ собраться новый Англїйскїй Парламентъ: Министръ Аддингтонъ извѣстилъ о томъ всѣхъ Чле-

новъ. — Лордъ Витфортъ наконецъ отправился въ Парижъ. — Изъ другихъ Лондонскихъ извѣстій достойно замѣчанія только слѣдующее: „Журналы наши говорятъ, „что молодая Валлисская Принцесса, „воспитываемая нѣжною и благоразумною „матерью, оказываетъ удивительныя „способности, и что Великобританнія со „временемъ увидитъ въ ней на тронѣ вто„рую Елисавету.“ — Одинъ Математикъ сдѣлалъ слѣдующее любопытное исчисленіе въ разсужденіи государственныхъ долговъ Англіи: „Естьли обратить ихъ въ зо„лото, и естьли человѣкъ будетъ спать въ „сутки только 6 часовъ, употребляя все „остальное время на считаніе денегъ, „то, перебирая въ каждую минуту 100 „гиней, а въ день 108,000, онъ сочтетъ „всю сумму въ 11 лѣтъ и во 160 дней; „естьли же обратить ее въ серебряные „талеры, то ему надобно употребить на „то 46 лѣтъ и 275 дней. Когда же эту „сумму раскласть гинеями въ одну ли„нію, то она составитъ 1305 географи„ческихъ миль; а естьли талерами, то „сей поясъ могъ бы обхватить весь земной „шаръ и еще далеко свѣситься съ нашей „Планеты. Сундукъ, въ которой можно „спрятать всю сумму въ гинеяхъ, дол„женъ содержать въ себѣ 277,538½ куби-

„ческихъ футовъ; чтобы везти ее золо-„томъ, то (полагая на каждую лошадь „10 центнеровъ) надобно 7047 лошадей; „а естьли обратить гинеи въ серебро, „то нужно употребить по крайней мѣрѣ „106,117 лошадей.“

Письма изъ Гишпаніи говорятъ только о великолѣпіи Барцеллонскихъ праздниковъ. Король и Королева въѣхали въ городъ на златой торжественной колесницѣ; знатнѣйшіе дворяне везли ее на себѣ до самаго дворца. Жители изъявляютъ величайшее усердіе къ Королевской Фамиліи и къ знаменитымъ гостямъ ея. Всякой день во дворцѣ бываетъ столъ для 4000 человѣкъ. Пріѣзжихъ въ Барцеллонѣ считается до 100,000. Думаютъ, что одно путешествіе стоило Двору нѣсколько милліоновъ піастровъ. Къ щастію, изъ Америки все еще приходятъ въ Гишпанію корабли съ серебромъ и золотомъ.

Сей Гишпанской пышности совсѣмъ не отвѣтствуютъ нынѣшнія обыкновенія другихъ Европейскихъ Дворовъ. Слѣдующее письмо изъ Берлина служитъ тому доказательствомъ: „Желая изобразить „любезную кротость и простоту во „нравахъ Берлинскаго Двора, скажу вамъ,

„что вчерашній день Королева послѣ „спектакля около часа сидѣла въ ложѣ, терпѣливо ожидая своего экипажа. „Гофмейстерина, Госпожа Фосъ, пріѣхавшая за нею, не вышла изъ кареты, а „только велѣла сказать Королевѣ, что „она дожидается ее. . . . . „ . . . . . — „Король прогуливается всегда съ однимъ „Адъютантомъ, и ходитъ рядомъ съ нимъ; „а когда ѣздитъ верхомъ, то его вдали „провожаетъ лакей, чтобы принять ло„шадь, когда онъ захочетъ сойти съ „нее. Сей любезной Монархъ одѣвается „всегда въ 10 минутъ, и носитъ обыкно„венно простой Офицерской мундиръ. — „Въ другихъ земляхъ могутъ удивляться „той вольности, съ которою здѣсь гово„рятъ и пишутъ. За двѣ недѣли передъ „симъ одинъ Магистеръ доказывалъ на „каѳедрѣ, что Республиканское правленіе „есть самое лучшее!! Нынѣшній Король „слѣдуетъ системѣ Фридриха Великаго, „который зналъ, что важны не слова, а „дѣла, и что Нѣмецкое воображеніе ни„когда не запылаетъ отъ софисмовъ.“

Письмо одного Француза изъ Алжира.

Вы желаете имѣть свѣдѣнїе о нынѣшнемъ состоянїи сей земли: постараюсь удовлетворить вашему любопытству.

Въ Алжирѣ считаютъ 14,000 Турковъ (составляющихъ здѣшнее войско), 60,000 Мавровъ и 16,000 Жидовъ. Число всѣхъ жителей простирается до 1,500,000. Турки управляютъ землею. Дей ежегодно посылаетъ корабли за новыми рекрутами въ Турецїю, откуда, кромѣ охотниковъ, присылаютъ всякаго роду негодяевъ и преступниковъ, сидящихъ въ темницахъ, но не заслуживающихъ смертной казни. Надобно знать, что дѣти Турковъ, раждаемыя въ Алжирѣ, хотя и бываютъ солдатами, но никто изъ нихъ, и вообще никто изъ природныхъ Алжирцевъ, не можетъ занимать мѣстъ въ правительствѣ. Дей, Министры и начальники какъ воинскїе, такъ и гражданскїе, должны быть выбираемы изъ Турковъ, ежегодно (какъ я сказалъ) привозимыхъ, и по большей части изъ темницъ Константинопольскихъ. И такъ мѣсто Дея не есть наслѣдственное; а всего чуднѣе то, что онъ и не выбирается. Хотя не рѣдко знаютъ напередъ, который Министръ или чиновникъ, любимый Турецкими солдатами, можетъ быть Деевымъ

преемникомъ; однакожь мѣсто его заступаетъ обыкновенно тотъ изъ кандидатовъ, который прежде другихъ успѣваетъ сѣсть на кресла, называемыя троном. Во время болѣзни Дея, умершаго въ 1791 году, было двое кандидатовъ: Министръ казначейства и Ага, или начальникъ войска. Всякой изъ нихъ имѣлъ при Деѣ надежнаго человѣка, чтобы узнать объ его смерти въ ту же минуту. Какъ скоро онъ закрылъ глаза, кандидаты прибѣжали во дворецъ; но Министръ успѣлъ прежде занять тронъ, и велѣлъ удавить Агу вмѣстѣ со всѣми его друзьями; а черезъ два часа все пришло въ обыкновенной порядокъ, и общее спокойствіе не было ничѣмъ нарушено. Кромѣ сихъ 14,000 Турковъ, составляющихъ регулярное войско, Правительство въ случаѣ нужды могло бы еще набрать около 50,000 солдатъ изъ Мавровъ, живущихъ въ городѣ и въ разныхъ селеніяхъ.

Морскія силы Алжирскія состоятъ теперь изъ 15 кораблей отъ 12 до 44 пушекъ, изъ 60 шлюпокъ, которыя выходятъ только въ хорошую погоду, и еще изо 150 судовъ, на которыхъ бываетъ всегда не болѣе 14 человѣкъ. — Въ Оранѣ и въ другихъ гаваняхъ западнаго Алжира нагружаются всякой годъ

110 кораблей пшеницею, ячменемъ, шерстью, кожами, и пятьдесятъ небольшихъ судовъ быками, овцами и птицами, для отправленія въ Гибралтаръ и на Гишпанскіе острова въ Средиземномъ морѣ. Изъ Боны, Асторіи и другихъ гаваней восточнаго Алжира отправляютъ также всякой годъ около 60 кораблей, нагружаемыхъ пшеницею, ячменемъ, масломъ, шерстью и кожами. Естьли грузъ всякаго корабля оцѣнить въ 15,000 піастровъ, то изъ Алжира вывозится товаровъ ежегодно на 2,250,000 піастровъ или на 12 милліоновъ ливровъ. Сей вывозъ находится въ рукахъ двухъ Жидовъ, Бакри и Буснаха, которые за свою привилегію должны всякой годъ платить Дею, Министрамъ его и Деямъ Константинскому и Оранскому 3 милліона ливровъ. Цѣна товаровъ, ввозимыхъ въ Алжиръ изъ Генуи, Ливорны, Тріеста, Марсели, Гибралтара, съ Гишпанскихъ и Португальскихъ береговъ, простирается въ обыкновенный годъ до четырехъ милліоновъ ливровъ. И такъ Алжирская торговля весьма выгодна для жителей, естьли превосходное количество вывозимыхъ товаровъ доказываетъ ея цвѣтущее состояніе. Подати, собираемыя съ народа, составляютъ не болѣе 500,000 піастровъ; но откупъ внѣшней коммерціи и налоги

на Европейскіе народы достаточны для всѣхъ обыкновенныхъ расходовъ, и могутъ сверхъ того пріумножать казну государственную. Въ сей казнѣ хранятся еще цехины Карла V, и знающіе люди увѣряютъ, что въ ней будетъ на 340 милліоновъ ливровъ золота и серебра, въ монетахъ и слиткахъ. Конечно ни въ какихъ Европейскихъ банкахъ, ни въ какихъ государственныхъ казнохранилищахъ не найдемъ столько богатства!

Въ Алжирѣ мало богачей; но у кого есть деньги, у того ихъ много. Собственность знатныхъ людей и богатѣйшихъ Жидовъ, управляющихъ торговлею, цѣнятъ въ 15 милліоновъ піастровъ. Правительство состоитъ изъ Дея, Министра казначейства (занимающаго первое мѣсто по Деѣ), Аги, т. е. воинскаго начальника, Министра морскихъ силъ и собирателя податей. Не рѣдко бываетъ, что Алжирскіе Министры не умѣютъ ни читать, ни писать.

ВѢСТНИКЪ ЕВРОПЫ.

ДЕКАБРЬ 1802.

№ 24.

ЛИТТЕРАТУРА и СМѢСЬ.

I.

Колодезь Истины.

Не вымышленная повѣсть, переведенная съ Нѣмецкаго.

Утопія есть и нынѣ прекрасная земля, достойная вниманія всѣхъ путешественниковъ; но прежде — то ли дѣло!

Прежде тамъ весна была не только въ Календарѣ, но и въ самой Природѣ — и какая весна! Лѣто и осень такія же; а зимою никто не примѣчалъ зимы.

Хозяйство служило одною забавою, а не способомъ доставать деньги, о которыхъ никто не думалъ. Во всякое время года цвѣли дерева, зрѣли плоды и колосы; а люди не пахали и не сѣяли. Такою

выгодою не всѣ земли пользуются. За то Утопїяне были честные люди и заслуживали сїю отмѣнную милость Природы.

Они были просты нравами и не грубы умомъ; послѣднїй Утопїйскїй крестьянинъ своею вѣжливостїю, прїятностїю мыслей и разговора не уступалъ нашимъ Камергерамъ. Всякой послѣ того можетъ вообразить себѣ славу и блескъ тамошняго Двора!

Жены любили однихъ мужей своихъ и добродѣтель; сидѣли дома и нянчили дѣтей; говорили и не злословили; пѣли какъ малиновки и не знали, что есть на свѣтѣ Италїянскїе Кастраты; читали моральныя книги, а не романы Госпожи Радклифъ; писали не любовныя письма, а — домашнїе расходы — и проч. и проч.

Самые бѣднѣйшїе люди въ Утопїи были — судьи и стряпчїе: судите по сему о ненависти ихъ къ тяжбамъ! Всякой зналъ законы наизусть, и единственно для того, чтобы имъ слѣдовать; а слово *обѣщаю* уважалось болѣе контрактовъ.

Какъ весело править такимъ народомъ! И мудрено ли, что Утопїйскїе Государи старались жить какъ можно долѣе, желая какъ можно долѣе наслаждаться щастїемъ своихъ подданныхъ!

И какїе Государи! самые правосудные, мудрые, любезные; все Титы, Аврелїи и Соломоны; а никто не смѣлъ хвалить ихъ ни стихами, ни прозой: ибо лесть считалась у нихъ наравнѣ съ измѣною. Они не имѣли любимцевъ, ибо любили сердечно всѣхъ подданныхъ.

Я уже сказалъ, что Цари жили долго въ Утопїи. Одинъ изъ сихъ Несторовъ умеръ на пятисотомъ году жизни своей, въ одинъ день съ супругою, и оставилъ двухъ дочерей. Считаемъ за нужное сказать нѣсколько словъ о каждой изъ нихъ въ особенности.

Старшая имѣла гордый видъ и гордую душу, какъ утверждала молва; она была высокаго росту, и называлась Арсеною.

Меньшая . . . но Исторїя молчитъ объ ея наружности, говоря только, что ее всѣ любили, и называли *милою* Элизою.

Слѣдственно двѣ Принцессы имѣли право на корону, а корона была одна. Однакожь законъ говорилъ ясно, что въ такомъ случаѣ надлежало выбрать достойнѣйшую по большинству голосовъ, и что Царица должна была, слѣдуя движенїю сердца, назначить себѣ супруга, который вмѣстѣ съ ея рукою и сердцемъ получалъ имя Царя.

Арсена хотѣла власти для власти, а Элиза желала короны для щастія подданныхъ, и безъ сомнѣнія былабъ выбрана, естьли бы Патріоты имѣли большинство голосовъ. Но дѣло казалось сомнительнымъ — и вотъ, по чему:

Многіе иностранцы, узнавъ, что въ Утопіи хорошо жить, переселились туда: люди, о которыхъ отечество не могло жалѣть, и которыми Утопія не могла радоваться. Къ нещастію они были хитры и нашли способъ овладѣть умами многихъ вельможъ; а вельможи, какъ извѣстно, сильные люди: чего захотятъ, то и сдѣлаютъ; говорятъ . . . всякую всячину, но другіе не смѣютъ противорѣчить. Такъ было по крайней мѣрѣ и въ самой Утопіи.

Сіи опасные иностранцы думали справедливо, что гордая Арсена будетъ для нихъ лучшею Царицею, нежели скромная Элиза, которая ненавидѣла льстецовъ. Они склонили на свою сторону и вельможъ и часть народа. Друзьями Элизы оставались одни вѣрные друзья *Истины*.

Прежде всего надобно уьѣдомить любопытныхъ, кто была сія Госпожа *Истина*, добрая, искренняя пріятельница Утопійскихъ гражданъ. Просимъ читать со вниманіемъ — особливо васъ, красавицы:

ибо вы слышите *Истину* — развѣ отъ однихъ любовниковъ въ первые семь дней страсти ихъ!

Она имѣла большіе, свѣтлые глаза; все видѣла, и все говорила, что мыслила; не могла терпѣть клятвы и тѣхъ людей, которые именемъ ея клянутся; была прекрасна, и женщина, но не думала о красотѣ своей и знала, что многіе не любятъ ее; никогда не мѣняла своихъ мыслей, однакожь ненавидѣла упрямство; прятала́сь отъ тѣхъ, которые ревностно искали ее, и вдругъ являлась какому нибудь негодяю, чтобы испугать его. Многіе утверждали, что она сердилась на Поэтовъ за частое лганье ихъ, а еще болѣе на Историковъ, которые называются душеврикащиками Истины, а часто лгутъ безстыднѣе Поэтовъ. Она, вошедши въ свѣтъ, раздражила многихъ людей — и сама виновата. На что говорить иному Министру, что онъ думаетъ о своемъ карманѣ болѣе, нежели о пользѣ отечества — иному судьѣ, что онъ хуже разбойника — иному умнику, что онъ дурачится — иному другу, что онъ злодѣйствуетъ — иному набожному, что онъ не вѣритъ Богу, и проч. и проч.? Сіи почтенные господа ударили тревогу, закричали: *къ ружью!* и едва было не

умертвили *Истины*, такъ, что она безъ памяти бѣгала отъ нихъ изъ земли въ землю и насилу могла укрыться въ царствѣ Утопіи; но и тамъ не захотѣла жить съ людьми, а поселилась въ глубокомъ колодезѣ, ископанномъ въ хрустальной горѣ, и прозванномъ съ того времени *колодеземъ Истины*. Къ нему приставили сѣдаго Друида, который жилъ подлѣ, въ хрустальномъ гротѣ, свѣтломъ и прозрачномъ, такъ, что всѣ дѣла его были видны. Онъ не боялся того, ибо не хотѣлъ ни въ чемъ скрываться отъ людей.

Всего страннѣе было то, что вода сего колодезя всегда начинала дымиться, естьли кто нибудь говорилъ Друиду неправду; а естьли человѣкъ говорилъ истину, то вода могла служить зеркаломъ для лица его. Друидъ, смотря въ нее, видѣлъ все, что дѣлалось въ свѣтѣ и въ сердцахъ людей. Онъ не любилъ многословія ни въ какомъ случаѣ, и на вопросы суетнаго любопытства не отвѣчалъ ни слова.

Все это очень хорошо; но дурно то, что въ Утопію вмѣстѣ съ иностранцами пріѣхалъ другой сѣдой Друидъ, котораго добрые Утопіяне — къ нещастью, они уже были не всѣ таковы — называли *ложнымъ Друидомъ*, и который дѣлалъ

страшное зло въ государствѣ. Истинный показывалъ только настоящее, а ложный хотѣлъ предсказывать и будущее. Одинъ давалъ, что имѣлъ; а другой обѣщалъ, чего у него совсѣмъ не было, и бралъ чужое, желая разбогатѣть на счетъ легковѣрныхъ Утопіянъ, и послѣ въ отечествѣ своемъ смѣяться надъ ними.

Сверхъ того онъ назывался еще Магомъ, волшебникомъ, Алхимистомъ и Богъ знаетъ, чѣмъ! Искусство его состояло въ нѣкоторыхъ таинствахъ, занятыхъ имъ отъ служанки одного чернокнижника, и чудесныхъ для простыхъ людей. Не умѣя превращать другихъ (хотя и хвалился симъ волшебствомъ), онъ самъ превращался, во что хотѣлъ, и подобно Хамелеону являлся въ тысячи видахъ, смотря по людямъ и обстоятельствамъ. Домъ его, построенный изъ гнилушекъ, казался великолѣпнымъ, ибо украшенъ былъ — шумихою и фальшивыми бриллїянтами; вездѣ огромныя залы и галлереи, а нигдѣ покойнаго стула, ибо хозяинъ не любилъ, чтобы у него гости засиживались; не любилъ также и кормить ихъ, и для того въ домѣ своемъ не сдѣлалъ кухни. Онъ ласкалъ друзей своихъ, и стращалъ противниковъ; а чтобы дать идею о надменности Госпо-

дина Друида, то сообщаемъ надпись, вырѣзанную имъ на стѣнѣ кабинета своего:

Я всѣхъ сильнѣе на землѣ!
Нахмурюсь — небо въ страшной мглѣ,
И въ тучахъ молнія віется!
Смѣюсь — вселенная смѣется.
Во мнѣ Ноябрь, во мнѣ и Май.
Ты, солнце, для меня сіяешь;
Другихъ же только освѣщаешь
Украдкой или невзначай.

По старой модѣ Оракуловъ онъ всѣмъ любопытнымъ отвѣчалъ темно и двусмысленно, отдавая на волю каждому изъяснять и толковать слова его въ свою пользу. Чудно ли, что люди совѣтовались болѣе съ нимъ, нежели съ истиннымъ Друидомъ, который говорилъ ясно и не всякому по сердцу?

И такъ въ Утопіи было два мудреца, двѣ Принцессы и двѣ партіи, изъ которыхъ одну составляли друзья Элизины съ приставомъ Истины, а другую иностранцы, обманутые ими Утопіяне и ложный мудрецъ, пріятели Арсенины. Главою сихъ послѣднихъ былъ нѣкто Форбесъ, злой, негодной человѣкъ, но лицемѣръ хитрой, ко всѣмъ ласковой, учтивой какъ Обергофмейстеръ Китайскаго Двора. Онъ называлъ родъ свой царскимъ; и хотя не могъ вѣрно дока-

зать того, однакожь никто не могъ доказать и противнаго, ибо ни одинъ человѣкъ не зналъ его рода. У него была цѣлая галлерея предковъ, и внизу всякаго портрета сїяла золотая надпись: *Форбесъ первый*, *Форбесъ вторый*, и проч. такъ, что ему надлежало быть по крайней мѣрѣ Форбесомъ девяносто-девятымъ. Сей человѣкъ — Богъ знаетъ, какъ — разбогатѣлъ, нажилъ друзей, и былъ даже объявленъ Правителемъ до выбора Королевы. Сынъ его, именемъ Фаустинъ, совершенно походилъ на отца; однакожь никто не смѣлъ ему сказать того въ глаза, ибо онъ считалъ себя гораздо умнѣе дражайшаго своего родителя.

Начальникъ другой, то есть доброй партїи, былъ Геродатъ, въ самомъ дѣлѣ царской крови, прекрасный молодой человѣкъ, умный и великодушный. Онъ любилъ Элизу, нѣжно и пламенно; однакожь (о чудо!) убѣгалъ ее — для того, чтобы вдругъ не забыться и не открыть сердечной тайны своей. Ему и на мысль не приходило быть любимымъ и всякая нескромность казалась дерзостїю. Надобно знать, что въ Утопїи еще многїя красавицы сердились за любовныя объявленїя. — И такъ Геродатъ сказалъ Элизѣ единственно то, что онъ радъ будетъ

пожертвовать ей самою жизнїю — и пошелъ къ Форбесу. Читатель знаетъ и того и другова: теперь они въ тайной конференцїи; однакожь мы можемъ подслушать ихъ.

Геродатъ. Мнѣ хотѣлось бы, любезный Форбесъ, чтобы вы хотя разъ въ жизни сказали то, что думаете.

Форбесъ (*про себя*). Сказать, что думаю? я не дуракъ. — (*Въ слухъ*) Любезный Геродатъ! мнѣ еще никогда не случалось быть лицемѣромъ; а теперь поздно учиться.

Геродатъ. У насъ двѣ Принцессы: желаю знать, которая, по вашему мнѣнїю, достойнѣе трона?

Форбесъ. Обѣ, обѣ достойны владѣть цѣлымъ свѣтомъ: Азїею, Африкою, Евро. . .

Геродатъ (*съ усмѣшкою*). Кому вы это говорите? ихъ здѣсь нѣтъ; а я знаю и ту и другую. Скажите только, за которую вы подадите голосъ?

Форбесъ. Голосъ мой не важенъ; онъ въ самомъ дѣлѣ ничего не значитъ.

Геродатъ. То есть, вы считаете его рѣшительнымъ? вѣренъ ли мой переводъ? . . Скажите же, которую хотите возвести на престолъ?

Форбесъ. Которую? . . Объ этомъ надобно хорошенько подумать, все сообразить, и наконецъ . . .

Геродатъ. Подумайте и сообразите; даю вамъ время.

Форбесъ. Теперь не возможно. Надобно изслѣдовать пользу народа, пользу вельможъ, дворянства, средняго состоянія . . .

Геродатъ. А всего болѣе вашу собственную: не правда ли? Теперь все знаю. Слуга покорной!

Онъ всталъ, хлопнулъ дверью, и пошелъ къ колодезю *Истины.* Элиза была уже тамъ. „Великой Друидъ!" сказала она: „ты все знаешь; знаешь и то, что мнѣ хочется быть Королевою."

Друидъ. И мнѣ того хочется, Принцесса; но будешь ли, не знаю. Я не угадываю будущаго; довольно съ насъ знать и настоящее.

Элиза. Скажи только, любитъ ли меня народъ Утопійской? Безъ любви его мнѣ и короны не надобно . . . Еще желаю знать, для чего Геродатъ убѣгаетъ меня?

Друидъ. Всѣ добрые любятъ тебя, а Геродатъ всѣхъ болѣе. Примолвлю еще, что и ты любишь его.

Элиза пришла въ такое смятеніе, что забыла и проститься съ Друидомъ.

Она спѣшила домой, и заперлась въ своемъ кабинетѣ. — Геродатъ не встрѣтился съ нею. Онъ пришелъ съ другой стороны и сказалъ: „Почтенной Друидъ! ты знаешь, что я люблю Элизу болѣе самого себя.“ . . .

Друидъ. Возможно, но едва ли вѣроятно. Однакожь посмотримъ . . . . Вода чиста. Ты сказалъ правду. Что хочешь знать?

Геродатъ. Нѣтъ ли какихъ нибудь злыхъ умысловъ противъ Элизы?

Друидъ. Сердце твое достойно видѣть истину безъ покрова.

Тутъ онъ разсказалъ ему всѣ замыслы Господина Форбеса и примолвилъ: „Это безъ сомнѣнія должно тревожить тебя; но въ утѣшеніе твое скажу, что ты милъ сердцу Элизы.“ — Геродатъ, внѣ себя отъ радости, полетѣлъ къ добродѣтельной Принцессѣ, которая сидѣла въ глубокой задумчивости, и вспыхнула въ лицѣ, какъ скоро его увидѣла.

Геродатъ. О Принцесса! естьли бы вы знали мое щастіе, радостное изумленіе, восторгъ.... Но вамъ уже извѣстна любовь моя.

Принцесса. Естьли бы вы знали также мою робость, замѣшательство, безпокойство....

Геродатъ. Все знаю, прекрасная Элиза! Вы — меня любите!

Принцесса. Какъ?.. Кто вамъ сказалъ?

Геродатъ. Я былъ у Колодезя Истины.

Тутъ любовники замолчали и говорили только одними взорами. Можетъ быть они еще долго бы молчали и смотрѣли другъ на друга, естьли бы не пришелъ къ нимъ одинъ изъ добрыхъ Министровъ покойнаго Короля съ важными бумагами.

Между тѣмъ Форбесъ призвалъ сына и сказалъ ему: „Геродатъ имѣетъ замыслы; надобно предупредить его. Которая изъ двухъ Принцессъ лучше расположена къ тебѣ, ту мы и выберемъ въ Королевы.

Фаустинъ. Онѣ обѣ готовы въ меня влюбиться по уши. Даю вамъ слово, что нынѣшній же день и та и другая будетъ — моя!

Форбесъ. Довольно одной, любезной сынъ; на двухъ не льзя жениться. Скажи, которую ты болѣе любишь?

Фаустинъ. Я люблю одинъ тронъ.

Форбесъ. Обними меня... ты истинный сынъ мой! Поди же къ Принцессамъ — и та, которая захочетъ быть твоею супругою, должна царствовать.

Фаустинъ, запѣвъ Италїянскую арїю, побѣжалъ изъ дому... Но къ кому

итти? къ Элизѣ или Арсенѣ? Онъ не могъ рѣшиться, и зашелъ въ недоумѣнїи своемъ къ ложному Друиду. „Доброй прїятель!“ сказалъ онъ, положивъ ему на плечо руку: „слава Богу! дѣла наши идутъ славно! Все перемѣнилось въ Утопїи. Не давно еще вельможи казались мѣщанами, а теперь мѣщане кажутся вельможами... Но я не объ этомъ говорить хотѣлъ. Надобно быть Царемъ: какъ ты думаешь?

Друидъ. Изволь: я жалую тебя въ Императоры; возьми Утопїю; возьми еще два или три государства.

Фаустинъ. Увижу, которую Принцессу могу ощастливить. — Великодушной другъ! ты знаешь, что я люблю мотовство: не худо дать мнѣ на коронацїю миллїоновъ сто; въ казнѣ, говорятъ, не много денегъ.

Друидъ. Не стыдно ли просить тебѣ миллїоновъ? это бездѣлица. Я дамъ тебѣ мѣшокъ, изъ котораго вѣчно сыплется золото.

Фаустинъ. Какъ щастливо буду царствовать! Но то бѣда, что люди живутъ не долго. Не можешь ли продлить жизни моей вѣка на три?

Друидъ. Вѣка на три? это самой бѣдной подарокъ. Нѣтъ, я дѣлаю тебя безсмертнымъ!

Фаустинъ. Послушай, Друидъ: я худо вѣрю безсмертїю Королей. Ихъ часто жалуютъ въ боги — и кладутъ въ гробы.

Друидъ. Какъ? ты сомнѣваешься въ моей власти? забываешь, что я могу взять луну въ зубы, положить солнце въ карманъ, и сѣсть верхомъ на Сатурна? Постой: увидишь, какова мудрость и сила моя!

Друидъ разсердился не на шутку; заскрыпѣлъ зубами, засверкалъ глазами, стукнулъ ногою, махнулъ волшебнымъ прутомъ — и сводъ дома разступился; жемчугъ, яхонты, алмазы посыпались въ горницу; а тамъ царскїя короны, столь огромныя и тяжелыя, что малѣйшая изъ нихъ могла бы раздавить самую твердую голову. Фаустинъ испугался — и давай Богъ ноги!

Онъ прибѣжалъ къ Элизину дому, отдохнулъ на крыльцѣ, вошелъ съ гордымъ видомъ и сказалъ: „Здравствуйте, Принцесса. Я намѣренъ васъ ощастливить. Хотите ли царствовать? Я сдѣлаю васъ Королевою, а вы меня Королемъ. Сверхъ

того изъ великодушія обѣщаю вамъ тридцать коронъ!

Элиза. Естьли бы я имѣла всѣ вѣнцы на свѣтѣ (которыхъ у васъ нѣтъ и никогда не будетъ), то отдала бы ихъ за щастіе и спокойствіе моихъ подданныхъ.

Фаустинъ. Браво! такія геройскія чувства мнѣ нравятся; эта моя слабость. Но будемъ говорить прямо. Вы имѣете достоинства, любезная Принцесса: я также, говорятъ, запасся ими — мы рождены другъ для друга. Даете ли мнѣ слово?

Элиза. Я никогда не даю слова, естьли не думаю сдержать его.

Фаустинъ, не смотря на безстыдство свое, замѣшался; но скоро опять ободрился и сказалъ: „Я не разумѣю васъ, Принцесса!“

Элиза. Кажется, это ясно.

Фаустинъ. Знаете ли, что я не привыкъ къ отказамъ?

Элиза. А я не привыкла къ обѣщаніямъ, несогласнымъ съ моими чувствами.

Фаустинъ разсердился, и сказавъ разъ десять: „прекрасно! хорошо! увидимъ!“ побѣжалъ къ Арсенѣ. Тамъ совсѣмъ другое дѣло; тамъ его слушали, ласкали, хвалили. Арсена и Фаустинъ обкуривали другъ друга ѳиміамомъ

дести, такъ, что головы ихъ закружились отъ чаду. На помощь къ нимъ явились ложной Друидъ и Форбесъ; разсуждали, дѣлали планы, и ни мало не сомнѣвались въ успѣхѣ — мудрено ли, когда онъ зависѣлъ отъ большинства голосовъ? Извѣстно, какихъ людей болѣе въ свѣтѣ!

Насталъ день народнаго собранія. Вельможи заняли первыя мѣста въ амфитеатрѣ; а народъ сѣлъ надъ ними въ нѣсколько рядовъ, такъ, что вездѣ торчали головы. Хотя друзья Арсенины и Элизины сидѣли вмѣстѣ, безъ разбора; однакожь всякой могъ различать ихъ: головы первыхъ вертѣлись какъ флюгеры отъ малѣйшаго вѣтерка, а другіе не шевелились какъ бюсты — Римскіе или Греческіе.

Въ семъ народномъ собраніи, хотя и не Французскомъ, также говорили рѣчи; также спорили, шумѣли, бранились и готовы были драться; то есть, два войска стали другъ противъ друга и ждали только знака, чтобы вступить въ кровопролитное сраженіе.

Геродатъ, желая отвратить такое бѣдствіе, предложилъ рѣшить дѣло поединкомъ. Согласились. Форбесъ, глава Арсениной партіи, былъ старъ; и такъ сыну его надлежало отвѣдать щастья

съ Геродатомъ. Учтивый, скромный Фаустинъ снялъ шляпу, ходилъ изъ шеренги въ шеренгу, и всякому уступалъ свое мѣсто; но никто не хотѣлъ употребить во зло его снисхожденія, и единодушно оставили ему честь поединка. Не чего было дѣлать; надлежало драться. Фаустинъ упросилъ Геродата отложить поединокъ до слѣдующаго дня; съ блѣднымъ лицомъ пришелъ къ Друиду, и сказалъ ему: „Любезной мой благодѣтель! Геродатъ хочетъ рѣзаться со мною. Я не боюсь; однакожь — не худо бы, естьли бы ты, по старой дружбѣ къ нашему дому, взялъ на себя мой образъ и поразилъ гордаго непріятеля.“

Друидъ. Не возможно, Принцъ. Вѣчныя судьбы хотѣли, чтобы я не въ силахъ былъ вредить Геродату.

Фаустинъ. Что же дѣлать?

Друидъ. Я махну прутомъ своимъ, и ты будешь смѣлѣе.

Фаустинъ. Я, кажется, по милости твоей уже безсмертенъ?

Друидъ. Разумѣется, что прежде надобно тебѣ заслужить безсмертіе какимъ нибудь славнымъ дѣломъ. На примѣръ: естьли Геродатъ убьетъ тебя, ты будешь вѣчно жить въ Утопійскихъ лѣтописяхъ.

Фаустинъ. О! слуга покорной! я хочу жить на землѣ.

Друидъ, видя, что отъ него не отдѣлаться, сказалъ ему съ улыбкою: „когда такъ, изволь, любезной Принцъ: ты безсмертенъ! вѣрь словамъ моимъ.“

Однакожь Фаустинъ не совсѣмъ повѣрилъ тому, и вздумалъ на всякой случай зайти къ Колодезю Истины. „Мнѣ говорятъ, что я безсмертенъ,“ сказалъ онъ тамошнему Друиду: „правда ли это?“ — Друидъ взглянулъ на него съ сожалѣнїемъ и пожалъ плечами. — „Не уже ли ты думаешь, что я не могу имѣть права на безсмертїе?“ — Друидъ молчалъ. — „Что же ты молчишь? Должность твоя говорить людямъ правду.“

Друидъ. Могу сказать тебѣ одну: не всякую правду хорошо знать.

Фаустинъ. Для чего же? развѣ мои достоинства не извѣстны цѣлому свѣту?

Друидъ. Не всякую правду хорошо сказывать.

Фаустинъ. Что ты думаешь? развѣ я шалунъ, негодяй, трусъ....

Друидъ. Не всякую правду хорошо сказывать.

Фаустинъ разсердился до крайности, и побѣжалъ домой оградить свое безсмертїе огромными латами; влѣзъ въ нихъ

какъ улитка въ свой домикъ, и взялъ щитъ, за которой по нуждѣ могли бы спрятаться человѣкъ двадцать. Геродатъ пришелъ съ однимъ мечемъ, увидѣлъ на мѣстѣ сраженія только ужасной щитъ, и долженъ былъ рукою оттолкнуть его въ сторону, чтобы найти своего непріятеля. Фаустинъ въ ту же секунду съ великою учтивостью отдалъ ему свой мечь.... Дѣло кончилось къ стыду Арсениныхъ друзей и къ славѣ Геродата, который, будучи побѣдителемъ, имѣлъ право назначить родъ испытаній для мудрости обѣихъ Принцессъ. Главное состояло въ томъ, чтобы онѣ на мѣстѣ рѣшили трудную, запутанную тяжбу, въ доказательство ума своего. Сверхъ того всякая изъ нихъ цѣлую недѣлю должна была допускать къ себѣ всѣхъ людей безъ различія состояній, отъ крестьянина до Герцога; ибо жители Утопійскіе думали, что Государямъ надлежитъ знать своихъ подданныхъ, а подданнымъ Государя. И такъ обѣ Принцессы давали обѣды, ужины и праздники; но какая розница! Элиза принимала всѣхъ милостиво, безъ униженія и гордости; она была привѣтлива среди народа, не давая чувствовать, что снисходитъ къ нему; ласкала знатныхъ, не допуская

ихъ до излишней смѣлости, и каждымъ словомъ, каждымъ взоромъ доказывала, что ей не учиться царствовать. Арсена напротивъ того не хотѣла взглянуть на добрыхъ мѣщанъ, а съ вельможами обходилась съ излишнею короткостїю, и даже льстила имъ.

За столомъ у Арсены играли первую ролю Форбесъ, Фаустинъ и ложный Друидъ. Первой углублялся въ Политику, второй хвалился благосклонностїю женщинъ, а Друидъ говорилъ по-Еврейски и пилъ какъ слонъ. Самый первый обѣдъ открылъ онъ какимъ-то мистическимъ или (что все одно) коммерческимъ дѣйствїемъ. Сказавъ, что ему надобно употребить нѣкоторое волшебство въ пользу Арсены, мудрецъ нашъ велѣлъ принести ларчикъ, написалъ на немъ странныя фигуры и сказалъ, чтобы всѣ клали въ него золотыя деньги. Люди простые, то есть не Философы, безъ дальнѣйшаго разсужденїя и съ великимъ усердїемъ наполняли его шкатулу; но нѣкоторые вольнодумцы усомнились, и сказали съ удивленїемъ: какъ, великїй мудрецъ! ты повелѣваешь всею Натурою и берешь съ насъ деньги? „Бѣдные люди!“ отвѣчалъ онъ: „вы не знаете, что говорите! Я должен подкупить для Арсены земныхъ

„духовъ, которые не берутъ магическаго „золота моего, а требуютъ обыкновен- „наго; у нихъ грубой вкусъ.“

Честный Друидъ не могъ самъ быть у Элизы, исполняя должность вѣрнаго стража при Колодезѣ Истины, гдѣ хранились еще царская корона и *покровъ бѣдствія*: одна для награды добродѣтелей, другой для наказанія злодѣяній. Сей покровъ надѣвали на государственныхъ преступниковъ . . . Читатели не должны забывать его; въ концѣ исторіи онъ будетъ играть великую ролю.

Желая чѣмъ нибудь изъявить отмѣнное усердіе Элизѣ, Друидъ послалъ ей нѣсколько бутылокъ воды изъ Колодезя Истины. Сія вода была такого свойства, что всякой, випивъ ея хотя каплю, говорилъ правду съ величайшею искренностію. Добродушные Элизины гости не боялись такого чуднаго дѣйствія; но опорожнивъ бутылки три, начали говорить болѣе обыкновеннаго, и спѣшили открыть тайны сердца своего, которыя имъ самимъ были не совсѣмъ извѣстны. На примѣръ, одна красавица сказала: „ахъ! какъ хочется за-мужъ!“ другая: „какъ наскучилъ мнѣ мужъ!“ третья: „какъ дорого стоитъ мнѣ добродѣ- „тель!“ . . . Но мы замолчимъ, чтобы не

употребить во зло ихъ милой искренности. Довольно знать, что въ свѣтѣ, и даже въ Утопіи нѣтъ совершенной добродѣтели, и что самые лучшіе люди имѣютъ нужду въ скромности. Министры, Генералы, судьи, всѣ признавались въ маленькихъ слабостяхъ, и зала дворца казалась мѣстомъ исповѣди. Элиза и Геродотъ, отъ дѣйствія Друидовой воды, безпрестанно смотрѣли другъ на друга, и такъ нескромно, что языкъ не могъ ничего прибавить къ довершенію ихъ любовной откровенности.

Насталъ день суда. Элиза, по древнему обычаю отцовъ, сѣла на камнѣ подъ тѣнію вѣтвистаго дуба. Арсена велѣла поставить себѣ золотой тронъ съ балдахиномъ, и такъ долго занималась его украшеніемъ, что сестра ея между тѣмъ успѣла рѣшить нѣсколько тяжебныхъ дѣлъ, стараясь всего болѣе мирить противниковъ. На примѣръ, одинъ доброй земледѣлецъ сказалъ: „Великая Государыня! я привелъ къ тебѣ двухъ сосѣдовъ „моихъ, которые по крайней мѣрѣ разъ „семь въ недѣлю вцѣпляются въ волосы „другъ другу, и такъ больно дерутся, „что кому нибудь изъ нихъ быть убитымъ, естьли мудрость твоя не пре„кратитъ ихъ вражды. Одинъ изъ нихъ

„живетъ доходомъ отъ вѣтреной мельницы, а другой отъ плодовитаго саду. „Одинъ всякой день молится: *Великой „Юпитеръ! пошли вѣтеръ!* а другой: „*Великой Юпитеръ! пошли тишину, чтобы „плоды мои остались цѣлы на деревахъ!* „Когда зашумитъ вѣтеръ, садовникъ „бѣжитъ драться съ мельникомъ, думая, „что онъ вымолилъ его; а когда сдѣлается тихо, тогда мельникъ нападаетъ на „садовника.“ — Элиза подумала и сказала: „Надобно согласить ихъ пользу, „и ссоры не будетъ; пусть мельникъ „отдастъ половину дохода садовнику, а „садовникъ такую же половину мельнику!“ Они довольны были рѣшеніемъ, и съ того времени жили мирно.

Тутъ начался общій, торжественный судъ. Безчисленные зрители не могли умѣститься на землѣ, и всѣ дерева, окружающія лугъ, были ими унизаны съ верху до низу. Явился Адвокатъ, и началъ говорить такимъ образомъ:

„Альциндоръ, молодой воинъ, любилъ „Альцинду. Они ничего не имѣли. Одна „богатая вдова любила Альциндора; одинъ „богатой старикъ плѣнился Альциндою. „Любовники были великодушны, и рѣшились пожертвовать другъ другу своимъ щастіемъ, зная, что воздухомъ и

„любовью жить невозможно. Альциндоръ „уговаривалъ свою любовницу выти за „стараго богача: Альцинда совѣтовала „ему жениться на богатой вдовѣ. Ихъ „свиданіе было тайное. Они такъ сильно „чувствовали свою жертву, такъ плѣ„нили другъ друга своимъ великодушіемъ, „и такъ нѣжно растрогались, что все „забыли, и положили часто видѣться „въ ожиданіи вѣчной разлуки. Они все „еще хотѣли жертвовать щастіемъ благо„разумію, но откладывали день за день. „Наконецъ открылись нѣкоторые безпо„койные признаки въ разсужденіи Аль„циндина здоровья: она должна была выт„ти скорѣе за богача.

„Черезъ девять мѣсяцевъ, или еще „ранѣе, Альцинда родила дочь и отдала „ее кормить женѣ сего добраго земледѣль„ца — (Адвокатъ указалъ рукою на чело„вѣка, который стоялъ подлѣ него). Быв„шая вдова, жена Альциндорова, также „родила дочь, и сама умерла. Альциндоръ „отдалъ своего младенца на воспитаніе „тому же земледѣльцу. Онъ все еще лю„билъ Альцинду, хотя они уже не вида„лись другъ съ другомъ. Альцинда кля„лась быть вѣрною супругою — и была.

„Она съ мужемъ своимъ уѣхала на „три года въ чужую землю; Альциндоръ

„сражался съ непріятелями отечества; „они не видали дѣтей своихъ. Одна изъ „дѣвочекъ умерла. Альциндоръ и мужъ „Альциндинъ спорятъ о той, которая „жива. Добрый земледѣлецъ! говори.“

Поселянинъ выступилъ и сказалъ: „Такъ, свѣтлѣйшія Принцессы! отцы „спорятъ. Жена моя любила дѣвочекъ „равно, называла однимъ именемъ, и „сама умерла, не сказавъ мнѣ, кому при„надлежитъ оставшійся младенецъ.“

Арсена, ни мало не подумавъ, рѣшила, что всего лучше отдать дѣвочку тому отцу, который богатѣе. Ложный Друидъ, Форбесъ и друзья ихъ закричали: *браво!* Но Элиза сказала: „Не такъ скоро! „Можетъ быть сама Природа въ семъ „случаѣ рѣшитъ неизвѣстность. Аль„цинда видѣла ли младенца?“ — Нѣтъ, отвѣчали ей. — „И такъ, продолжала „Элиза, приведите дѣвочку вмѣстѣ съ „шестью другими равныхъ съ нею лѣтъ: „пусть мать выбираетъ!“

Исполнили повелѣніе. Альцинда взглянула на дѣвочекъ, и бросилась цѣловать одну изъ нихъ, говоря: „вотъ моя дочь!“ Земледѣлецъ съ удивленіемъ сказалъ: „она точно выбрала нашу питомицу!“ Альцинданъ мужъ хотѣлъ обнять дѣвочку; но она закричала, ушла отъ него,

схватила за руку Альциндора, который стоялъ недалеко, и сказала: „вотъ мой отецъ!“

Друзья Арсенины ободрились. „Природа, говорили они, открыла истину матери, но обманываетъ дочь: слѣдственно ей не льзя вѣрить.“ — Элиза сказала: „Природа указала матери дочь; законъ долженъ дать ей отца.“ . . . Въ сїю минуту большая вѣтвь, на которой сидѣли люди, отломилась отъ дуба, ударила въ голову Альциндина мужа и до смерти убила его.

Альцинда овдовѣла. Альциндоръ все еще страстно любилъ ее. Природа, можетъ быть, не обманула младенца, который назвалъ его отцомъ своимъ. Элиза рѣшила, что Альциндоръ долженъ жениться на Альцинидѣ, и всѣ зрители были ея мнѣнїя. Самые друзья Арсенины искренно удивлялись Элизиной мудрости.

Вдругъ сдѣлался шумъ; закричали: „Друидъ!“ и Друидъ явился... Всѣ ужаснулись: ибо онъ явился не съ царскою короною, какъ ожидали, а съ *покровомъ бѣдствїя*; медленно и торжественно приближился къ Элизѣ и бросилъ его на ея голову . . . Грянулъ страшный громъ; буря засвистала, и люди какъ осеннїе листья полетѣли съ деревъ. Никто ничего не взви-

дѣлъ; всѣ какъ сумасшедшіе бѣгали взадъ и впередъ, стукаясь лбами въ густомъ мракѣ.

Одинъ Геродатъ не потерялъ головы. „Элиза преступница?“ думалъ онъ:“ невозможно! Это конечно привидѣніе; надобно открыть истину.“ — Не смотря на ужасную темноту, онъ побѣжалъ къ Колодезю Истины; но и тамъ густая мгла не дозволяла ничего видѣть. Геродатъ три раза громко произнесъ имя Элизы, три раза махнулъ мечемъ, и туманъ разсѣялся. Кристальный источникъ явился во всей своей прозрачности. Почтенный Друидъ стоялъ на берегу его и держалъ за руку Элизу, которая сіяла Ангельскою красотою. Народъ весь прибѣжалъ за Геродатомъ.

Друидъ надѣлъ корону на Элизу и сказалъ народу: „Боги правосудны и „страшнымъ образомъ наказали гнусную „клевету. Взгляните: вотъ трупъ ложнаго Друида, пораженнаго громомъ! Все „видѣнное вами было ничто иное, какъ „привидѣніе и волшебство злаго чародѣя. „Элиза есть ваша законная Царица, а „Геродатъ супругъ ея.“

Радостныя восклицанія загремѣли въ воздухѣ. Арсена, Форбесъ и Фаустинъ блѣднѣли и трепетали. Надежда и слава

ихъ исчезла. Добродѣтель въ здѣшнемъ свѣтѣ сильнѣе всякаго волшебства.

Я съ радостїю описалъ бы всѣ праздники и веселья, бывшїе въ Утопїи по случаю Элизиной свадьбы; но признаюсь, что не нашелъ о томъ ни слова въ лѣтописяхъ. Даже и газеты тогдашняго времени молчали о царскихъ балахъ и погребенїяхъ, а говорили только, по невѣжеству людей, о добродѣтеляхъ Государей, ихъ мудрыхъ законахъ, благѣ отечества и тому подобномъ вздорѣ — о чемъ я говорить не намѣренъ, боясь, чтобы моя исторїя не показалась тогда романомъ.

II.

О случаяхъ и характерахъ въ Россїйской Исторїи, которые могутъ быть предметомъ Художествъ.

Письмо къ Господину N. N.

Мысль задавать художникамъ предметы изъ отечественной Исторїи достойна вашего Патрїотизма и есть лучшїй способъ оживить для насъ ея великїе характеры и случаи, особливо пока мы еще не имѣемъ краснорѣчивыхъ Историковъ,

которые могли бы поднять изъ гроба знаменитыхъ предковъ нашихъ и явить тѣни ихъ въ лучезарномъ вѣнцѣ славы. Таланту Рускому всего ближе и любезнѣе прославлять Руское, въ то щастливое время, когда Монархъ и Самое Провидѣнїе зовутъ насъ къ истинному народному величїю. Должно прїучить Россїянъ къ уваженїю собственнаго; должно показать, что оно можетъ быть предметомъ вдохновенїй Артиста и сильныхъ дѣйствїй Искусства на сердце. Не только Историкъ и Поэтъ, но и живописецъ и ваятель бываютъ органами Патрїотизма. Естьли историческїй характеръ изображенъ разительно на полотнѣ или мраморѣ, то онъ дѣлается для насъ и въ самыхъ лѣтописяхъ занимательнѣе; мы любопытствуемъ узнать источникъ, изъ котораго художникъ взялъ свою идею, и съ бо́льшимъ вниманїемъ входимъ въ описанїе дѣлъ человѣка, помня, какое живое впечатлѣнїе произвелъ въ насъ его образъ. Я не вѣрю той любви къ отечеству, которая презираетъ его лѣтописи, или не занимается ими; надобно знать, что любишь; а чтобы знать настоящее, должно имѣть свѣдѣнїе о прошедшемъ.

Вы говорите о трехъ историческихъ картинахъ, уже написанныхъ въ нашей Академіи Художествъ: содержаніе ихъ достойно похвалы. *Взятіе Казани*, *избраніе Михаила Ѳеодоровича* и *Полтавское сраженіе* представляютъ намъ важныя эпохи Россійской Исторіи. Разрушеніе Казанскаго царства запечатлѣло независимость Россіи, славно освобожденной отъ ига Татарскаго дѣдомъ Царя Іоанна Васильевича, истинно великимъ Княземъ Іоанномъ. Съ воцареніемъ Романовыхъ отечество наше — говоря простыми Рускими словами — *увидѣло свѣтъ*: мятежи прекратились, и Россія начала возрастать въ величіи и славѣ съ какою-то удивительно-стройною постепенностію. А Полтавское сраженіе утвердило или, лучше сказать, основало первенство Россіи на сѣверѣ. Я надѣюсь, что художники, почтивъ такимъ образомъ сіи три важныя эпохи, удовлетворили и всѣмъ особеннымъ требованіямъ Искусства въ изображеніи дѣйствія.

Зная совершенно Исторію нашу, имѣя вкусъ просвѣщенный и любовь къ художествамъ, которая уже предполагаетъ основательныя свѣдѣнія въ ихъ правилахъ и красотахъ, вы еще хотите совѣтоваться съ другими въ разсужденіи даль-

нѣйшаго выбора предметовъ для живописцевъ и ваятелей. Мнѣ остается быть благодарнымъ за честь вашей довѣренности — и безъ дальнѣйшихъ оговорокъ пустой учтивости отдаю вамъ на судъ нѣкоторыя мысли свои, не вмѣшиваясь въ права художниковъ, а говоря единственно какъ любитель отечественной Исторіи, имѣющій только самую легкую идею о красотахъ Искусства.

Я желалъ бы видѣть на картинѣ самое начало Россійской Исторіи, то есть, призваніе Варяжскихъ Князей въ Славянскую землю. Художникъ могъ бы изобразить трехъ славныхъ братьевъ съ товарищами ихъ на ловлѣ, которая была любимымъ упражненіемъ сѣверныхъ народовъ. Послы Славянъ, Чуди и Кривичей окружаютъ Рюрика; они уже сказали ему все то, что заставляетъ ихъ говорить Несторъ. Рюрикъ, опершись на лукъ свой, задумался. Синеусъ и Труворъ (или, справедливѣе, Триворнъ) совѣтуются между собою. Нѣкоторые изъ ихъ товарищей занимаются ловлею; другіе, узнавъ о прибытіи Славянъ, спѣшатъ къ нимъ. Послы говорятъ другъ съ другомъ, удивляясь величественной красотѣ Варяжскихъ Князей. Взоры ихъ всего болѣе обращаются на глубокомысленнаго Рюрика,

съ желаніемъ, чтобы онъ согласился повелѣвать землею Славянскою, богатою, прекрасною, но смятенною внутренними раздорами. — Художникъ отличитъ лица Славянскія отъ Варяжскихъ: первыя должны быть нынѣшнія Рускія, а за образецъ послѣднихъ надобно взять Шведскія, Норвежскія или Датскія. Варяги были Норманцы: симъ общимъ именемъ назывались, какъ извѣстно, жители упомянутыхъ трехъ земель.

Естьли бы Гостомыслъ былъ въ самомъ дѣлѣ историческимъ характеромъ, то мы конечно бы захотѣли его изображенія; но Несторъ не говоритъ объ немъ ни слова; а всѣ другія лѣтописи слишкомъ новы, баснословны и списаны съ Польскихъ, также весьма новыхъ и баснословныхъ. Я бьюсь объ закладъ, что прежде 16 вѣка, или прежде Стриковскаго, нигдѣ не упоминалось о Гостомыслѣ; Несторъ жилъ въ первомъ-надесять и не имѣлъ объ немъ идеи. Это кажется мнѣ рѣшительнымъ. — Вадимъ *храбрый* принадлежитъ также къ баснословію нашей Исторіи.

Олегъ, побѣдитель Грековъ, героическимъ характеромъ своимъ можетъ воспламенить воображеніе художника. Я хотѣлъ бы видѣть его въ ту минуту, какъ

онъ прибиваетъ щитъ свой къ Цареградскимъ воротамъ, въ глазахъ Греческихъ вельможъ и храбрыхъ его товарищей, которые смотрятъ на сей щитъ какъ на вѣрную цѣль будущихъ своихъ подвиговъ. Въ эту минуту Олегъ могъ спросить: *кто болѣе и славнѣе меня въ свѣтѣ?*

Сей же Князь можетъ быть предметомъ картины другова роду — *философической*, естьли угодно. Во всякихъ старинныхъ лѣтописяхъ есть басни, освященныя древностїю и самымъ просвѣщеннымъ Историкомъ уважаемыя, особливо, естьли онѣ представляютъ *живыя черты времени*, или заключаютъ въ себѣ мораль, или остроумны. Такова есть басня о смерти Олеговой. Волхвы предсказали ему, что онъ умретъ отъ любимаго коня своего. Геройство не спасало тогда людей отъ суевѣрїя: Олегъ, повѣривъ волхвамъ, удалилъ отъ себя любимаго коня; вспомнилъ объ немъ черезъ нѣсколько лѣтъ — узналъ, что онъ умеръ — захотѣлъ видѣть его кости — и толкнувъ ногою черепъ, сказалъ: „это ли для меня опасно?“ Но змѣя скрывалась въ черепѣ, ужалила Олега въ ногу, и Герой, побѣдитель Греческой Имперіи, умеръ отъ насѣкомаго. Впечатлѣнїе сей картины должно быть (какъ я сказалъ) фило-

софическое, моральное: *помни тлѣнность человѣческой жизни!* Я изобразилъ бы Олега въ то мгновенїе, какъ онъ съ видомъ презрѣнїя отталкиваетъ черепъ; змѣя выставляетъ голову, но еще не ужалила его: чувство боли и выраженїе его непрїятны въ лицѣ геройскомъ. За нимъ стоятъ воины съ Греческими трофеями, въ знакъ одержанныхъ имъ побѣдъ. Въ нѣкоторомъ отдаленїи можно представить одного изъ волхвовъ, который смотритъ на Олега съ видомъ значительнымъ.

Ольга есть Героиня нашихъ древнихъ лѣтописей, которыя разсказываютъ чудеса объ ея хитрости. Художнику должно воспользоваться симъ знаменитымъ историческимъ характеромъ: ему остается выбрать любое изъ десяти возможныхъ *представленїй.* Захочетъ ли онъ изобразить Ольгу въ ту минуту, какъ она, пылая местїю въ сердцѣ за убїенїе супруга, и скрывая гнѣвъ свой подъ видомъ ласки, принимаетъ у себя въ теремѣ пословъ Древлянскихъ; или когда на могилѣ Игоревой отправляетъ тризну (что подаетъ художнику случай представить древнїе обряды язычества); или когда она, среди торжественнаго великолѣпїя Греческой Религїи, крестится въ Царѣ-Градѣ. Но я знаю, что художники

не любятъ старыхъ женскихъ лицъ: а Ольга въ это время была уже не молода. И такъ они могутъ изобразить ея сговоръ. На примѣръ: Олегъ подводитъ ее къ молодому Игорю, которой съ восхищенїемъ радостнаго сердца смотритъ на красавицу, невинную, стыдливую, воспитанную въ простотѣ древнихъ Славянскихъ нравовъ. За нею стоитъ мать ея, о которой нѣтъ хотя ни слова въ лѣтописяхъ, но которая присутствїемъ и благороднымъ видомъ своимъ должна дать намъ хорошую идею о нравственномъ образованїи Ольги: ибо во всякомъ вѣкѣ и состоянїи одна нѣжная родительница можетъ наилучшимъ образомъ воспитать дочь. Живописецъ изобразитъ приготовленїя къ сговору по своей фантазїи. Одинъ почтенный Россїянинъ думаетъ, что Славяне не имѣли жрецовъ: не смѣю противорѣчить ему, и знаю, что Несторъ объ нихъ не упоминаетъ, говоря только о волхвахъ; однакожь Артистъ могъ бы представить на сей картинѣ священныхъ служителей Лады и Полели, чтобы обогатить ея содержанїе.

Никто изъ древнихъ Князей Россїйскихъ не дѣйствуетъ такъ сильно на мое воображенїе, какъ Святославъ, не только храбрый витязь, не только ужасъ

Грековъ (которые страшали дѣтей своихъ именемъ *Сфендосвлава*: такъ они называли его), но и прямодушный рыцарь. Еще дѣтскою рукою бросивъ копье въ Древлянъ, убійцъ его родителя, онъ не только всю жизнь свою провождалъ въ полѣ, дѣлилъ нужду и труды съ вѣрными товарищами, спалъ на сырой землѣ, подъ открытымъ небомъ; но, любя славу, любилъ и строгую воинскую честность. Несторъ, скупой на слова, не забылъ сей великой черты характера его: *Святославъ никогда не хотѣлъ нападать нечаянно, но всегда напередъ объявлялъ войну* (что, въ тогдашнія варварскія времена, было безпримѣрно). Сей Герой любезенъ намъ и по тому, что въ жилахъ его текла уже кровь Славянская, и что онъ первый изъ Рускихъ Князей назывался именемъ языка нашего. Рюрикъ, Олегъ, Игорь, были иностранцы; Святославъ родился отъ Славянки. Художникъ, знакомый съ *мысленнымъ образцемъ* Геройства и съ духомъ времени, представитъ намъ, какъ сей древній Суворовъ Россіи, привыкнувъ надѣяться на судьбу, видитъ себя окруженнаго со всѣхъ сторонъ Греками. Вѣрная дружина его, изумленная ихъ безчисленнымъ множествомъ, въ первый разъ уныла: побѣда казалась ей

наконецъ невозможною. Святославъ говоритъ рѣчь, достойную Спартанца или Славянина: рѣчь, которую всѣ наши Историки хотѣли украсить, но которая прекрасна только въ Несторѣ, и безъ сомнѣнія не есть выдумка: ибо сей доброй старецъ не умѣлъ бы такъ хорошо выдумать. Князь, сказавъ: *лежемъ здѣ костьми; мертвые бо срама не имутъ*, обнажаетъ мечь свой: вотъ минута для живописца! Святославовы витязи (которыхъ онъ изобразитъ, сколько хочетъ) въ быстромъ движеніи геройскаго вдохновенія также извлекаютъ мечи, машутъ копьями, гремятъ щитами, и проч. Вдали можно представить Греческій необозримый станъ. — Думаю, что искусный Артистъ найдетъ способъ оживить сію картину.

Владиміра хотѣлъ бы я видѣть въ то мгновеніе, какъ Епископъ Корсунскій, возложивъ на него послѣ крещенія руку, возвращаетъ ему зрѣніе. Сею картиною ознаменовалась бы великая эпоха въ нашей Исторіи: введеніе Христіянской Религіи, и художникъ могъ бы обнаружить весь свой талантъ въ выраженіи лицъ Владиміра, Царевны Анны, и въ щастливомъ расположеніи другихъ фигуръ: Греческихъ вельможъ, Духовныхъ и Владиміровыхъ полководцевъ.

Въ разсужденіи Царевны я замѣтилъ бы одно: лицо ея должно сіять только небесною, благочестивою радостію; она выходитъ за Владиміра не по земной любви, а желая единственно обратить его въ Христіянство.

Кто безъ жалостнаго чувства можетъ вообразить прекрасную и нещастную Ротнѣду, названную отъ великихъ горестей ея трогательнымъ именемъ *Гориславы*? Владиміръ разорилъ отечество ея, умертвилъ родителей, братьевъ, и, къ довершенію своихъ жестокостей (*), женился на сей отчаянной плѣнницѣ. Онъ могъ бы еще вѣрною любовію примирить съ собою нѣжное сердце женщины; но, удовлетворивъ страсти, Князь хочетъ удалить супругу. Тогда оскорбленная любовь возобновляетъ въ памяти своей всѣ злодѣянія жестокаго и неблагодарнаго Владиміра, и Горислава, подкрѣпляемая ученіемъ языческой вѣры, которая спасила месть въ число добродѣтелей, рѣшится умертвить его. Онъ въ послѣдній разъ приходитъ къ ней и засыпаетъ въ ея теремѣ: Рогнѣда беретъ ножъ — медлитъ — и Князь, просыпаясь, вырываетъ смертоносное ору-

(*) Это было до его крещенія. Святая Религія еще не дѣйствовала въ немъ своею благодатію.

жїе изъ дрожащихъ рукъ ея. Тутъ Гориславa, въ изступленїи отчаянїя, исчисляетъ всѣ свои оскорбленїя и его жестокости.... Я, кажется, вижу передъ собою изумленнаго и наконецъ тронутаго Владимїра; вижу нещастную, вдохновенную сердцемъ Гориславу, въ безпорядкѣ ночной одежды, съ растрепанными волосами... Комната освѣщена лампадою; видны только самыя простыя украшенїя и рѣзный образъ Перуна, стоящїй въ углу. Владимїръ приподнялся съ ложа и держитъ въ рукѣ вырванный имъ ножъ; онъ слушаетъ Рогнѣду съ такимъ вниманїемъ, которое доказываетъ, что ея слова уже глубоко проникли къ нему въ душу. — Мнѣ кажется, что сей предметъ трогателенъ и живописенъ.

Бой славнаго въ нашихъ лѣтописяхъ отрока Переяславля съ Печенѣжскимъ силачемъ достоинъ искусной кисти. Художникъ самъ выберетъ *моментъ* (*): изобразитъ ли ихъ въ усилїяхъ борьбы, въ напряженїи всѣхъ мускуловъ, или въ то мгновенїе, какъ Руской ударилъ головою Печенѣга, и какъ сей падаетъ? Эта побѣда была спасительна для отечества: Владимїръ, въ честь отрока, назвалъ его

(*) Слово техническое, котораго смыслъ едва ли можно выразить *мгновенїемъ*.

именемъ новый городъ Переяславль. Кажется, что надобно представить только двухъ свидѣтелей сего поединка: Князей Печенѣжскаго и Рускаго, которые берутъ въ немъ живое участіе. Художникъ могъ бы показать великое искусство въ выразительной игрѣ ихъ лица и движеній. — Въ семъ же родѣ можно написать еще двѣ картины: бореніе Мстислава, Князя Тмутараканскаго, съ Касожскимъ Княземъ Редедею, великаномъ и богатыремъ (которого онъ, послѣ многихъ тщетныхъ усилій, наконецъ ударивъ объ землю, ступилъ ему ногою на горло), и поединокъ — правда, баснословный — Владиміра Мономаха съ Генуэзскимъ (Ка[illegible]имъ или Ѳеодосійскимъ) воеводою, ко[illegible]го онъ махомъ копья *изъ сѣдла выса[illegible]ло*, и, связавъ, привелъ вооруженнаго къ своему войску (*).

Ярославъ, сынъ Владиміровъ, хотѣлъ просвѣтить Россію, учреждалъ школы, давалъ законы, велѣлъ перевести многія книги на Славянской языкъ. Вотъ мысль для картины: „Ярославъ одною рукою „развертываетъ свитокъ законовъ, а въ „другой держитъ мечь, готовый наказать „преступника. Вельможи Новогородскіе

(*) Несторъ не говоритъ о томъ. Даже и Генуэзцевъ еще не было тогда въ Тавридѣ.

„становятся на колѣна и съ видомъ сми-
„ренія пріемлютъ ихъ отъ Князя и меча
„его. За Ярославомъ стоятъ монахи съ
„переведенными книгами, въ знакъ того,
„что онъ въ нихъ почерпнулъ нѣкоторыя
„идеи для своего законодательства.“ —
Хорошо также изобразить Ярослава моля-
щагося въ полѣ передъ сраженіемъ съ лю-
тымъ Святополкомъ, на восходѣ солнца,
и на самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ пролилась
кровь святаго Бориса, за которую Яро-
славъ хотѣлъ быть мстителемъ.

Нѣкоторые изъ Критиковъ Россійской
Исторіи не хотятъ вѣрить, чтобы Ген-
рихъ I, Король Французскій, былъ же-
натъ на Ярославовой дочери Аннѣ, по
тому, что лѣтописи наши молчатъ о
семъ бракѣ; что отдаленная Франція не
имѣла тогда никакой связи съ Россіею,
и что различіе вѣръ долженствовало быть
препятствіемъ для такого союза. На сію
критику возражаемъ: 1) что наши лѣто-
писи весьма не полны; 2) что всѣ Фран-
цузскія согласно называютъ супругу
Генриха *Руской Принцессою* Анною, до-
черью Ярослава (имена, которыя безъ
сего случая едва ли могли бы имъ быть
извѣстны); 3) что еще гораздо прежде
(въ девятомъ вѣкѣ, по лѣтописямъ Бер-
тинскаго монастыря) были уже во Фран-

дїи послы Рускїе; что войны и трактаты нашихъ Князей съ Константинополемъ, съ Польшею и Венгрїею, распространяли ихъ славу въ Европѣ; 4) что Политика могла заставить и Генриха и Ярослава войти въ сей союзъ, и что привязанность одного къ Восточной, а другова къ Западной Церкви, долженствовала уступить государственной пользѣ: ибо люди едва ли не всегда предпочитали земныя выгоды небеснымъ. Однимъ словомъ, замужство Анны Ярославовны имѣетъ всю историческую достовѣрность — и я хотѣлъ бы оживить на полотнѣ сїю любезную Россїянку; хотѣлъ бы видѣть, какъ она со слезами принимаетъ благословенїе Ярослава, отдающаго ее Посламъ Французскимъ. Это занимательно для воображенїя и трогательно для сердца. Оставить навсегда отечество, семейство и милые навыки скромной дѣвической жизни, чтобы ѣхать на край свѣта, съ людьми чужими, которые говорили непонятнымъ языкомъ и молились (по тогдашнему образу мыслей) другому Богу!... Здѣсь чувствительность должна быть вдохновенїемъ Аріриста . . . Князь хочетъ казаться твердымъ; но горячность родительская въ сїю минуту превозмогаетъ Политику и честолюбїе: слезы готовы

излиться изъ глазъ его . . . . Нещастная впала въ обморокъ.

Послѣ Владимїра Мономаха видимъ уже менѣе великихъ людей на Княжескихъ тронахъ Россїи. Внутреннїе раздоры занимаютъ воинскую и политическую дѣятельность Владѣтелей. Но художество найдетъ еще богатые для себя предметы, и должно ознаменовать — на примѣръ — важную эпоху начала Москвы. Сказка, что Олегъ основалъ ее, недостойна никакого вниманїя. Онъ шелъ изъ Новагорода къ Кїеву прямо черезъ Смоленскъ и не могъ безъ всякой нужды углубиться въ лѣвую сторону, гдѣ встрѣтили бы его болота и пустыни, которыя не представляли ему ни добычи, ни славы побѣдъ. Вообще надобно замѣтить, что сїи древнїе завоеватели, пролагая себѣ пути къ извѣстной цѣли черезъ мѣста малоизвѣстныя, старались всегда слѣдовать за теченїемъ большихъ рѣкъ, для того, чтобы не имѣть нужды въ водѣ, и что большїя рѣки, вбирая въ себя влажность окрестныхъ мѣстъ, не даютъ образоваться непроходимымъ для войска болотамъ. Такимъ образомъ Днѣпръ привелъ Олега отъ Смоленска къ Кїеву. Въ наше время Историкамъ уже не позволено быть Романистами и выдумывать древнее про-

исхожденіе для городовъ, чтобы возвысить ихъ славу. Москва основана въ половинѣ втораго-надесять вѣка Княземъ Юріемъ Долгорукимъ, храбрымъ, хитрымъ, властолюбивымъ, иногда жестокимъ, но до старости любителемъ красоты, подобно многимъ древнимъ и новымъ Героямъ. Любовь, которая разрушила Трою, построила нашу столицу — и я напомню вамъ сей анекдотъ Руской Исторіи. Прекрасная жена Дворянина Кучки, Суздальскаго Тысящкаго, плѣнила Юрія. Грубые тогдашніе вельможи смѣялись надъ мужемъ, который, пользуясь отсутствіемъ Князя, увезъ жену изъ Суздаля и заключился съ нею въ деревнѣ своей, тамъ, гдѣ Неглинная впадаетъ въ Москву-рѣку. Юрій, узнавъ о томъ, оставилъ армію и спѣшилъ освободить красавицу изъ заточенія. Мѣстоположеніе Кучкина села, украшенное любовью въ глазахъ страстнаго Князя, отмѣнно полюбилось ему: онъ жилъ тамъ нѣсколько времени, веселился, и началъ строить городъ. — Мнѣ хотѣлось бы представить начало Москвы *ландшафтомъ* — лугъ, рѣку, пріятное зрѣлище строенія: дерева падаютъ, лѣсъ рѣдѣетъ, открывая виды окрестностей — небольшое селеніе дворянина Кучки, съ маленькою

церковью и съ кладбищемъ — Князя Юрія, который, говоря съ Княземъ Святославомъ, движеніемъ руки показываетъ, что тутъ будетъ великой городъ — молодые вельможи занимаются ловлею звѣрей. Художникъ, наблюдая строгую нравственную пристойность, долженъ забыть прелестную хозяйку; но вдали, среди крестовъ кладбища, можетъ изобразить человѣка въ глубокихъ, печальныхъ размышленіяхъ. Мы угадали бы, кто онъ — вспомнили бы трагическій конецъ любовнаго романа — и тѣнь меланхоліи не испортила бы дѣйствія картины.

Но я нечувствительно написалъ довольно страницъ; на сей разъ могу кончить, съ живымъ удовольствіемъ воображая себѣ цѣлую картинную галлерею отечественной Исторіи и дѣйствіе ея на сердце любителей Искусства. Руской, показывая чужестранцу достойные образы нашихъ древнихъ Героевъ, говорилъ бы ему о дѣлахъ ихъ, и чужестранецъ захотѣлъ бы читать наши лѣтописи — хотя въ Левекѣ!

Мы приближились въ историческихъ воспоминаніяхъ своихъ къ бѣдственнымъ временамъ Россіи; и естьли живописецъ положитъ кисть, то ваятель возьметъ рѣзецъ свой, чтобы сохранить память

Рускаго геройства въ нещастіяхъ, которыя болѣе всего открываютъ силу въ характерѣ людей и народовъ. Тѣни предковъ нашихъ, хотѣвшихъ лучше погибнуть, нежели принять цѣпи отъ Монгольскихъ варваровъ, ожидаютъ монументовъ нашей благодарности на мѣстѣ, обагренномъ ихъ кровію. Можетъ ли искусство и мраморъ найти для себя лучшее употребленіе? Пусть въ разныхъ мѣстахъ Россіи свидѣтельствуютъ они о величіи древнихъ сыновъ ея! Не въ однѣхъ столицахъ заключенъ Патріотизмъ; не однѣ столицы должны быть сферою благословенныхъ дѣйствій художества. Во всѣхъ обширныхъ странахъ Россійскихъ надобно питать любовь къ отечеству и *чувство народное*. Пусть въ залахъ Петербургской Академіи Художествъ видимъ свою Исторію въ картинахъ; но въ Владиміръ и въ Кіевѣ хочу видѣть памятники геройской жертвы, которою ихъ жители прославили себя въ 13 вѣкѣ. Въ Нижнемъ Новѣгородѣ глаза мои ищутъ статуи Минина, который, положивъ одну руку на сердце, указываетъ другою на Московскую дорогу. Мысль, что въ Рускомъ отдаленномъ отъ столицы городѣ дѣти гражданъ будутъ собираться вокругъ монумента славы, читать надпись и го-

ворить о дѣлахъ предковъ, радуетъ мое сердце. Мнѣ кажется, что я вижу, какъ народная гордость и славолюбіе возрастаютъ въ Россіи съ новыми поколѣніями! . . . А тѣ холодные люди, которые не вѣрятъ сильному вліянію *Изящнаго* на образованіе душъ, и смѣются (какъ они говорятъ) надъ *романическимъ Патріотизмомъ*, достойны ли отвѣта? Не отъ нихъ отечество ожидаетъ великаго и славнаго; не они рождены сдѣлать намъ имя Руское еще любезнѣе и дороже. — Повторимъ истину несомнительную: въ девятомъ-надесять вѣкѣ одинъ тотъ народъ можетъ быть великимъ и почтеннымъ, который благородными Искусствами, Литтературою и Науками способствуетъ успѣхамъ человѣчества въ его славномъ теченіи къ цѣли умственнаго и моральнаго совершенства!

О. О.

III.

Нынѣшній вкусъ.

(Изъ Парижскаго Журнала).

Всѣ парикмахеры увѣряютъ, что наши франты скоро начнутъ пудриться; всѣ портные, что будемъ носить шитые

кафтаны; всѣ шляпники, что плюмажи войдутъ въ моду; всѣ шпажники, что молодые люди и старики опять вооружатся шпагами; башмашники, что воскреснутъ высокїе деревянные каблуки; фабриканты, что бархатъ и шелковыя матерїи замѣнятъ все другое. Однакожь видимъ вездѣ непудреныя головы, фраки и сапоги. Нарядъ въ общей немилости, и всѣ одѣваются на скорую руку.

Прежде во всемъ видна была строгость и важность: въ разговорахъ, въ собранїяхъ, на лицахъ, въ морали и въ самыхъ обыкновенїяхъ: теперь видимъ совершенно противное. Разговоры шумны; общества состоятъ изъ молодыхъ вѣтрениковъ; всѣ лица смѣются; Мораль легка и свободна; а старинныя обыкновенїя забыты. Чѣмъ менѣе одѣта женщина, тѣмъ она лучше одѣта. Снисходительность есть нынѣ модная добродѣтель. Даже Авторы хвалятъ изрѣдка другъ друга; даже красавицы отдаютъ иногда справедливость ихъ совмѣстницамъ. О щастливыя времена!

IV.

Дневныя записки молодой женщины.

(Изъ Парижскаго Журнала.)

Одинъ Моралистъ совѣтуетъ свѣтскимъ людямъ всякой вечеръ записывать, что они дѣлали или говорили въ тотъ день: способъ дѣлать и говорить лучше, болѣе наслаждаться жизнїю или пользоваться временемъ! Вчера я думалъ о томъ, гуляя въ Поляхъ Елисейскихъ, и вдругъ увидѣлъ на стулѣ тетрадку, безъ сомнѣнїя тамъ забытую. Любопытство заставило меня развернуть ее: что же? Я нашелъ въ ней журналъ, подобный тому, который хотѣлось мнѣ вести для себя, но столь различный слогомъ и чувствами, что одна половина казалась записками молодой щеголихи Анпинской улицы (*), а другая Журналомъ старомодной Парижской мѣщанки; но рука была одна. Пусть красавица назоветъ меня нескромнымъ: только я напечатаю въ листахъ своихъ два нумера изъ сего Журнала.

„20 *Августа, въ 8 часовъ утра.* Я проснулась въ великой усталости отъ

(*) Гдѣ живутъ всѣ нынѣшнїе Парижскїе богачи.

вчерашняго бала, и спала очень дурно... Гдѣ Меланида взяла такое *удивительное* покрывало и такую безподобную *звѣзду?* ... Ленваль явно угождаетъ сестрѣ ея. Онъ пожалъ мою руку: боюсь, чтобы глаза мои не сказали ему чего нибудь лишняго. — Праздникъ былъ прекрасной; все великолѣпно, и въ новомъ вкусѣ.... Непремѣнно оставлю своего Ювелира и *Модиста*. . . .

Въ 10 *часовъ.* Звонила нѣсколько разъ; но когда вошла дѣвка, то я побранила ее, что она будитъ меня такъ рано. . . . Лизета растворила окно въ садъ: тамъ пѣлъ садовникъ и малиновка. . . . Я не люблю веселья птичекъ, и тотчасъ велѣла закрыть окно. Спросила книгу; мнѣ подали новый романъ Гражданина Фьеве: онъ вѣчно заставляетъ меня зѣвать. Могла прочитать не болѣе десяти строкъ. . . . Шоколадъ показался мнѣ дуренъ. . . . Я хочу ѣхать верхомъ въ Булонской лѣсъ и пить тамъ свѣжее молоко. . . . Мнѣ пришли сказать, что мужъ мой не въ состояніи удовольствовать своихъ заимодавцевъ и желаетъ говорить со мною; но онъ не знаетъ времени. . . . Лошади для меня готовы. Верваль хотѣлъ ѣхать со мною, и забылъ нашъ уговоръ. Это разсердило меня. Я не могла

пить деревенскаго молока; устала до смерти и, возвратясь, велѣла согнать съ двора конюшаго своего съ женою и съ дѣтми, потому что лошадь моя дорогою споткнулась.

Въ 5 часа. Мужъ мой опять желалъ говорить со мною, но Ювелиръ меня дожидался: это всего нужнѣе. Я сказала, что хочу оставить его: онъ подалъ счетъ. — Я заказала ему звѣзду въ пять разъ дороже моей, и мы разстались друзьями. Черезъ минуту пришелъ Модистъ. Онъ далъ слово сдѣлать къ нынѣшнему балу моему безпримѣрной *тюрбанъ*, какого еще не видали въ Парижѣ. Я согласилась забыть вчерашнее свое отчаянїе.

Въ 5 часовъ. Я была въ *Музеумѣ*: какая скука! . . . заѣзжала въ Лицей: какая тоска! . . . взяла обои у Линьерё, коверъ у Гортье. . . . Мужъ встрѣтилъ меня дома съ печальнымъ лицомъ и хотѣлъ говорить о болѣзни сына *его*; я напомнила ему о сегоднешнемъ балѣ и совѣтовала не пугать гостей нашихъ такимъ осеннимъ видомъ.

Въ 7 часовъ. Мы обѣдали съ модными остроумцами, которыхъ зовемъ для забавы, и которые скучны до смерти. Я спѣшила уйти въ свой кабинетъ съ однимъ молодымъ человѣкомъ; но пришли

гости, и мнѣ надлежало запереться въ своей уборной. Служанки выводили меня изъ терпѣнія. Я надѣвала четыре платья, и выбрала наконецъ самое дурное. Мнѣ все казалось несноснымъ. Въ десятомъ часу поѣхала въ спектакль: тамъ опускали занавѣсъ. Актеры играютъ только для народа, — не для насъ. Въ 11 часовъ начался мой балъ — прекрасной, блестящій; только однихъ гостей я не знала въ лицо, а другіе мнѣ были скучны. Нѣкоторые смотрѣли на меня съ видомъ насмѣшки . . . Я много проиграла въ карты, и во весь этотъ несносной вечеръ страдала какъ въ аду . . . Мужъ мой казался печальнымъ; я также . . . . но должно непремѣнно давать праздники, и я чрезмѣрно обрадовалась, что нашъ балъ кончился.

Журналъ 20 Сентября. Я спала тихимъ и покойнымъ сномъ, хотя два раза вставала для своей маленькой дочери. Въ 7 часовъ гуляла въ саду съ мужемъ своимъ: никогда воздухъ не казался мнѣ столь чистымъ, а мужъ столько любезнымъ! Онъ говорилъ мнѣ о своихъ дѣлахъ и нашихъ дѣтяхъ; а я не сказала ему ни слова о моихъ весельяхъ, и была весела. Мы вмѣстѣ завтракали съ великимъ удовольствіемъ. Въ 8 часовъ я повѣрила

счеты дворецкаго и дала ему награжденіе за то, что онъ сдѣлался гораздо бережливѣе. Потомъ читала Лафонтеновы басни съ моею дочерью. Въ 10 часовъ пришелъ ко мнѣ старинной другъ, о которомъ мы два года не думали, но котораго я нынѣ захотѣла видѣть. Мы долго разговаривали о мужѣ моемъ, о дѣтяхъ нашихъ и воспитаніи ихъ. Онъ предложилъ мнѣ ѣхать къ сыну моему въ пансіонъ, въ которомъ я еще не была ни разу. Бѣдной ребенокъ едва узналъ меня; но я расцѣловала его — спрашивала, какъ его содержатъ и чему учатъ; дала слово всякую недѣлю ѣздить къ нему, и надѣюсь, что онъ уже никогда не забудетъ меня въ лицо. Въ 3 часа я сѣла за форте-піано; дочь моя слушала меня съ великимъ удовольствіемъ. Въ пятомъ часу я одѣлась къ обѣду. У насъ было мало гостей; но за первою перемѣною всѣ много ѣли, за второю много разговаривали, а за десертомъ много смѣялись. Въ 6 мы пили кофе въ саду. Въ семь поѣхали въ Театръ и видѣли *цѣлую* Вольтерову трагедію; возвратясь домой, говорили обо всемъ, кромѣ *модъ*, *баловъ*, *хорошихъ обществъ*, и въ 11 часовъ пошли спать, будучи весьма довольны нынѣшнимъ днемъ.

V.

Общества въ Америкѣ.

(Переводъ съ манускрипта.)

Духъ торговли есть главный характеръ Америки. Всѣ стараются пріобрѣтать. Богатство съ бѣдностію и рабствомъ является въ разительной *противности* (contraste). Собственно такъ называемый народъ имѣетъ весьма не много средствъ наслажденія. Но и самые богачи не знаютъ истинныхъ пріятностей общежитія. Роскошь въ Европѣ соединяетъ людей, а здѣсь она холодна и заключается въ тѣсномъ кругу семейства. Домъ украшенъ богатыми Англійскими мёблями, коврами, а хозяинъ живетъ въ немъ какъ въ неприступной крѣпости; одни рекомендательныя письма Англійскихъ конторъ могутъ ввести иностранца въ здѣшніе богатые домы, и то единственно по купеческимъ связямъ; для ученыхъ и художниковъ двери затворены. Бываютъ изключенія, но правило остается въ своей силѣ. Нѣкоторыхъ извѣстныхъ Писателей, на примѣръ Брисота, отмѣнно ласкали въ Америкѣ для того, чтобы они до небесъ превознесли ея благоденствіе — и многіе нещастные, особливо Нѣмцы,

которыхъ они заманили въ Соединенныя Области, платятъ слезами за свое легковѣрїе.

Я въ разныхъ мѣстахъ пользовался рѣдкимъ щастїемъ быть въ Американскихъ обществахъ; но это щастїе не рѣдко бывало для меня скукою. Главное удовольствїе Американцевъ есть сидѣть долго за столомъ по Англїйскому обычаю; ѣсть и не говорить ни слова, до самой той минуты, какъ принесутъ на столъ бутылки — женщины скрываются, и важные Республиканцы, краснѣя отъ вина, дѣлаются краснорѣчивыми.

Чѣмъ болѣе удаляешься отъ Новой Англїи, тѣмъ менѣе находишь общественныхъ прїятностей и вкуса въ жизни. Люди богаты и грубы; особливо въ Филадельфїи, гдѣ богачи живутъ только для себя, въ скучномъ единообразїи — ѣдятъ и пьютъ. Бингамъ, который, будучи Французскимъ Агентомъ во время Американской Революцїи, нажилъ миллїоны, никогда не хотѣлъ звать женщинъ на пиры свои. Робертъ Моррисъ и Губернаторъ Мифлинъ славились гостепрїимствомъ, которое состояло единственно въ томъ, чтобы поить своихъ гостей. Домъ Президента Вашингтона считался первымъ; однакожь, наблюдая во всемъ стро-

гую благопристойность, онъ не умѣлъ пріятнымъ образомъ занимать людей, былъ сухъ, холоденъ и походилъ своею важностію на какого нибудь Азіатскаго Царя; всякой, приходя къ нему, молчалъ и дожидался, чтобы Вашингтонъ началъ самъ говорить. Въ день аудіенціи онъ ни о чемъ болѣе не разсуждалъ, какъ о погодѣ. Самые друзья шутили надъ нѣмъ, и собираясь итти къ нему, обыкновенно повторяли: „теперь узнаемъ всѣ перемѣны барометра!“ Это безъ сомнѣнія не уменьшаетъ достоинствъ великаго человѣка, который, не умѣя говорить, умѣлъ дѣйствовать.

Со времени Французской Революціи поселились въ Бальтиморѣ многіе Французы, и ввели въ обыкновеніе гостепріимство, игру и маленькіе балы. Тамъ есть и театръ, Англійской и Французской. — Что выдетъ изъ главнаго новаго города, *Вашингтона*, еще не извѣстно: нынѣ живутъ тамъ по большой части одни работники. Въ 1796 году число жителей простиралось только до 5000. Французъ, именемъ Ланфанъ, сдѣлалъ планъ для сего прекраснаго города, который имѣетъ въ окружности 14 Французскихъ миль, и котораго улицы прямыми углами одна другую перерѣзываютъ, такъ что всѣ

идутъ отъ сѣвера къ югу или отъ востока къ западу, будучи въ ширину 100 футовъ. Всякая изъ нихъ называется именемъ провинцїи Соединенныхъ Областей и примыкаетъ къ большой площади, которая будетъ украшена статуями достойныхъ сыновъ отечества. Въ нѣсколькихъ миляхъ отъ города, на берегу Потомака, находится Вернонъ, обыкновенное жилище Вашингтона.

VI.

Китайскія газеты.

Въ Китаѣ всякую недѣлю издавна выходятъ газеты въ большой форматъ, печатаемыя на шелковой матерїи. Въ нихъ не бываетъ никакихъ извѣстїй о другихъ земляхъ; но за то онѣ весьма богаты всякаго рода Китайскими новостями, могутъ назваться лѣтописями сего государства, и славятся вѣрностїю. Въ 1726 году одинъ чиновникъ осмѣлился напечатать въ нихъ ложное извѣстїе: его позвали въ судъ и казнили. Съ того времени не было уже подобнаго случая. Китайскїе Императоры не рѣдко сами берутъ на себя должность ихъ Ценсора. Славный Кїен-Лонгъ весьма любилъ заниматься

сею цензурою; а нынѣшній въ 1798 году сочинилъ и внесъ въ газеты похвальное слово отцу своему. Въ нихъ описывали Макартнеево путешествіе; но Императоръ вздумалъ, что Европейцы могутъ употребить во зло сіи извѣстія, и запретилъ указомъ писать и говорить о томъ.

VII.

Сельское кладбище, Греева Элегія, переведенная съ Англійскаго.

(Переводчикъ посвящаетъ А. И. Т — у.)

Уже блѣднѣетъ день, скрываясь за горою;
Шумящія стада толпятся надъ рѣкой;
Усталый селянинъ, медлительной стопою,
Идетъ задумавшись въ шалашъ покойный свой.
Въ туманномъ сумракѣ окрестность исчезаетъ!
Повсюду тишина! повсюду мертвый сонъ!
Лишь изрѣдка, жужжа, вечерній жукъ мелькаетъ,
Лишь слышится вдали роговъ унылый звонъ (*)!
Лишь дикая сова, стеня подъ древнимъ сводомъ

(*) Въ Англіи привязываютъ колокольчики къ рогамъ барановъ и коровъ.

Мохнатой башни сей, винитъ передъ луной
Заблуждшихъ странниковъ, разрушившихъ приходомъ
Ея безмолвнаго владычества покой!
Во мракѣ черныхъ сосн и вязовъ наклоненныхъ,
Которы у могилъ развѣсившись шумятъ,
Здѣсь праотцы села, въ гробахъ уединенныхъ
Навѣки затворясь, сномъ непробуднымъ спятъ!
Дыханіе зари, гласъ утра золотова,
Ни крики пѣтуха, ни ранній звукъ роговъ,
Ни трели ласточки съ соломеннаго крова,
Ничто не воззоветъ почившихъ изъ гробовъ!
Пылающій огонь, въ горнилахъ развѣвая,
Ихъ въ зимни вечера не будетъ веселить,
И чада нѣжныя, приходъ ихъ упреждая,
Не будутъ съ жадностью лобзаній ихъ ловить.
Какъ часто ихъ серпы златую ниву жали,
И плугъ ихъ побѣждалъ упорныя поля!
Какъ часто ихъ сѣкиръ дубравы трепетали,
И потомъ ихъ лица кропилася земля!
Пускай рабы суетъ ихъ жребій презираютъ,
Смѣются дерзостно полезнымъ ихъ трудамъ;
Пускай съ холодною надменностью внимаютъ
Таящимся во тьмѣ убогова дѣламъ!
На всѣхъ ярится смерть! Царя, любимца славы,
Всѣхъ ищетъ грозная — и нѣкогда найдетъ!
Всемощныя Судьбы незыблемы уставы:
Стезя величія ко гробу насъ ведетъ!
А вы, наперсники фортуны ослѣпленны,
Не смѣйте спящихъ здѣсь безумно укорять

За то, что гробы ихъ не пышны и забвенны,
Что лесть имъ олтарей не хочетъ воздвигать!
Вотще надъ мертвыми, истлѣвшими костями
Трофеи зиждутся, надгробія блестятъ;
Вотще гласъ почестей звучитъ передъ гробами —
Угасшій пепелъ нашъ они не воспалятъ!
Ужель смягчится смерть сплетаемой хвалою,
И невозвратную добычу возвратитъ?
Не слаще мертвыхъ сонъ подъ мраморной доскою!
Надменный мавзолей лишь персть ихъ бременитъ.
Ахъ! можетъ быть, подъ сей могилою таится
Прахъ сердца нѣжнаго, умѣвшаго любить,
И кровожадной червь въ сухой главѣ гнѣздится,
Рожденной быть въ вѣнцѣ, иль мыслями парить!
Но просвѣщенья храмъ, воздвигнутый вѣками,
Угрюмою судьбой для нихъ былъ затворенъ:
Ихъ рокъ обременилъ убожества цѣпями;
Ихъ Геній, не родясь, неволей умерщвленъ!
Какъ часто рѣдкой перлъ, волнами сокровенной,
Въ бездонной пропасти сіяетъ красотой!
Какъ часто лилія цвѣтетъ уединенно,
Въ пустынномъ воздухѣ теряя запахъ свой!
Быть можетъ, пылью сей покрытъ Гампденъ надменный,
Защитникъ сельскихъ правъ, тиранства смѣлый врагъ;

Иль кровію гражданъ Кромвель не обагренный;
Или Мильтонъ нѣмый, безъ славы скрытый въ прахъ.
Сенатомъ управлять державною рукою,
Сражаться съ вихремъ бѣдъ, фортуну презирать,
Дары обилія на смертныхъ лить рѣкою,
Въ слезахъ признательныхъ дѣла свои читать —
Сего лишилъ ихъ рокъ — но вмѣстѣ преступленьямъ
Онъ съ доблестями ихъ предѣлы положилъ —
Бѣжать стезей убійствъ ко славѣ, наслажденьямъ,
И быть жестокими къ страдальцамъ запретилъ;
Таить въ душѣ своей гласъ совѣсти и чести,
Румянецъ робкія стыдливости терять,
И раболѣпствуя на жертвенникахъ лести,
Дары небесныхъ Музъ гордынѣ посвящать!
Скрываясь отъ мірскихъ погибельныхъ смятеній,
Безъ страха и надеждъ, въ долинѣ жизни сей,
Не зная горести, не зная наслажденій,
Они безпечно шли тропинкою своей!
Здѣсь мирный пепелъ ихъ почіетъ подъ землёю,
И скромный памятникъ во мракѣ сосн густыхъ,
Украшенъ надписью и рѣзьбою простою,
Зоветъ прохожаго вздохнуть надъ прахомъ ихъ!
Любовь на камнѣ семъ ихъ память сохранила:
Ихъ лѣта, имена потщилась начертать,

Евангельску мораль вокругъ изобразила,
По коей должны мы учиться умирать!
И кто съ сей жизнію безъ горя разлучался!
Кто прахъ свой по себѣ забвенью оставлялъ!
Кто въ часъ послѣдній свой симъ міромъ не плѣнялся,
И взора горькаго назадъ не обращалъ!
Ахъ! сердце нѣжное, Природу покидая,
Надѣется друзьямъ оставить пламень свой,
И взоры тусклые, навѣки угасая,
Еще стремятся къ нимъ съ послѣднею слезой!
Для нихъ гласъ нѣжности въ могилѣ нашей слышенъ,
И камень гробовой надъ нами оживленъ;
Для нихъ нашъ мертвый прахъ въ холодной урнѣ дышетъ! —
Еще огнемъ любви для нихъ воспламененъ!
А ты, почившихъ другъ, пѣвецъ уединенный!
И твой ударитъ часъ послѣдній, роковой!
И къ гробу твоему, тоскою заведенный,
Чувствительный придетъ услышать жребій твой!
Быть можетъ — селянинъ, покрытый сѣдиною,
Воспомнитъ о тебѣ и будетъ говорить:
„Онъ часто, по утрамъ, встрѣчался здѣсь со мною,
Когда спѣшилъ на холмъ зарю предупредить!
Тамъ часто онъ сидѣлъ подъ дремлющею ивой,
Поднявшей изъ земли косматый корень свой!
Тамъ часто въ горести безпечной, молчаливой,

Лежалъ надъ тихою, прозрачною рѣкой!
Не рѣдко, ввечеру, скитаясь межъ кустами, —
Когда мы съ поля шли, и въ рощѣ соловей
Свисталъ вечерню пѣснь — онъ томными очами
Уныло слѣдовалъ за тихою зарей!
Грустя, задумавшись, тоскою отягченный,
Онъ часто уходилъ въ дубраву слезы лить,
Какъ странникъ, родины, друзей, всего лишенный,
Котораго и жизнь несносно бременитъ!
Настало утро — ахъ! — онъ съ утромъ не являлся!
Ни къ ивѣ, ни на холмъ, ни въ лѣсъ не приходилъ!
Другое притекло, нигдѣ онъ не встрѣчался!
Мой взоръ его искалъ — искалъ — не находилъ.
На утро пѣніе я слышу гробовое:
Нещастнаго несли въ могилу положить!
Приближься и прочти надгробіе простое
На дикомъ камнѣ семъ, подъ коимъ онъ лежитъ."

Эпитафія.

Здѣсь пепелъ юноши въ сырой землѣ сокрыли.
Что слава, щастіе, не зналъ онъ въ мірѣ семъ!
Но Музы отъ него лица не отвратили,
И меланхоліи печать была на немъ.
Онъ кротокъ сердцемъ былъ, чувствителенъ душою:
Чувствительнымъ Творецъ награду положилъ!

Дарилъ нещастныхъ онъ — чѣмъ только могъ — слезою!
Въ награду отъ Творца онъ друга получилъ.
Прохожій, удались! во гробѣ сонъ священный:
Судьба почившихъ въ немъ покрыта грозной тьмой.
Надежда робкая живитъ ихъ пепелъ тлѣнный...
Кто знаетъ, что насъ ждетъ за гробовой доской?

В. Жуковскій.

VIII.

Эпитафія В. А. Засѣцкому.

Въ землѣ — лишь прахъ его; душа — на небесахъ.
Онъ мертвъ — покоится; мы живы — но въ слезахъ.

Ник. Остолоповъ.

ПОЛИТИКА.

I.

О выгодахъ торговли по Черному морю для Франціи и Россіи.

(Сочиненіе Поляка Малеженскаго, который служилъ во Французскомъ Польскомъ Легіонѣ и теперь живетъ въ Парижѣ.)

Издавна всѣ произведенія сѣвера вывозились только черезъ Балтійское море. Наконецъ Поляки вздумали избавиться отъ неумѣренныхъ пошлинъ Короля Прусскаго; увѣрились, что путь Чернаго моря во всѣхъ отношеніяхъ для нихъ гораздо выгоднѣе, и сообщили умный планъ свой Версальскому Кабинету, знавшему богатство южныхъ провинцій моего отечества и важность ихъ произведеній для торговли и морскихъ силъ Франціи. Онъ хотѣлъ всячески способствовать успѣху такого великаго предпріятія; но Революція отвлекла его вниманіе отъ внѣшней Политики — а скоро и Польша утратила имя и бытіе свое.

Сіи южныя провинціи орошаются тремя большими рѣками: Днѣпромъ или

Бористеномъ, который за Херсономъ впадаетъ въ Черное море; Бугомъ, текущимъ къ Очакову, и Днестромъ, котораго устье близь Акермана. Сіи рѣки въ теченіи своемъ гораздо пространнѣе Вислы и Нимена, сихъ единственныхъ путей нашей торговли къ Бальтійскому морю. Сверхъ того земли, черезъ которыя онѣ текутъ, не смотря на худое прилѣжаніе людей, могутъ назваться, въ разсужденіи главныхъ потребностей человѣка, страною обѣтованною. Въ доказательство тамошняго изобилія скажу, что одна Украйна содержала всѣ Рускія арміи отъ начала до конца послѣдней Турецкой войны.

Тамъ множество древнихъ лѣсовъ, которые ѣздилъ осматривать главный Тулонскій надзиратель корабельнаго строенія. Мачты, отправляемыя изъ Риги во Францію, въ 18 или 20 мѣсяцевъ доходятъ до своего назначенія отъ мѣста ихъ срубки: напротивъ того по Черному морю онѣ могутъ быть въ Тулонской гавани черезъ три мѣсяца. — Ирландскія соленыя мяса не лучше Украинскихъ, а по крайней мѣрѣ вдвое дороже. Пенька, шерсть, парусина, кожи, селитра, смола, конопляное масло, медъ, сало, хлѣбное вино — все находится тамъ въ изобиліи;

а воскъ такъ дешевъ въ Украйнѣ, что Австрійскіе купцы отправляютъ его сухимъ путемъ въ Галлицію, а оттуда черезъ Молдавію и Австрію, также сухимъ путемъ, въ Тріестъ, гдѣ они продаютъ его съ великимъ барышемъ. Табакъ Украинскій, по сдѣланной въ 1757 году пробѣ, оказался не хуже Виргинскаго, и главные Французскіе откупщики хотѣли тогда съ Варшавскими Банкирами заключить контрактъ для поставки его во Францію; но война не дозволила имъ исполнить сего намѣренія. — Поташъ, издавна отправляемый во Францію изъ Данцига, Эльбинга и Кенигсберга, есть также Украинское произведеніе; слѣдственно доставленіе его будетъ гораздо удобнѣе черезъ Херсонъ.

А какъ сія земля, сколь богатая естественными произведеніями, почти совсѣмъ не имѣетъ мануфактуръ, то Франція можетъ по Черному морю присылать туда свои шелковыя матеріи, сукна, вина, оливковое масло, ликёры, сахаръ, кофе, пряности, лекарства и проч. Сія торговля будетъ весьма выгодна для южныхъ провинцій ея, лежащихъ на берегу Средиземнаго моря. Даже и всѣ Леванскіе товары могли бы привозиться туда на Французскихъ корабляхъ. Сія

торговля нынѣ въ рукахъ Армянъ и Жидовъ, которые ввозятъ ихъ черезъ Молдавїю, и хотя подвержены всякаго роду обидамъ и притѣсненїямъ, однакожъ находятъ еще способъ имѣть барышь.

Французы скоро начали бы вывозить изъ Украйны и ввозить въ нее болѣе товаровъ, нежели Англичане и Голландцы, торгующїе нынѣ черезъ Балтїйское море съ Данцигомъ, Кенигсбергомъ и Ригою: ибо Днѣпръ, Бугъ и Днестръ идутъ во внутренность земли далѣе, нежели Висла и Нименъ; надобно только сдѣлать ихъ вездѣ судоходными. Каналъ Мухамскїй, соединяющїй Вислу съ каналами Пацибекскимъ и Огинскимъ, можетъ соединить и Бористенъ съ Нименомъ: тогда вся Польская торговля обратилась бы къ Черному морю. — Россїя, обладая нынѣ сими богатыми провинцїями, безъ сомнѣнїя воспользуется ими для общихъ выгодъ своей коммерцїи; а черезъ то утвердится и связь ея съ Францїею, къ обоюдной пользѣ сихъ двухъ великихъ Государствъ. Здѣсь Французы не встрѣтились бы съ тѣмъ хитрымъ народомъ, который хочетъ завладѣть торговлею цѣлаго свѣта черезъ свои капиталы, мануфактуры и Политику, основанную единственно на Коммерцїи. Французская

Республика, имѣя такое сильное политическое влїянїе, близкїя гавани и флотъ на Средиземномъ морѣ, должна пользоваться своими выгодами, и хотя гдѣ нибудь пересилить Англичанъ.

II.

Извѣстія и замѣчанія.

Швейцарія.

Президентъ Швейцарскаго Сейма, славный Алойсъ Рединг, Генералъ Ауфдермауръ и Цирихскїй ученый Гирцель, взяты подъ стражу Французскимъ Генераломъ Неемъ и заключены какъ преступники въ Арбургской крѣпости. Эрлахъ, Ваттенвиль и другїе Бернскїе Аристократы также (какъ слышно) будутъ посажены въ темницу. . . Всѣ тѣ, которые занимаются происшествїями времени, судьбою государствъ и человѣчества, по справедливости должны были удивиться такому дѣйствїю строгости, напоминающему жестокїя правила Революцїи. Мы сомнѣваемся въ патрїотической добродѣтели Рединга и друзей его, и не хвалимъ Бернской Олигархїи, которую они

хотѣли возстановить; но Франціи ли наказывать сихъ гражданъ? Когда бы Сеймъ сопротивлялся, тогда бы Генералъ Ней имѣлъ неограниченное право завоевателей; но обѣщать мирное посредство и схватить безоружныхъ людей какъ преступниковъ — самыхъ тѣхъ, которыхъ Бонапарте звалъ въ Парижъ для совѣта, и которые торжественно объявили, что они не хотятъ противиться силѣ — кажется намъ великою несправедливостію. Не Франція ли ввергнула Швейцарію въ хаосъ анархіи? не Франція ли способствовала многимъ революціямъ въ Гельветическомъ правленіи? не ея ли Министры были главною опорою тамошнихъ честолюбцевъ? Слѣдственно она менѣе всѣхъ другихъ Европейскихъ Державъ можетъ винить Швейцаровъ; признавъ же, Люневильскимъ трактатомъ, ихъ независимость, должна была отказаться отъ средствъ насилія и деспотизма. Соглашаемся, что послѣдняя Гельветическая Конституція могла бы успокоить Швейцарію; соглашаемся, что Рединтъ и друзья его только по личнымъ страстямъ хотѣли испровергнуть ее; но естьли всѣ Кантоны и города пристали къ нимъ, то они уже оправданы. Бонапарте могъ ввести Французское войско

въ Гельвецїю, но единственно для сохраненїя порядка, для обузданїя черни, для свободы выборовъ и законодательныхъ дѣйствїй въ сей Республикѣ, а не для того, чтобы сажать въ темницу знаменитыхъ гражданъ, удостоенныхъ общей довѣренности. Каковъ ни есть Рединъ, но сограждане почитаютъ его; влїянїе, которое онъ имѣетъ на общую волю, есть дѣйствїе свободы ихъ, и законно, естьли они составляютъ народъ независимый. Должно помогать сосѣдамъ, но не должно быть ихъ притѣснителемъ.

Мысль собрать Депутатовъ Гельвецїи въ Парижѣ льститъ самолюбїю Консула, но оскорбительна для патрїотизма Швейцаровъ, которые умѣли быть свободными гораздо прежде Французовъ и безъ униженїя не могутъ явиться въ передней гражданина Талерана. Естьли отрасль древней славной фамилїи кажется намъ почтенною; естьли великїя дѣла человѣка бросаютъ какой-то лучь на самыхъ отдаленныхъ его потомковъ: то Швейцары могутъ требовать всеобщаго уваженїя. Они не Чизальпинцы, пожалованные Консульскимъ указомъ въ преемники древнихъ Римлянъ. Не въ тѣсномъ и шумномъ Парижѣ, гдѣ люди всегда превращали басню Хамелеона въ истину,

но среди гордыхъ Альпъ, гдѣ болѣе четырехъ вѣковъ гремѣло имя свободы — на равнинахъ, гдѣ пастухи, одушевленные любовїю къ отечеству, истребляли лучшїя Европейскїя армїи — среди величественныхъ предметовъ Натуры и славныхъ воспоминанїй народнаго геройства должны сыны Гельвецїи совѣтоваться о благѣ страны ихъ и средствахъ воскресить патрїотизмъ въ гражданахъ. Пусть тамъ легїоны Французскїе въ почтительномъ отдаленїи окружатъ ихъ своими дружескими щитами, чтобы революцїонная необузданность — сїе чудовище, которое родилось во Францїи — не мѣшала спокойному дѣйствїю умовъ и законодательной мудрости! Пусть Бонапарте, какъ другъ народнаго благоденствїя, объявитъ имъ свое мнѣнїе о лучшемъ образѣ правленїя для Гельвецїи, не требуя Депутатовъ передъ Консульской тронъ свой! Тогда онъ поступилъ бы какъ великодушный властелинъ и герой добродѣтели; а теперь поступаетъ — какъ *Генералъ Европы*, дающїй воинскїе строгїе приказы!

Знаемъ, что власть и сила могутъ смѣяться надъ идеями Филантроповъ; знаемъ, что о вкусахъ спорить недолжно (по старинной Латинской пословицѣ), и что иному прїятнѣе жить въ какомъ

нибудь великолѣпномъ замкѣ, нежели въ храмѣ богини Клїо; но въ такомъ случаѣ не надобно уже думать о славѣ, не надобно говорить о *потомствѣ*, *справедливости*, *мнѣнїи вѣковъ*: ибо не Префекты Сен-Клудскаго замка будутъ писать Исторїю!

Слышно, что Министръ Талеранъ изготовилъ уже *новѣйшую* Конституцїю для Швейцарїи къ прїѣзду Депутатовъ въ Парижъ. Французы набили руку въ семъ дѣлѣ: нигдѣ не сочиняется столько романовъ и конституцїй, какъ въ Парижѣ!

Гельветическое Правительство обнародовало свое оправданїе, которое еще болѣе обвиняетъ его въ глазахъ народа. Оно говоритъ, что Швейцары заслуживаютъ свое бѣдствїе, дерзнувъ возстать противъ властей своихъ; но можетъ ли назваться народною та власть, которую ненавидитъ народъ? а сїю ненависть заслужило Гельветическое Правительство своею безразсудною жестокостїю противъ нещастнаго Цириха. И можетъ ли избранное Республиканское начальство говорить такїя грубости *всей* нацїи, то есть, утверждать, что она безразсудна, не знаетъ своей пользы и во всемъ виновата? Демосѳенъ жестоко бранилъ Аѳинянъ; но онъ говорилъ какъ простой гражданинъ;

а начальство *избранное*, унижая народъ, сослабляетъ обственную силу свою, которую оно единственно отъ него получило. Гельветическое Правительство должно было или молчать, или говорить только о заблужденіи *нѣкоторыхъ*, а не *всѣхъ*. Надобно по крайней мѣрѣ сохранять пристойность, когда уже справедливость нарушена.

Къ нещастію, мы не видимъ еще, какъ миръ и благоденствіе могутъ быть возстановлены въ бѣдной Швейцаріи.

Парижъ.

Пушечные выстрѣлы дали знать Парижу, что Консулъ возвратился въ Сен-Клу. Сенатъ, Законодательный Корпусъ и Трибунатъ спѣшили изъявить ему свое усердіе, радость, и проч. и проч. Вице-Президентъ Сената, бывшій Генералъ Периньйонъ, въ пышной своей рѣчи совѣтовалъ ему, чтобы онъ и впредь путешествовалъ такимъ образомъ для ободренія Французской промышленности.

Изъ всѣхъ ораторскихъ привѣтствій, съ которыми встрѣчали Консула въ большихъ и малыхъ городахъ, самое лучшее есть краткая рѣчь Амьенскаго Мера,

представленнаго ему въ Бове. Вотъ она: „Генералъ Первый Консулъ! Депутаты „Амьенскаго Совѣта, органы всѣхъ граж„данъ, приносятъ вамъ дань любви ихъ, „съ изъявленіемъ желанія, чтобы вы „посѣтили нашъ городъ. Вы видѣли берега „Ёры и Сены: берега Сомы требуютъ „вашего присутствія. Жители ихъ также „трудолюбивы; они старшіе сыны Фран„ціи. Исторія доказываетъ искренность „характера ихъ; а какъ одна истина „можетъ достойно славить васъ, то „спѣшите, Генералъ Консулъ, принять „наши благословенія. Вы увидите дѣя„тельность торговли, и еще болѣе ожи„вите ее; увидите поля, обогащенныя „трудолюбіемъ. Мы покажемъ вамъ мѣста, „гдѣ храбрость нашихъ предковъ спорила „со щастіемъ Рима; гдѣ стояли Легіоны „Цесаревы, и гдѣ сражался Генрихъ. Сіи „великія воспоминанія подадутъ случай „къ любопытнымъ сравненіямъ. Генералъ „Первый Консулъ! вы прославили нашъ „городъ (*): имя его гремитъ во всей „Европѣ, мѣшаясь съ гимнами мира. „Взгляните на храмъ, вами ему посвя„щенный. Да увидятъ васъ наши согра„жданe, и да увѣрятся, что творецъ

(*) Тамъ заключенъ миръ съ Англіею.

„столь многихъ и благодѣтельныхъ чу-„десъ не есть Герой баснословный!“ — Похвала велика, но такъ умна, что и враги лести могутъ читать ее съ удовольствіемъ. Умъ, талантъ и вкусъ даже и во Франціи не весьма обыкновенны.

На примѣръ: Парижскіе Журналисты говорятъ, что Бонапарте, осмотрѣвъ Руанскія мануфактуры, напоминаетъ ПЕТРА Великаго, который также осматривалъ фабрики въ Голландіи, Англіи, Франціи, и проч. ! ! Спрашиваемъ, есть ли умъ и чувство пристойности въ господахъ Журналистахъ?

Изъ уваженія къ главному Чиновнику Франціи и великому человѣку, мы не хотимъ брать изъ Лондонскихъ Вѣдомостей всего, что онѣ говорятъ объ немъ; но слѣдующая шутка кажется намъ совершенно невинною. „Говорятъ, что путешествіе „учитъ молодыхъ людей: это не всегда „справедливо, и Первый Консулъ доказы-„ваетъ, что можно странствовать по бѣ-„лому свѣту безъ всякой пользы для вку-„са. Сказавъ Руанскому Меру, что онъ не „отдастъ никому ключей отъ сердца „Руанскихъ жителей, Бонапарте заста-„вилъ преданныхъ ему людей извинять „его молодыми лѣтами и великою охотою „всѣхъ Италіянцевъ къ *игривымъ словамъ*

„или Concetti!“ — Далѣе Англійскіе Журналы говорятъ: „Въ отсутствіе Кон„сула вспомнили объ его скромныхъ „товарищахъ. Камбасересъ занимался уже „не одною Оперою, и Лебрюнъ видѣлъ въ „залѣ своей чиновниковъ. Бонапарте „поручалъ имъ нѣкоторыя дѣла, одна„кожь не съ тѣмъ, чтобы они рѣшили „ихъ какъ имъ вздумается! Насмѣшники „говорятъ, что сіи два Консула менѣе „всѣхъ знаютъ систему Правительства въ „разсужденіи внутреннихъ и внѣшнихъ „дѣлъ, такъ, что они въ аудіенціяхъ „своихъ не смѣли почти сказать слова, „чтобы не ошибиться и не прогнѣвить „Бонапарте. — — Славной Луціанъ, братъ „Консуловъ, былъ съ нимъ опять въ раз„молвкѣ, уѣхалъ изъ Парижа и жилъ въ „сельскомъ домѣ своемъ въ Плесси. Іосифъ, „второй братъ, старался помирить ихъ. „Луціанъ игралъ на домашнемъ театрѣ „своемъ ролю Отелло, когда прислали ему „сказать, что его ожидаютъ въ Сен-Клу. „Онъ въ ту же минуту скинулъ теа„тральное платье, поѣхалъ туда, дружески „обнялся съ Консуломъ и плакалъ. Люди, „которые знаютъ его дѣятельной харак„теръ и пылкое воображеніе, увѣрены, что „онъ не останется въ покоѣ, выдумаетъ „какой нибудь новой планъ, будетъ опять

„сосланъ, или займетъ первое мѣсто по „своемъ братѣ. — — Массена вошелъ въ „милость къ Бонапарте, такъ, что „придворные господа въ Сен-Клу счи- „таютъ его лучшимъ Генераломъ Респуб- „лики, унижаютъ передъ нимъ Моро, и „защиту Генуи называютъ славнѣйшимъ „дѣломъ всей Революціонной войны. Массена „богатъ, любитъ деньги еще болѣе славы „и хочетъ жить покойно. Ожеро сказалъ „не давно одному изъ друзей своихъ: „въ „нынѣшнихъ обстоятельствахъ, не вся- „кому извѣстныхъ, мы непремѣнно дол- „жны были помириться съ нашимъ преж- „нимъ Генераломъ (то есть, съ Бонапар- „те).“ — Сухость и незанимательность Парижскихъ извѣстій заставляетъ насъ прибѣгать къ Лондонскимъ Журналамъ, которые можно сравнять съ людьми, желающими всегда разсказывать любопытное и для того не рѣдко мѣшающими ложь съ правдою. Химическое дѣйствіе разсудка легко отдѣляетъ одну отъ другой.

Бонапарте посвящаетъ всю свою дѣятельность внѣшней Политикѣ и внутреннему правленію, особенно же успѣхамъ торговли и художествъ. Власть его такъ хорошо основана, что она уже не имѣетъ нужды въ энтузіазмѣ для

своей твердости. Кажется, что Консулъ это знаетъ — и благоразумные наблюдатели думаютъ, что онъ, имѣя еще болѣе властолюбія, нежели славолюбія, удовольствуется на всю жизнь свою *спокойнымъ* царствованіемъ безъ имени Царя, не захочетъ ни опасностей войны, ни важныхъ перемѣнъ въ системѣ внутренняго правленія, которыя питаютъ безпокойство въ умахъ. У Французовъ будутъ фабрики, новые каналы, множество всякаго роду товаровъ, картинъ, статуй, театры и балы. Имъ позволятъ даже и смѣяться отъ времени до времени надъ Консуломъ, но только не очень громко. Богатые станутъ наслаждаться, бѣдные искать богатства — всѣ заняты, и довольно. Правда, не надобно думать о томъ, что будетъ послѣ смерти Наполеона: онъ самъ, кажется, о семъ не думаетъ: остается слѣдовать его примѣру. Французская Конституція не имѣетъ въ себѣ ни малѣйшаго признака долгой жизни, будучи, такъ сказать, написана на пескѣ мечемъ Консула; ее завѣетъ вѣтромъ, какъ скоро Бонапарте оставитъ сцену здѣшняго свѣта. Для того всѣ искренніе друзья тишины и благоустройства желаютъ ему долголѣтія, чтобы Франція и вся Европа успѣли пріобрѣсти драгоцѣнный навыкъ спокой-

спвія, который можетъ спасти насъ отъ новыхъ бѣдъ.

Министръ внутреннихъ дѣлъ прислалъ въ городокъ Лаге мраморный бюстъ славнаго Декарта, чтобы поставить его тамъ въ домѣ гражданина Тьери, гдѣ жили нѣкогда Декартовы родители. Изъ всѣхъ ближнихъ городовъ и Департаментовъ съѣхалось множество людей и чиновниковъ къ сему празднику. Семидесятилѣтніе старцы несли бюстъ Философа изъ ратуши въ домъ гражданина Тьери. Передъ ними шли дѣти, увѣнченныя цвѣтами; а за ними Декартова правнука, Госпожа Марсе, съ ея дѣтьми и внучатами. Военная музыка гремѣла, и отрядъ Національной гвардіи заключалъ корпежъ. Онъ остановился подлѣ *жертвенника отечесства*, украшеннаго гирландами и дубовыми листьями. Тамъ Префектъ, Генералъ Помрёль, съ благороднымъ краснорѣчіемъ изобразилъ славу и величіе Декарта. Бюстъ поставили въ самой той комнатѣ, гдѣ родился сей великой человѣкъ. Послѣ обѣда, къ которому были приглашены всѣ чиновники и Декартова фамилія, и за которымъ пѣли гимны въ честь Философу, *филантропическое общество* города Лоша играло маленькую драму: *Рене Декартъ*, сочинен-

ную для сего праздника. Ввечеру, на берегу рѣки Крёзы, былъ феерверкъ, зажженный Префектомъ и Госпожею Марсе. Во весь день стрѣляли изъ пушекъ, и музыканты Національной гвардіи играли на улицахъ. Добрые жители городка Лаге, ихъ прекрасныя жены и дочери, старались всячески объ удовольствіи гостей своихъ. Теплый день и ясная, лунная ночь способствовали красотѣ и веселью сего праздника, даннаго въ честь отцу Философіи. Балъ въ домѣ Г. Тьери продолжался до самаго утра. (*Изъ Парижскаго Журнала.*)

„Первый Консулъ одержалъ побѣду въ Америкѣ (говоритъ издатель *Французской Газеты*), хотя и не такую славную, какъ Маренгская, однакожъ достойную свѣдѣнія разсудительныхъ людей. Не далеко отъ Филадельфіи живетъ одинъ старой Французской Роялистъ, именемъ Графъ Рокборнъ, который поселился тамъ въ началѣ Сен-Доминской революціи, и обратилъ на себя вниманіе своимъ необыкновеннымъ характеромъ. Сей старикъ, имѣющій отъ роду 85 лѣтъ, отпустилъ себѣ бороду, и всѣмъ объявилъ, что обрѣется единственно тогда, когда Лудовикъ XVIII взойдетъ на престолъ во Франціи. Слыша о дѣлахъ Бонапарте, онъ мало по

малу смягчился въ своемъ образѣ мыслей, и наконецъ — обрился, говоря, что такой Консулъ стоитъ Короля!" — Графъ Рокборнъ щастливѣе Катона: Плутархъ увѣдомляетъ насъ, что сей Республиканецъ умеръ съ небритою бородою, которую онъ отпустилъ также въ знакъ горести, видя торжество Цесаря.

Въ Парижѣ, въ бывшемъ Пале-Рояль, любопытные смотрятъ двухъ человѣкъ, покрытыхъ съ головы до ногъ чешуею, кромѣ ладони и подошвы. Они братья и родились въ Англіи; одному 22 года, а другому 14 лѣтъ. Нѣкоторые Англійскіе Натуралисты описываютъ одного Американскаго уроженца съ такою же чешуею, который въ началѣ 18 вѣка былъ въ Лондонѣ: сіи молодые люди правнуки его.

„Нынѣ вошло въ моду уѣзжать въ „Россію (говорятъ во Французскихъ Га„зетахъ). Какъ скоро живописцу дока„жутъ его посредственность, онъ кладетъ „въ чемоданъ кисть свою и ѣдетъ въ „Россію. Естьли красавица видитъ, что „прелести и *тюрбанъ* ея не производятъ „великаго дѣйствія въ Тиволи и Фра„скати, она проклинаетъ свое неблаго„дарное отечество и на другой день „ѣдетъ въ Россію. Естьли актеръ не до„воленъ публикою, естьли танцовщикъ

„прыгнулъ неудачно, они ѣдутъ въ „Россію. Однимъ словомъ, Россія сдѣлалась убѣжищемъ посредственности или „вышнимъ судомъ, въ который переносятъ дѣло свое Артисты, осужденные „въ Парижѣ.“ — И такъ будемъ умѣренны въ похвалѣ своей, когда сіи господа къ намъ пріѣдутъ! Но это газетная шутка или зависть: — Гара, ѣдущій въ Петербургъ, плѣнялъ Французовъ своимъ голосомъ, и они крайне жалѣютъ объ немъ.

Новыя Сеи - Домингскія извѣстія доказываютъ, что Негры тамъ еще не успокоились и болѣзни не перестали свирѣпствовать. Генералъ Леклеръ хвалитъ мужество Польскаго Легіона, оказанное имъ въ сраженіяхъ съ мятежниками. — Мы признаемся въ сердечной ненависти къ симъ ужаснымъ могиламъ Европейцевъ, называемымъ Колоніями. Тамъ Судьба наказываетъ потомковъ за лютость ихъ предковъ. Извѣстно, что Гишпанцы истребили всѣхъ первоначальныхъ жителей въ Сен - Доминго. Съ того времени сей островъ не переставалъ быть театромъ физическихъ и моральныхъ бѣдствій. Сколько тысячь Французовъ остались бы живы, естьли бы Туссенъ Лувертюръ утвердилъ свою независимость! — *Монитёръ* увѣдомляетъ,

что жена Генерала Леклера никакъ не хотѣла оставить своего мужа въ опасности и сказала: „Сестра Перваго Консула не боится умереть въ лагерѣ!“

Пармское Герцогство, занятое Французами, назначено, какъ говорятъ, для Короля Сардинскаго или для бывшаго Герцога Тосканскаго. — Слышно, что зять Консула Бонапарте, Генералъ Мюра, будетъ Вице-Президентомъ Италїянской Республики; а Гражданинъ Мельци поѣдетъ на отдыхъ въ Гишпанскїя свои маетности. Бонапарте любитъ своихъ родныхъ. — Принцъ Русполи не хочетъ быть Великимъ Магистеромъ Мальтїйскаго Ордена. — Маленькая Валлиская Республика посылаетъ Депутатовъ благодарить Консула за ея независимость. — — Славный живописецъ Давидъ пишетъ теперь Леонида при Термопилахъ и Бонапарте, дающаго миръ Европѣ. — Изъ Каира есть извѣстїе, что Мамелюки вездѣ бьютъ Турковъ, и по всей вѣроятности вытянутъ ихъ изъ Египта. Англичане еще въ Александрїи, надѣляютъ Бедуиновъ оружїемъ и живутъ съ Турками весьма не дружно.

Въ Лондонѣ открылся умыселъ противъ Короля. Главный заговорщикъ, Полковникъ Деспардъ, взятъ подъ стражу. Онъ и товарищи его должны быть не только злодѣи, но и безумцы. Они хотѣли выпустить изъ темницы всѣхъ разбойниковъ, разграбить Банкъ, и проч. — Лондонскій народъ бѣгаетъ толпами за Французскимъ Министромъ Андреосси, и Журналы замѣчаютъ для потомства, что онъ черенъ какъ Мулатъ, носитъ мундиръ и кошелекъ!

Говорятъ, что вся нещастная Фамилія Бурбоновъ будетъ жить въ Варшавѣ. Теперь она разсѣяна. Лудовикъ XVIII въ Варшавѣ, а супруга его въ Вильдунгенѣ; Графъ д'Артуа въ Голирадѣ близь Эдимбурга, съ младшимъ сыномъ своимъ, Герцогомъ де-Берри; старшій сынъ, Герцогъ д' Ангулемъ и его супруга, дочь Лудовика XVI, въ Варшавѣ; Графиня д' Артуа въ Клагенфурдѣ. Три сына Герцога Орлеанскаго въ Лондонѣ; ихъ мать и сестра въ Барцеллонѣ. Принцъ Конде въ деревнѣ близь Лондона; сынъ его, Герцогъ Бурбонской, въ самомъ городѣ; а супруга его въ Барцеллонѣ. Второй сынъ Принца Конде живетъ съ Кардиналомъ Роганомъ въ Эттенгеймѣ, а незамужняя

Принцесса въ одномъ Швейцарскомъ монастырѣ. Принцъ Конти въ Барцеллонѣ, а супруга его въ Швейцаріи.

Землетрясеніе, бывшее въ Москвѣ, пришло къ намъ отъ Іоническаго моря и всего болѣе свирѣпствовало въ Итакѣ, прославленной Гомеромъ. Въ Варшавѣ, Землинѣ и другихъ мѣстахъ оно было легко; но въ Бухарестѣ разрушились многіе домы и церкви. Въ семъ городѣ явилось озеро, котораго зеленоватая вода нѣсколько часовъ весьма пахла сѣрою. Этна и Везувій уже давно не выбрасывали лавы. Физики приписываютъ тому всѣ нынѣшнія землетрясенія.

Письмо изъ Корфу отъ 24 Октября. Послѣ бури настала тишина. Ужасная анархія наконецъ пресѣклась, и сердца наши, долго угнетенныя, наслаждаются свободою и миромъ, благословляя человѣколюбіе Россійскаго Монарха. Оттоманская Порта, убѣжденная симъ великодушнымъ Государемъ, уступила намъ большую часть ежегодной подати. Министръ Его Величества есть защитникъ избранныхъ властей и порядка въ Республикѣ Семи-Островов. Онъ занялъ войскомъ мѣстечко

Потанчи, которое было убѣжищемъ всѣхъ мятежниковъ.

III.

Анекдотъ изъ новаго собранія матеріаловъ для описанія Французской Революціи.

Въ 1791 году, когда Лудовикъ XVI былъ взятъ подъ стражу въ Вареннѣ, три деревни во Франш-Контѣ, не получая долго никакихъ указовъ отъ имени Королевскаго, вздумали, что онѣ по объявленнымъ *правамъ человѣка* могутъ имѣть собственнаго Короля, выбрали въ сіе достоинство одного земледѣльца и дали ему трехъ Министровъ, изъ которыхъ одного назвали Неккеромъ, для того, что сіе имя было у нихъ въ великомъ уваженіи. Новый Король, будучи долженъ, по ихъ волѣ, отказаться отъ работы, не зналъ, чѣмъ жить, ибо ему не назначили никакихъ доходовъ для содержанія его высочайшей фамиліи. Онъ собралъ подданныхъ и предложилъ имъ свое недоумѣніе; они нашли требованіе его справедливымъ и вздумали срубить нѣсколько

деревъ въ ближнемъ лѣсу, чтобы продать ихъ въ пользу его величества. Исполненіе сего опредѣленія не полюбилось лѣсному сторожу: онъ счелъ ихъ обыкновенными ворами и вздумалъ съ ними драться. За такую ошибку ему надлежало заплатить дорого: Король велѣлъ его взять подъ стражу, судить и тотчасъ повѣсить. Сіе чудное происшествіе сдѣлалось извѣстно. Отрядъ Національной гвардіи и нѣсколько гранадерскихъ ротъ изъ Безансона вступили въ область новаго королевства, разбили армію подданныхъ, взяли царя и привели его въ городъ. Министръ де-Лессаръ, разсказывая сей анекдотъ Лудовику XVI, далъ ему такой оборотъ, что будто бы крестьяне взбунтовались только изъ усердія къ его особѣ, и хотѣлъ доказать тѣмъ общую ненависть сельскихъ жителей къ Революціи. Но Король, зная истинное происшествіе, отвѣчалъ съ неудовольствіемъ: „Министру „не должно говорить въ Совѣтѣ о такомъ „дѣлѣ, котораго обстоятельства ему „неизвѣстны“ — и разсказалъ все, какъ подлинно было.

Этотъ анекдотъ напоминаетъ мнѣ другой случай въ Лотарингіи, моей отчизнѣ. Помѣщикъ одной деревни, Маркизъ N., столько угнеталъ земледѣльцевъ,

что они при началѣ Революцїи хотѣли наказать его. Онъ имѣлъ 29 тяжебныхъ дѣлъ съ крестьянами Жирмонскими, и разорилъ множество добрыхъ семействъ, хотя 28 дѣлъ рѣшено было въ ихъ пользу. Они всѣ пришли къ нему, въ самое то время, какъ онъ собирался тихонько уйти — требовали отъ него денегъ, которыхъ стоили имъ тяжбы, и единогласно объявили, что безъ сего удовлетворенїя не выпустятъ его изъ дому. Маркизъ отговаривался, просилъ, но долженъ былъ наконецъ исполнить ихъ требованїе. Крестьяне послѣ того начали разсуждать, какимъ образомъ наказать одного изъ своихъ товарищей, не хотѣвшаго согласиться съ ними и державшаго сторону жестокаго помѣщика. Они торжественно осудили его цѣлый мѣсяцъ быть дворяниномъ; и въ теченїе сего времени всякой земледѣлецъ, встрѣчаясь съ нимъ, говорилъ ему: *здравствуй, Маркизъ Кола!* Бѣднякъ плакалъ съ досады, не смѣлъ наконецъ выходить изъ дому и закаился впредь вступаться за Маркизовъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ШЕСТОЙ ЧАСТИ.

НОЯБРЬ № 21.

Стран.

I. *Женщина - Авторъ.* (*Окончаніе*). 3

II. *Нѣкоторыя примѣчанія Гражданина Мишо для Историковъ Французской Революціи.* - - 28

III. *Кости неизвѣстнаго звѣря, найденныя въ Ярославской Губерніи.* 38

IV. *О нѣжности.* - - 42

V. *Китайская мудрость.* - 47

VI. *Левъ и его любимецъ. Басня.* - 51

VII. *Нѣсколько словъ о новой Французской Конституціи.* - - 52

VIII. *С. Маринская Республика.* - 63

IX. *Извѣстія и Замѣчанія.* - 69

НОЯБРЬ № 22.

Стран.

I. *Необходимость знать первыя арифметическія правила до женитьбы.* - - 87

II. *Критическая исторія бѣдности.* 100

III. *Анекдотъ.* - - 108

IV. *Разговоръ о невидимо-видимомъ обществѣ.* - - 116

V. *Египетскіе вечера.* - 129

VI. *Нѣсколько словъ о Лаконизмѣ.* - 132

VII. *Якутская пѣсня.* - 133

VIII. *Пѣтухъ, котъ и мышенокъ.* - 134

IX. *Смѣсь.* - - 136

X. *Истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное Консульство Наполеона Бонапарте.* - 139

XI. *Письмо изъ Лондона о Питтѣ.* 153

XII. *Извѣстія и Замѣчанія.* - 155

ДЕКАБРЬ No 23.

Стран.

I. *Ревность.* - - 170

II. *Къ добродѣтели.* - - 206

III. *Безсмертіе.* - - 211

IV. *Царь и два пастуха.* - - 213

V. *Всегдашній Маскерадъ.* - - 216

VI. *Катуловъ сельской домъ на полуостровѣ Серміоне.* - - - 222

VII. *О магнетизмѣ.* - - - 225

VIII. *Къ читателямъ Вѣстника.* - 226

IX. *Истинный смыслъ народнаго согласія на вѣчное Консульство Наполеона Бонапарте. Сочиненіе Камиля Жордана.* (*Окончаніе*). 230

X. *Извѣстія и замѣчанія.* - - 249

ДЕКАБРЬ № 24.

I. *Колодезь Истины.* - 261

II. *О случаяхъ и характерахъ въ Россійской Исторіи, которые могутъ быть предметомъ Художествъ.* - - - 289

III. *Нынѣшній вкусъ.* - - 308

IV. *Дневныя записки молодой женщины.* - - 310

V. *Общества въ Америкѣ.* - 315

VI. *Китайскія Газеты.* - - 318

VII. *Сельское кладбище, Греева Элегія, переведенная съ Англійскаго.* - - - 319

VIII. *О выгодахъ торговли по Черному морю для Франціи и Россіи.* - 326

IX. *Извѣстія и замѣчанія.* - 330

X. *Анекдотъ изъ новаго собранія матеріаловъ для описанія Французской Революціи.* - - 348

Опечатки въ нѣкоторыхъ книжкахъ Вѣстника.

Въ *новомъ* изданіи первой книжки

Стран.	стр.	*Напечат.*	*Читай.*
54	15	вѣковъ — вѣнокъ	
		Книжка 2.	
21	2	ему — уже	
65	18	важнѣйшихъ — нѣжнѣйшихъ	
		Книжка 20.	
325	18	чей — чьей	
		Книжка 22.	
158	8	сопы — оспы	
		Книжка 23.	
174	20	раздоворахъ — разговорахъ	
—	22	гля — для	
184	21	и — а	
199	19	ея — ей	